

**ИНСТИТУТ ТЕХНОЛОГИЙ И ИННОВАЦИОННОГО
МЕНЕДЖМЕНТА В ГОРОДЕ КУЛЯБЕ**

На правах рукописи

ЧОРШАНБИЕВА ЗАЙНАБХОН АШУРОВНА

**ЛЕКСИКО – СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ
ЭМОЦИИ» В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ:
КОГНИТИВНО - ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 10.02.20 - Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

Научный руководитель: доктор
филологических наук, профессор
Шамбезода Хусрав Джамшедович

Душанбе - 2020

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	4
Глава 1. Теоретические основы исследования эмотивной лексики в английской и таджикской языковых картинах мира	12
1.1. Истоки термина «языковая картина мира» в лингвистической литературе.....	12
1.2. Лексико-семантическое поле как фрагмент языковой картины мира.....	19
1.2.1. Свойства семантического поля. Определение термина «лексико-семантическое поле».....	20
1.3. Когнитивные аспекты изучения «отрицательных эмоций» в лингвистике.....	32
1.4. Соотношение категорий эмоциональности и экспрессивности.....	39
1.5. Эмоциональная лексика и ее особенности в художественном тексте.....	54
Выводы по главе 1	63
Глава 2. Семантика и функционирование единиц лексико-семантического поля «отрицательные эмоции» в английском и таджикском языках	65
2.1. Основные проблемы исследования «отрицательных эмоций» в английском и таджикском языках.....	65
2.1.1. Репрезентация негативных эмоций в языковой картине мира английского и таджикского языков (на материале соматической лексики).....	65
2.2. Семантико-когнитивный анализ лексико-семантического поля «отрицательные эмоции» в английском языке.....	86
2.2.1. Микрополе angry – хашм (гнев).....	91
2.2.2. Микрополе fear – тарс (страх).....	99
2.2.3. Микрополе sadness – андӯх (печаль).....	106
2.3. Лексико-семантическое поле «отрицательные эмоции» в таджикском языке.....	110

2.3.1. Микрополе ғазаб – гнев	110
2.3.2. Микрополе тарс – страх.....	116
2.3.3. Микрополе андӯх– горе, печаль.....	118
Выводы по главе 2.....	121
Заключение.....	122
Библиография	129
Словари.....	144
Литературные источники.....	145

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос реализации человеческой эмоции как *Homo sapiens* в лингвистической литературе является тем исследовательским подходом, где соприкасаются следующие ее парадигмы: коммуникативная, когнитивная, текстовая, прагматическая, культурологическая, категоризационная и др. Данная полипарадигмальность лингвистики эмоций представляет собой логическое развитие психологии, которое ориентировано на лингвистику, установившая, что эмоции охватывают всю человеческую деятельность, включая ментальную и вербальную сферы, а также язык тела. Согласно В.И. Шаховскому язык и эмоции тесно взаимосвязаны [Шаховский, 2008, 34].

Будучи коммуникативно релевантными, эмоции воспроизводятся и конструируются, проявляясь в лексических и экстралингвистических формах, но при этом не всегда семантизируются. Как отмечает А. Вежбицкая, человеческая эмоция – это смыслонесущий фактор, возникающий в процессе общения [Вежбицкая, 1995, 235]. Данная позиция была подтверждена огромным количеством работ концептологов и этимологов.

Следует заметить, что человеческое сознание (мышление) является концептуализатором познания относительно эмоций. Накапливая, обобщая и конструируя познания об эмоциях, оно концептуализирует их. В результате, которого эмоции получают так называемый паралингвистический код или лексиколизированную символику.

Как отмечает В.И. Шаховский, важным условием для плодотворной мыслительной деятельности человека выступает эмоциональная активность. Исходя из этого, многие научные направления рассматривают эмоциональное мышление – как самостоятельный тип, что, на наш взгляд, является неопровержимым, так как человеческая деятельность, его сознание и эмоции, а также язык тесно связаны между собой [Шаховский, 2008, 78].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью углубленного исследования способов концептуализации отрицательной эмоции в таджикской и английской языковых картинах мира в рамках когнитивной лингвистики. Согласно позиции Ю.С. Степанова, чтобы создать эмоциональную картину мира, необходимы эмоциональные концепты, имеющие важное значение и ценность. В том или ином естественном языке эмоциональная картина мира изображается исследователем посредством концепта словно «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов, 1995, 34] на пересечении нескольких образующих слоев культуры, познания и языка.

В диссертационной работе исследуется специфика межкультурных различий, которая находит свое отражение в сознании и языке. В любой лингвистической культуре (в ее основных понятиях) обнаруживается связь культуры, эмоциональной картины мира и языка. Эмоции, будучи важным компонентом духовной культуры, несмотря на свою универсальность, в разных языках имеют специфическую особенность реализации, которая обусловлена характерной для говорящего субъективностью интерпретации окружающей действительности, что имеет безусловный интерес для лингвистической науки.

Актуальность данного исследования также обусловлена связью с когнитивной лингвистикой. В работе ставится проблема изучения особенностей межкультурных различий, находящих своё отражение в языке и сознании. Взаимосвязь культуры, эмоциональной концептосферы и языка проявляется в базовых значениях (понятиях) каждой лингвокультуры. Лингво-психологическая и лингвистическая интерпретация данных, представленных в языке, позволяет рассматривать последние как репрезентацию особых знаний, стоящих за фактами естественного языка, как репрезентацию конструктов концептуального сознания

Степени изученности темы. Теоретические и практические аспекты исследования концептов уже становились объектом пристального

внимания мирового научного и профессионального сообществ. Однако попытки представителей отечественного языкознания в этой сфере не отличаются частотностью и целостностью.

Безусловно, вопросы концептологии выступали в качестве тематик целого ряда статей, обзоров, представляемых на научных семинарах и конференциях различного уровня, однако затронуты они были, как правило, фрагментарно и не получили в этих трудах должного изучения. Сопоставительный семантико-лингвокультурологический анализ единиц паремиологических фондов различных языков неоднократно становился эпицентром исследований российских и зарубежных ученых, таких как А. Вежбицкая; С.Г. Воркачев, Д.С. Лихачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, М.В. Пименова, П. В. Токарев, В. А. Маслова, Т. В. Гоннова, А. Я. Гуревич, В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф и других. На этой же базе российскими учеными были проведены обширные исследования по различным аспектам заявленной нами тематики, которые легли в основу целого ряда научных трудов и серии учебных, методических курсов. Ассоциативное поле концептов и осмысление языковой картины мира продолжает оставаться предметом многочисленных дискуссий и в отечественной филологической науке, что свидетельствует о наличии ряда спорных вопросов, требующих комплексного изучения.

В сопоставительном плане были выполнены не сколько работ. К ним можно отнести следующее: эмоциональные концепты «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира: лингвокультурологический аспект [Волостных И. А., 2007]; Эмоциональная концептосфера военного романа: на материале сопоставительного анализа текстов произведений М. Булгакова "Белая гвардия" и Э. Хемингуэя "Прощай, оружие!" [Першина Т.В., 2011]; Отражение в языке агрессивных состояний человека: на материале англо - и русско яз. худож. текстов [Покровская Я. А. 1998]; Этнокультурная специфика мимического

выражения внутреннего состояния субъекта в русском и английском коммуникативном поведении [Куличенко Ю. Н., 2010].

В этом вопросе следует особо отметить значимую роль доктора филологических наук, профессора Д. М. Искадаровой, под чьим руководством осуществляются исследования таких аспектов концептологии, как национальная языковая картина мира, метафоризация и ассоциативное поле концептов. Были защищены ряд диссертационных работ в сопоставительном языкознании, т.е. в русле таджикского, русского и английского языков, в частности А.Пак (2009); Гуловой З. (2015); Мамедовой М.Дж. (2015); Имомзода М.М. (2017) и другими молодыми учеными. Некоторые вопросы таджикской концептуальной картины мира рассматриваются в сопоставительно-типологическом и семантическом аспектах в исследованиях Мирзоева Х.Х. (2014), Махдии Мухаммадбегии Косвои (2016), Гадайбаевой У.А. (2007) и др.

Таким образом, например, данная проблема до сих пор не стала предметом специального исследования со стороны таджикских ученых – филологов.

Объектом исследования выступает лексика таджикского и английского языков в той ее части, которая вербализует понятие «эмоция».

Предметом данного исследования является сопоставительный анализ лингвокультурологического поля «отрицательные эмоции» в таджикском и английском языках.

Научная новизна диссертации состоит в рассмотрении недостаточно изученных проблем, связанных с теорией системности лексики. Исходя из этого, анализируется принцип выделения и структурирования особых областей лексики, в частности, лексико-семантическое поле. В работе интерпретирование содержания микрополей «гнев», «страх» и «горе» осуществляется с позиции когнитологии, а также в выявлении и описании

вербальных и невербальных средств, репрезентирующих соответствующее содержание в языке (таджикском и английском).

Целью диссертационного исследования является выявление, классификация и сопоставительное описание лексических единиц, входящих в микрополя «гнева», «страха» и «горя» в таджикской и английской лингвокультурах.

В соответствии с целью исследования были поставлены следующие **задачи**:

- рассмотрение теоретических основ исследования языковой картины мира и составляющих ее лексико-семантических полей;
- определение состава и объема лексико-семантического поля «отрицательные эмоции» в таджикском и английском языках;
- классификация единиц микрополей с точки зрения их принадлежности к ядру и периферии;
- выявление соотношений элементов анализируемых микрополей на словарном уровне и в реальном употреблении в дискурсах современной художественной литературы
- выявление и анализ когнитивных интенций автора, определяющих структуру эмотивно-оценочных фрагментов художественного текста;
- анализ и описание метафорического принципа концептуализации базовой эмоции «гнев» в языковой картине мира (русской и английской);
- выявление и описание особенностей метонимической концептуализации эмоции «гнев» в языковой картине мира (русской и английской);
- выявление превалирующих метафор и метонимий в русской и английской языковых картинах мира и установление их возможных эквивалентов;

- определение лингвокультурологической и лингвопсихологической специфики эмоции «гнев» в рамках прототипического и парапрото-типических сценариев.

Материалом для исследования послужили данные современных словарей таджикского и английского языков, а также примеры употребления единиц, извлеченные методом сплошной выборки из произведений современных авторов

В работе были использованы следующие **методы**: описательный, компонентный анализ, метод дистрибутивного анализа, метод сплошной выборки материала (словари и тексты).

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования вносят определенный вклад в разработку теоретических проблем, связанных с исследованием лексических значений, лексико-семантических полей, языковой картины мира, специфики функционирования лексики в современной художественной литературе.

Теоретическая значимость данного исследования также заключается в том, что оно вносит определённый вклад в теорию концептуализации эмоций, выявляет лингвокультурологическую специфику эмоционального концепта «гнев» в русской и английской языковых картинах мира. Предложенный подход к изучению эмоции «гнев» может быть использован при рассмотрении других эмоций.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в лексикографии, в том числе – учебной, лекционных курсах по лексикологии и лексикографии, также в возможности использования данных исследования при подготовке практических занятий по общему и сопоставительному языкознанию, в разработке учебных и исследовательских программ по когнитивной лингвистике, в составлении переводных и эмотивных словарей.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Национальные различия в членении мира, особенности отражения реальной действительности в конкретных языках приводит к появлению национально-специфических языковых картин мира. В каждом национальном языке картина мира получает особую форму выражения.

2. Эмоция является категорией универсальной, то есть присуща представителям разных лингвокультур и вытекает из единой природы человека, его неконтролируемой психики.

3. В каждой языковой системе имеются обозначения эмоций и за каждым из них стоят существующие в данном социуме представления о характере эмоции, ее месте в ряду других эмоций, о причинах ее вызывающих.

4. Анализируемые микрополя «гнев», «страх» и «горе» имеют общую когнитивную базу для любого языка и культуры.

5. Специфика вербальных /невербальных репрезентаций лексем, входящих в микрополя «гнев», «страх» и «горе», определяемая культурными факторами, может проявляться в частных признаках, которые определяются неповторимыми культурными функциями и формами проявления специфического этноментального содержания. Данные языков показали, что носители разных лингвокультур репрезентируют эмоции по-разному.

Апробация работы. Содержание и результаты диссертации изложены в форме научных докладов на республиканских, региональных конференциях и в конференциях профессоров и преподавателей Институт технологий и инновационного менеджмента в городе Кулябе. Отдельные результаты диссертации опубликованы в научных журналах в форме 5 научных статей, в том числе трех статей в научных журналах, включенные в реестр ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Результаты диссертационной работы включены в научном отчете Институт технологий и инновационного менеджмента в г.Куляб.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры языков Институт технологий и инновационного менеджмента в г.Кулябе (протокол №8 от 13.08. 2020 г.) и на заседании кафедры английской филологии Российско-Таджикского (Славянского) университета (протокол №6 от 28.08.2020 г.)

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии.

ГЛАВА I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭМОТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛИЙСКОЙ И ТАДЖИКСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИНАХ МИРА

1.1. Истоки термина «языковая картина мира» в лингвистической литературе

В современной научной парадигме одним из ключевых понятий является *языковая картина мира*. Как лингвистическая категория *языковая картина мира* была в центре внимания немецких философов второй половины XIX века. Следует заметить, что понятие *языковая картина мира* исторически восходит к идеям Вильгельма фон Гумбольдта о внутренней форме языка. Согласно точке зрения В. фон Гумбольдта, язык следует рассматривать не как мертвый продукт, но как созидающий процесс. При этом, продолжает автор, надо абстрагироваться от того, что он функционирует для обозначения предметов и как средство общения, и вместе с тем с большим вниманием отнестись к его тесной связи с внутренней духовной деятельностью и к факту взаимовлияния этих двух явлений [Гумбольдт, 2000, 69].

Для В. фон Гумбольдта язык – это проявление национального сознания. Различие языков – это свидетельство национальных различий в мышлении и миропонимании. Отсюда единство творческого, духовного, организующего начала и языка: язык – дух народа и дух народа – его язык; язык полностью определяет как национальную форму мышления, так и восприятие данного человеку в опыте. Язык, как воплощение реализовавшегося в нем особого, национального способа мышления и восприятия, находит в каждом молодом представителе данной нации как бы «новый сосуд», в который он вливается, наполняя его и овладевая им. Поэтому люди могут мыслить только в категориях своего национального языка, формирующего их мышление [Гумбольдт, 2000, 78].

Эти идеи В. фон Гумбольдта являются основой современной неогумбольдтианской этнолингвистики.

В лингвистической науке термин *языковая картина мира* впервые был использован Л. Вайсгербером. Будучи главным сторонником немецкого неогумбольдтианства, он акцентировал внимание на связи языка и мышления. В частности, Л. Вайсгербер отмечал: «Язык – не продукт деятельности, а сама деятельность» [Вайсгербер, 2003, 67].

На связь языка и мышления указывают также представители этнопсихологического направления. Х. Штейнталь – видный представитель данного направления в своих исследованиях исходил из гумбольдтианского понятия «внутренней формы языка». Всякое выражение мысли, замечает Х. Штейнталь, не следует пассивно за отображаемым предметом, а подчиняется собственным законам, вытекающим из природы средств выражения. Каждое выражение, продолжает автор, воспроизведя предмет, вместе с тем существенным образом неадекватно ему [Кацнельсон, 2001, 33].

Мысли Х. Штейнталья об автономности языка и заложенной в нем способности преобразования различных связей и отношений в собственно языковые формы открыли путь для более глубокого понимания взаимоотношения языка и мышления.

Вернемся к идеям Л. Вайсгербера. Развивая тезис «язык есть деятельность», он вводит в лингвистическую науку новый подход: «энергетический». Согласно данному подходу, язык воздействует как на познавательную, так и на практическую деятельность его носителей.

В современной лингвистической науке «энергетический» подход исследования языка рассматривается как аспект, изучающий когнитивную и практическую функции языка. Эти функции были выведены Л. Вайсгербером не только из *языковой картины мира*, а также из одной ее сторон – идиоэтнической. Общеизвестно, что в языке находит отражение не только та или иная точка зрения на мир, но и сам мир. Иными словами, *языковая картина мира* – это синтез универсального знания о мире с идиоэтнической. Если отправной точкой универсальных

знаний является объективная действительность, то национальная точка зрения – это второй источник.

Свой «энергетический» аспект исследования языковой картины мира Л. Вайсгербер трактовал, используя категорию «Worten der welt» - ословливание мира. Исходя из данной категории, действительность членится на фрагменты при помощи слов. При этом следует заметить, что языки отличаются не только количеством слов, но и своей внутренней формой.

Л. Вайсгербер, основываясь на общетеоретические предпосылки учения А. Гумбольдта, приходит к заключению, что в будущем языкознание будет основываться на двух основных категориях: 1) на языке как «среднем звене», в котором осуществляется синтез внутреннего мира человека и окружающей его внешней действительности, 2) на миропонимании, осуществляющемся на основе родного языка. Хотя язык и синтезирует «внутреннее» и «внешнее», ведущим является именно внутреннее: родной язык играет определяющую роль в том, как человек воспринимает действительность, что он видит в ней.

Отсюда три основных закона языка: 1) закон языковой общности, 2) закон родного языка и 3) закон обусловленного языком бытия.

Задача, с точки зрения неогумбольдтианской этнолингвистики, состоит в том, чтобы сравнивать языки как целостные системы определенным образом организованных «языковых содержаний», как различные «картины мира», обнаруживающие различия «национального духа» разных народов. Только на этой основе можно понять и объяснить особенности разных языков.

Итогом вербализации мира, согласно Л. Вайсгерберу, являются лексические поля. Системность лексических полей формирует лексическую картину мира естественного языка. Следует отметить, что в системе лексических полей главное место занимают универсальные категории: часть и целое, общее и индивидуальное, внутреннее и внешнее.

Здесь также уместно рассмотреть гипотезу лингвистической относительности Сепира-Уорфа, которая также способствовала развитию современного понятия *языковой картины мира*. В своей статье «Статус лингвистики как науки» Э. Сепир замечает: «Функционирование языка в большей степени бессознательно, эту бессознательность не следует преувеличивать, но, тем не менее, справедливо и то, что мы почти никогда не думаем о бесчисленных представлениях, которые возникают у нас в голове, ассоциируясь и сочетаясь, при произнесении малейшей фразы; мы выбираем в разговоре слова бессознательно, находя те, которые кажутся нам наиболее понятными и наиболее выразительными; столь же бессознательно, продолжает автор, мы создаем иногда новые слова, которые находим благодаря неясным аналогиям; бессознательно же разворачивается спонтанная работа по пониманию сказанного собеседником» [Сепир, 1993, 263]. Другими словами, операции с языком предполагают наличие коллективного разума; этот консенсус есть свойство именно данного языкового коллектива.

Из вышеизложенного следует, что Сепир-Уорф в национальном своеобразии языков видят источник расхождений культур. Однако данная гипотезы была подвергнута критике. Главным недостатком этой теории, по мнению многих исследователей, являются следующие:

1) основной тезис оказывается замкнутым в порочном кругу: утверждение, что люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают мир, доказывается только тем, что они говорят на разных языках. Нельзя не обратить также внимания на отсутствие необходимой четкости в постановке вопроса. С одной стороны, как будто бы действительно защищается тезис, что люди, говорящие на разных языках, по-разному воспринимают мир и что вывод такой можно делать, исходя из различий языков. С другой стороны, на одностороннюю причинную зависимость между этими двумя факторами нигде определенно не указывается: то получается, что люди по-разному воспринимают мир потому, что у них разные языки, то, напротив, тот факт, что люди по-

разному воспринимают мир, оказывается просто в известной корреляции с различиями в их языке [Вежбицкая, 2001, 89];

2) эта теория не учитывает коммуникативной функции языка, сводя вопрос к процессам восприятия и образования понятий [Воркачев, 2003, 6].

Исследование *языковой картины мира* связано также с проблемой отношения языка и мышления. Наиболее интересным, на наш взгляд, являются позиции В. фон Гумбольдта и Х. Штейнталя.

1. *Категории мышления.* По В. фон Гумбольдту, категории мышления априорны, заданы независимо от языка логикой и образуют в своей совокупности законченную систему. По Х. Штейнталю, эти категории хотя и априорны, но исторически развиваются и формируются в связи с развитием психики и речи.

2. *Содержание мышления.* В. фон Гумбольдт различает логическое мышление и дух народа, воздействующий на формирование языковых форм и определяющий преобразование логических категорий в языковые. Для Х. Штейнталя мышление – это деятельность сознания и вырастающие на основе этой деятельности умственные образования. И то и другое связано с «народным духом». При этом, как справедливо отмечает С.Д. Кацнельсон, остается не совсем ясным, как национальный по своей сущности характер «внутренней формы» обуславливает единую для всех народов типологию умственных образований [Кацнельсон, 2001, 56]. Здесь у Х. Штейнталя наблюдается противоречие: между подчеркиванием роли национального духа и признанием универсальности генетической типологии умственных образований.

3. *Взаимоотношения между языком и мышлением.* По В. фон Гумбольдту, категориальному, или логическому, мышлению принадлежит ведущая роль в развитии языка; язык вырастает на базе системы логических категорий. По Х. Штейнталю, ведущая роль в этом взаимодействии принадлежит языку. Во всяком случае, отмечает автор, язык автономен и независим от мышления.

4. *Функции языка в отношении мышления.* У В. фон Гумбольдта это функция выражения и «функция» затемнения и извращения категорий мышления в соответствии с наклонностями данного национального духа. У Х. Штейнталя это функция посредника в процессе мышления и функция порождения умственных образований.

5. *Специфика языка.* У В. фон Гумбольдта она вырастает из национального духа; у Х. Штейнталя значительную роль, помимо национального духа, играет еще и специфика языковых средств, особая природа языка (его линейность), ведущая к преобразованию многомерных отношений действительности в одномерные отношения в языке.

6. *Проблема дискретных и непрерывных единиц.* Этот вопрос впервые ставит Х. Штейнталь, подчеркивая, что слово по возникновении двусловного предложения, в общем, лишается возможности выражать мысль как минимальную целостную коммуникацию и минимальное выражение определенного восприятия. Согласно Х. Штейнталю, слово выражает либо идею предмета в отвлечении от его актуальных признаков, либо идею признака в отвлечении от предмета, в котором эти признаки актуально проявляются. Но как это распадение целостности возникает из линейности языка, как принцип апперцепции (восприятие) связан с линейностью языка, остается неясным.

В лингвистических трудах XX-XXI веков продолжается исследование понятия *языковой картины мира* в рамках антропоцентрической парадигмы.

При этом следует оговориться, что среди современных лингвистов нет единого мнения относительно трактовки *языковая картина мира* [Корнилов, 2003, 91].

В своей работе мы будем пользоваться метафорическим термином *языковая картина мира*, исходя из того, что это самый распространенный в современной лингвистике.

Следует заметить, что данный термин стал важной частью междисциплинарной терминологии. Исследованием английской и таджикской языковой картиной мира, т. е. каким образом в английском и таджикском языковом сознании отображаются многочисленные предметы и явления действительности, занимаются следующие гуманитарные науки: когнитивная лингвистика, этнолингвистика, социоллингвистика, лингвокультурология.

В частности, Е.С. Яковлева на основе анализа ряда исследований, посвященных *языковой картине мира*, приходит к выводу, что можно выделить две системы понятий: 1) *научная картина мира*, которая используется в логике, физике, психологии и т.д.; 2) *наивная картина мира*, которым человек пользуется независимо от своего знания тех или иных научных дисциплин [Яковлева, 1994, 9].

Согласно Е.С. Яковлевой, языковая картина мира – это зафиксированная в языке и специфичная для того или иного языкового коллектива схема оценки окружающей действительности. Следовательно, *языковая картина мира* – мировосприятие сквозь призму родного языка [Яковлева, 1994, 47].

Особый вклад в исследовании *языковой картины мира* внес Ю.Д. Апресян. В своих работах он выделяет *научную* и *наивную картины мира*, отмечая при этом, что наивные представления – не примитивны, в них отражается опыт интроспекции многих поколений на протяжении тысячелетий. Здесь уместно заметить, что термин *наивная картина мира* у Ю.Д. Апресяна тождествен понятию *языковая картина мира*, так как наивные знания извлекаются из единиц языка [Апресян, 1995, 95].

В данном диссертационном исследовании *языковая картина мира* понимается как мировидение, со специфичной для данного языка системой лексико-семантических полей и значений слов.

Принимая позицию В.В. Колесова, мы рассматриваем видение мира – как ментальность. Именно в языковой картине мира проявляется ментальность [Иванова, 2002, 67].

Наиболее аргументированной, на наш взгляд, является следующая позиция:

«Своеобразие лексических единиц, дифференцирующие один язык от других, образуют не единую *картину*, а некую мозаику и отнюдь не *мира*, а всего лишь его отдельных фрагментов» [Малюга, 2011, 92]. Следовательно, *языковую картину мира* логично было бы охарактеризовать как множество национально-специфических представлений в том или ином языке отдельных фрагментов действительности.

1.2. Лексико-семантическое поле как фрагмент языковой картины мира

Общеизвестно, что своеобразие *языковой картины мира* одного языка выявляется не только при сопоставлении *языковой картины* другого языка, но также при сравнении единого для всех языков инварианта научного знания.

Главным образом сравниваются фрагменты *языковой картины мира*. Основным фрагментом *языковой картины мира* является лексико-семантическое поле.

В своей работе мы анализируем лексико-семантическое поле «отрицательных эмоций» английского и таджикского языков.

Лексико-семантическое поле «отрицательные эмоции» как фрагмент английской и таджикской языковой картины мира характеризуется национально-культурной спецификой.

Далее более подробно остановимся на главных вопросах исследования лексико-семантического поля.

1.2.1 Свойства семантического поля. Определение термина «лексико-семантическое поле»

Важное место в разработке методов семантического исследования занимает методика, основанная на понятии «семантического поля».

В лингвистической литературе понятие «семантическое поле» связано с идеями Г. Гердера и В. фон Гумбольдта; несмотря на то, что она связывается с именем И. Трира [Трир, 1967, 78]. Суть данной теории заключается в том, что язык – это не отражение объективной реальности. Сам язык порождает самодостаточный образ. При этом, следует заметить, что действительность тем или иным языком строится по-своему. Согласно позиции И. Трира, семантическое поле – это компактно и органично связанный отрезок словаря, компоненты которого взаимно лимитируют друг друга и, словно мозаика, покрывают данную «понятийную сферу».

Из вышеизложенного следует, что язык и понятие взаимосвязаны. Однако необходимо учесть еще один момент: содержание слова – его значение или в случае полисемии каждое из его значений – не может быть прямо отождествлено с понятием. Некоторые исследователи видят естественное препятствие к такому отождествлению лишь в том, что значение слова примешивает к интеллектуальному ядру ряд дополнительных – экспрессивных и стилистических – оттенков, не имеющих прямого отношения к понятию. С этой точки зрения только интеллектуальная сердцевина слова может быть однозначна и сопоставлена и приравнена к нему. Такой точки зрения придерживаются, например, Л.О. Резников, А. Шафф и некоторые другие исследователи.

Сведение лексических значений к понятиям предполагает более сложную процедуру, поскольку, как правильно заметил А.А. Потебня, языки различаются между собой не только звуковой стороной, но также своим семантическим «строением». Различия семантической структуры сказываются в ряде отношений, из которых следует в первую очередь назвать следующие. Это, во-первых, различия в соотношении между простыми и сложными выражениями. То, что в одном языке выражается

специальным словом, в другом языке может быть выражено описательно, сочетанием нескольких слов. В логическом плане это различие является несущественным, и современная логика одинаково называет именами как специальные обозначения, так и парафразы [Кацнельсон, 2001, 377]. Но для языкознания это различие чрезвычайно существенно. Так, в семантическом поле «день – ночь – сутки» в ряде языков, как, например, в немецком или французском, отсутствует специальное слово для обозначения суток. Носители такого языка для обозначения этого понятия используют либо описательные выражения *24 soat – 24 hours (24 часа)* или *рӯз – day (день)* и *шаб – night (ночь)*, либо используют слово «рӯз (день)» для обозначения не только светлой части суток, но и суток в целом (сравним: *Ў 20 рӯз дар сафари хизматӣ буд, дар мохи июн бошад 30 рӯз буд – He was away 20 days, and 30 days in June (Он был в командировке 20 дней, в июне 30 дней)* и т.п.). Объясняется это явление тем, что не все понятия, образующие «семантическое микрополе», нуждаются в специальном лексическом обозначении; логические отношения между такими понятиями допускают наименование лишь некоторых опорных элементов, оставляя другие элементы для описательного обозначения. В случаях, когда некое множество состоит из двух взаимодополнительных подмножеств, самостоятельные обозначения могут получить только подмножества, что же касается самого множества, то оно выражается описательно (сравним: *бародарон – хоҳарон – brothers – sisters (братья – сестры)*; *бародарон ва хоҳарон – brothers and sisters (братья и сестры)*).

Способы обозначения в большей мере варьируются в полярных семантических полях, где понятия множества представляют собой непрерывную шкалу незаметных постепенных переходов от одной крайней точки к другой. Выбор «опорных точек» для наименований в этих случаях существенно различается по языкам. Например, обозначения цветов в разных языках, которые обнаруживают значительные расхождения в составе опорных наименований. Сравним классические примеры типа немецкого: *bleu*, французского: *bleu* «синий, голубой»,

которые широко эксплуатировались представителями соссорианской и неогумбольдтианской семасиологии для доказательства внутриязыковой обусловленности значений и их независимости от объективных различий. Помимо основных, или опорных, обозначений выделение цветов достигается также с помощью ряда дополнительных обозначений для оттенков цветов типа салатный, кремовый, вишневый, морковный и т.п., а также описательных наименований типа *торику-сиёх (темно-бурый)*, *сабзу-пурнур (светло-зеленый)*, *кабуд-равшан (ярко-голубой)* и т.п. Вытекающие из логических взаимоотношений между элементами множества возможностей обозначения обуславливают таким образом различие в «семантической структуре» языков и отклонения в номенклатуре значений от номенклатуры понятий [Кацнельсон, 2001, 195].

Утверждая, что «языки различны между собой не одной звуковой формой, но всем строем мысли, выразившимся в них» А.А. Потенбня, согласно С.Д. Кацнельсону, заходил слишком далеко. Конечно, различия в строе языков касаются не только «звуковой формы», но также языковой семантики. Распределение значений между словами, соотношение между прямыми и описательными значениями понятий, структура полисемии и синонимии различны в разных языках. Но из этого не следует, что «строй понятий» в разных языках различен и что «слово не одним присутствием звуковой формы, но всем своим содержанием отлично от понятия» [Потенбня, 1989, 78].

Язык может, как мы видели, не иметь простых обозначений для определенных цветов, он может не иметь слова, эквивалентного понятию «рука без кисти» в отличие от «кисти», язык может не обладать общим словом для понятия «бракосочетаться» и, как русский язык, различать значения «жениться» и «выходить замуж», язык может не иметь специального слова для понятия «сутки» и т.д., но из этого еще не следует, что у носителей данного языка нет соответствующих понятий и что язык безразличен для выражения понятий.

Таким образом, понятия предполагают не только знание семантического содержания отдельных слов, но и понимание смысловых отношений между словами и скрытых за ними предметных отношений. При этом дело обстоит так, что определенные предметные отношения в разных языках могут оказаться по-разному распределенными между словами. Для некоторых же элементов смыслового поля в одном языке будут отсутствовать специальные обозначения, представленные в другом языке, и все же инвентарь элементарных понятий, стоящий за этими различиями, окажется приблизительно одинаковым.

Различия в способе выделения понятий в пределах данного *СМЫСЛОВОГО ПОЛЯ* могут оказаться довольно разительными при переходе от одного языка к другому, но эти различия не дают оснований утверждать как того, что слово в своем содержании не имеет точек соприкосновения с понятием, так и того, что слова в принципе тождественны понятиям и что различие языков отражает разный «строй мысли», различное осмысление мира и различное «членение мира» [Ахманова, 2005, 67].

Семантическая структура лексики, как показал анализ фактического материала, выявляет много индивидуальных особенностей в отдельных языках. Но если помнить, как отмечает С.Д. Кацнельсон, что отдельные слова являются лишь опорными пунктами при выделении предметов и допускают создание сложных парафрастических выражений для этой цели, если далее, учитывать, что значение слова имеет силу не само по себе, а через свое содержание, предполагающее элементарное знакомство с предметом и с предметными отношениями внутри данного смыслового поля, то станет понятной возможность перехода от слов и их значений к системе элементарных понятий, лежащей в основе словаря и функции именованья [Кацнельсон, 2001, 234]. Система элементарных понятий шире семантической системы языка, если под последней понимается лишь совокупность лексических отношений данного языка. Основанная на понимании предметных отношений система элементарных понятий

предполагает возможность выделения отдельных понятий не только с помощью отдельных слов, но также путем описания. Система понятий, отмечает Ш. Балли, у носителей разных языков в принципе более или менее одинакова, и если при переходе от одного языка к другому говорящие нередко испытывают существенные затруднения, то не потому, что их *картины мира* радикальным образом различны, а потому, что радикальным образом различны семантические системы их языков и связи, идущие от понятий к отдельным словам и способам выражения [Балли, 2001, 145].

Сказанное, как справедливо замечает Л. Блумфильд, нуждается в серьезной оговорке. Два разноструктурных языка опираются на сходную систему элементарных понятий только при условии одинакового уровня развития. Можно не иметь в языке специального слова для значения «сутки» и тем не менее владеть этим понятием, используя для него описательные выражения. Но другое дело, если у носителей какого-либо языка отсутствует понятие измерения и, в частности, отсутствуют меры времени. Если в языке отсутствует и элементарный счет времени, и нет понятия «недели», «месяца» и т.п., то слова «день» и «ночь» имеют в таком языке весьма бедное содержание и, соответственно, бедное содержание имеют и временные понятия. Следовательно, система элементарных понятий развивается вместе с накоплением конкретных знаний, и вместе с развитием системы элементарных понятий имеет место и развитие лексики и форм ее использования при выделении предметов. Следует заметить, что связи между этими процессами не прямые. Определяющее значение имеет процесс накопления конкретных знаний, от которого зависит и обновление, и перестройка системы элементарных понятий и связанных с ней форм языка.

Из вышеизложенного следует, что система элементарных понятий исторически изменчива и проходит ряд этапов не только количественного приумножения, но и качественного углубления понятия. Когда А.А. Потебня говорит, что «слово всем своим содержанием отлично от понятия

и не может быть его эквивалентом или выражением уже потому, что в ходе развития мысли предшествует понятию» [Потебня, 1989, 148].

Следовательно, *языковая картина мира* естественного языка и иерархия ее ценностей, будучи специфической не только для типологически разноструктурных языков, но также и для одного языка в различные периоды его развития реализуется и выявляется в семантическом поле.

Однако, отмечает О.С. Ахманова, несмотря на указанные возможности методики «семантического поля», эта методика не дала существенных результатов [Ахманова, 2005, 79].

Согласно позиции В. Бетца, основная причина заключается в том, что лексические единицы включаются исследователями в те или иные поля безосновательно [Бетц, 1978, 47].

В. Бетц как многие современные критики И. Трира в своих работах был близок к идеям Л. Вайсгербера. Приняв с энтузиазмом за исходную теорию И. Трира, он пересматривает позицию Л. Вайсгербера. Основная концепция, введенная И. Триром, для анализа семантической структуры словарного состава того или иного языка – это совмещение концептуальных и лексических полей. Исходя из того, что для Л. Вайсгербера «языковое поле» - это «динамическая действительность», он ставит вопрос о трехчленном соответствии, а именно: «звук – мир познания – реальная действительность», считая недостаточным «двухмерные поля» И. Трира.

В своем исследовании Л. Вайсгербер рассматривает семантическое поле как сложное и разнообразное деление по тем или иным сферам и вариациям использования языка, а не представляющее собой что-то единое и однородное. Если для И. Трира важным была системность языковых отношений в семасиологии, то у Л. Вайсгербера – ономастика, то есть деление лексических единиц по «вещественным группам» [Вайсгербер, 2003, 89].

Как отмечает О.С. Ахманова, несмотря на значительные расхождения, методика Л. Вайсгербера не дала существенных результатов. Позиция В. Бетца относительно метода «семантических полей» может быть использована относительно метода «посредствующих картин мира» [Ахманова, 2005, 100].

На наш взгляд, наиболее интересным представляется теория «поля» В. Порцига. Главное, на что обратил внимание В. Порциг – это семантическая корреляция глаголов, прилагательных и существительных (И. Трир не рассматривает глаголы). Данные факты, согласно позиции Ю.Н. Караулова, например, английское *go* предполагает *foot, grab* (хватать) – *hand* (руки), а прилагательные *blond, fair, fair-haired* (белокурый) – *hair* (волосы), являются основой построения «элементарных семантических полей» [Караулов, 2010, 178].

Из этого следует, продолжает автор, именно глагол и прилагательное являются центром или ядром семантического поля, так как выполняют «предикативную функцию» и конкретнее в семантическом плане в отличие от имен. Следовательно, если для И. Трира – главным было выделение «разделяющих полей», то для В. Порцига каким образом те или иные компоненты «включаются в семантическое поле».

Словарь методических терминов дает следующую трактовку семантического поля: «Семантическое поле – совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд, который хранится в долговременной памяти человека и возникает всякий раз в случае необходимости общения в определенной области. Создание семантического поля в памяти человека – важное условие свободного общения в соответствующей сфере и области знаний» [Словарь методических терминов, 2009, 134]. Данное определение, на наш взгляд, более точно отражает модификацию, происходящую в современной лингвистике.

Как было отмечено выше, нет единого мнения относительно свойства семантического поля. В частности, П.Н. Денисов выделяет

следующие признаки семантического поля: 1) безграничность; 2) семантическое отклонение; 3) неделимость; 4) организованность; 5) взаимоопределяемость (каждый компонент семантического поля граничить с соседями); 6) нечеткость границ [Денисов, 1993, 135].

На наш взгляд, сложность установления границ семантического поля продиктовано не столько размытостью самого понятия, а сколько самой природой поля.

Наиболее ярко теоретические положения изложены А.В. Бондарко в его работе «Функциональная грамматика».

В своем исследовании он использует термин функционально-семантическое поле. ФСП трактуется им как группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории. ФСП представляет собой семантическую категорию, рассматриваемую в единстве с комплексом разнородных (морфологических, синтаксических, лексико-грамматических, лексических) средств ее выражения в данном языке. В составе ФСП интегрируются средства, относящиеся к различным подсистемам языка. Это определяет полисистемную доминанту анализа рассматриваемых полей [Бондарко, 2001, 79].

В шеститомном коллективном труде «Теория функциональной грамматики» [ТФГ 1987 (изд. 2-е, 2001; 3-е, 2003; стереотипные); 1990; 1991; 1992; 1996а; 1996б] выделяются и описываются следующие группировки полей: 1) поля с предикативным ядром: аспектуальность, временная локализованность, таксис, темпоральность, модальность; персональность, залоговость; 2) поля с субъектно-объектным ядром: субъектность, объектность, коммуникативная перспектива высказывания, определенность /неопределенность; 3) поля с качественно-количественным ядром: качественность, количественность; 4) поля с предикативно-обстоятельственным ядром: локативность, бытийность, посессивность, обусловленность (комплекс полей условия, причины, цели,

следствия и уступительности). Анализ рассматриваемых полей проводится главным образом на материале русского языка, вместе с тем в ряде разделов представлены результаты типологических и сопоставительных исследований (из монографий и сборников работ последних лет, посвященных проблемам функциональной грамматики, см. [Проблемы функциональной грамматики 2013]).

На наш взгляд, значительный интерес представляет анализ поля таксиса, который позволяет рассмотреть в единой (с точки зрения семантических функций) системе те морфологические и синтаксические языковые средства, описание которых в традиционной грамматике оказывается разобобщенным. Фрагменты их описания в исходно-формальной (уровневой) грамматике распределены по отдельным разделам, отражающим разные уровни и аспекты строя языка. Так, временные отношения между действиями описываются в разделах грамматики, посвященных категориям времени и вида, деепричастиям и причастиям, полипредикативным конструкциям в предложениях разных типов. В функциональной грамматике учитываются различия между средствами разных типов (морфологическими, синтаксическими, лексическими), однако описание языкового материала интегрирует разноуровневые языковые элементы в едином поле таксиса как целостной системе, имеющей функциональное основание; в единой системе рассматривается все то, что служит в высказывании для выражения временных отношений между действиями — компонентами полипредикативного комплекса в рамках единого временного плана (см. описание ФСП таксиса и соответствующих категориальных ситуаций в книге [ТФГ, 2001, 234-296]). Многообразие языковых средств, охватываемых изучаемыми полями, в сочетании с общностью семантических функций, относящихся к определенной семантической категории, создаст возможность использования понятия ФСП в сопоставительных исследованиях. Так, понятие аспектуальности представляется более надежным основанием для межъязыковых

сопоставлений, чем априорная констатация грамматической категории вида или аналогии со славянским глагольным видом, нередко приводящие к необоснованному отождествлению фактов иного рода, в частности, способов действия с категорией вида. Допустим, нам предстоит сопоставить аспектуальность в русском языке с аспектуальностью в каком-то другом языке. В этом случае мы предполагаем лишь, что в языке, привлеченном для сопоставления, существуют какие-то средства выражения характера протекания действия, но мы не утверждаем та ранее, что среди этих средств есть специальная система противопоставленных друг другу рядов грамматических форм вида. Таким образом, мы получаем такую базу для сравнения, которая не наталкивает нас на перенесение отношений одного языка на другой язык.

Говоря о семантических полях, следует обратить внимание еще на один важный, на наш взгляд момент. Принципиально по-иному обстоит дело, как только мы от внутризнаковых отношений переходим к межзнаковым. Входя внутри системы, слово облечено не только значением, но еще – главным образом – значимостью, а это уже совсем другое дело. Итак, в отдельно взятом знаке дано значение, в системе знаков одного языка даны значимости.

Ф. де Соссюр сравнивает констатируемое им для языка понятие «значимости», или «ценности», с используемым вне языка понятием «ценности», или «стоимости» (по-французски эти понятия выражаются одним и тем же словом), не замечая, однако, что приводимая им аналогия словесных значений с деньгами слишком поверхностна. Он рассуждает примерно так. Ценность пятифранковой монеты определяется соотношениями двоякого рода: 1) тем, что можно на нее купить, и 2) ее местом в системе французских или иных денежных единиц. Точно так же, утверждает он, обстоит дело с содержанием слова как элемента системы. Чтобы определить «значимость», или «ценность», такого слова, говорит он, «недостаточно одного констатирования факта, что оно может быть «обменено» на то или иное понятие, т.е. что оно имеет то или иное

значение; его еще надо сравнить с подобными ему значимостями, со словами, которые можно ему противопоставить [Соссюр, 1989, 115].

Недостаток такой интерпретации, как отмечает С.Д. Кацнельсон, состоит в том, что в составе системы слово получает дополнительную разновидность содержания, а именно значимость. Система, таким образом, выступает у него в качестве фактора, создающего в определенной части содержание языка. Возникает представление, что в изолированном слове содержание определяется структурой знака: одно означающее – одно означаемое (понятие). В системе же (полевой) содержание слова определяется тем, какие сопредельные по значениям слова противостоят данному слову. В итоге получается, что взятые сами по себе элементы содержания вне их отношения к акустическому образу и вне их отношения к системе языка ничего осязаемого не представляют, что, как заявил сам Ф. де Соссюр, «взятое само по себе мышление похоже на туманность, где ничто не разграничено», и что активную роль в разграничении мышления играет «Язык», которая, как некая таинственная сущность, «служит посредником между мышлением и звуком, и притом таким образом, что их объединение неизбежно приводит к обоюдному разграничению единиц» [Кацнельсон, 2003, 391]. Все это, в свою очередь, приводит к тому, что вместо реальных значений, по-своему и противоречиво отображающих элементы действительности, появляются произвольные и искусственно конструируемые значимости, а существенные вопросы дистрибуции в разных языках и норм дистрибуции не исследуются. Без внимания оставляются и закономерности формирования значения, выявление конкретных условий их совместимости в словах, их взаимовлияний и взаимодействий.

Добавить еще о различии основных семантических единиц и единиц полевой структуры лексики. Основные единицы семантической системы – это значения, обусловленные членениями онтологического характера. Эти членения образуют систему, но систему, обусловленную объективной деятельностью. Что же касается значимостей, то они образуют особую

сферу лексических отношений, возникающую на основе обратного воздействия языка на свое мыслительное содержание. «Поле» образуется здесь в результате вторичного воздействия лексических и грамматических элементов, наслоившихся на определенные сферы лексических значений и первичных грамматических функций и выражающих в образовавшихся таким образом полях вторичные по своему происхождению функции, не обязательно представленные в каждом языке. Как правило, функции этого рода – не строго обязательные для каждого языка, не универсальные, а идиоэтнические, варьирующие от одного языка к другому и во многих случаях обозначающие вторичные оттенки значений, связанные с этимологией слова и общей структурой системы данного поля. Если значения обязательно должны находить параллели в разных языках, то значимости и связанная с ними идиоглотическая структура поля необходимо различаются в разных языках [Кацнельсон, 2003, 475].

Важно заметить, что существует огромное количество определений *лексико-семантического поля*. В современной лингвистике можно встретить использование термина *семантическое поле* вместо *лексико-семантическое*. Е.И. Зиновьева отмечает, что «подобное замещение неправомерно, исходя из того, что термин *семантическое поле* гораздо шире, исследование семантических полей – предмет семантики, семантические поля должны быть анализированы с привлечением не только данных лингвистики, но и других научных дисциплин. В *лексико-семантическое поле* входят слова и словосочетания, сгруппированные на основании общности выражаемого ими значения [Зиновьева, 2003, 102-103].

Данная точка зрения является, на наш взгляд, более правомерной.

В нашем понимании *лексико-семантическое поле* – это иерархическая структура множества лексических единиц, имеющих общее инвариантное значение и отражающие в том или ином языке определенную понятийную сферу.

1.3. Когнитивные аспекты изучения «отрицательных эмоций» в лингвистике

Стремительный рост и доминирование когнитивного направления в современной лингвистике способствует применению комплексного подхода для исследования как структуры языка, так и его коммуникативной природы. Теоретические положения когнитивизма, используемые в лингвистических исследованиях, в частности, в семасиологии, способствуют формированию новых теорий и взглядов, а следовательно, новых позиций и методов анализа семантических процессов.

В этой связи необходимо отметить, что в контексте функционирования всего комплекса актуальных направлений современной лингвистики изучение проблем сопоставительной семантики (на материале отрицательной лексики английского и таджикского языков) в ракурсе положений когнитивного подхода к языку представляется новой и перспективной задачей.

Важно заметить, несмотря на то, что существует немало исследований, посвященных проблемам сопоставительной семантики с непосредственной связью с другими лингвистическими направлениями, на данный момент фактически не проводились исследования сопоставительно-сравнительного характера с позиции когнитивизма. Можно отметить лишь отдельные работы, рассматривающие национально-специфический и психолингвистический аспекты семантических процессов в системе разноструктурных языков. Данные работы связаны с такими направлениями как этнолингвистика и психолингвистика. Ряд семантических фактов, связанных с межкультурной спецификой относятся к лингвокультурологическому направлению. Следует заметить, что подобные исследования незначительны и носят фрагментарный характер.

В данной работе, исходя из положения плодотворности и перспективности вопросов как общей, так и частной семантики (на

материале лексико-семантического поля “отрицательные эмоции” (английского и таджикского языков) в рамках когнитивного направления, ставится задача провести планомерное когнитивно-ориентированное исследование сравнительно-семантических проблем, то есть анализ семантических явлений на материале текстов разноструктурных языков. Такая постановка задачи объясняется условиями, связанными с активным развитием различных аспектов современной лингвистической науки, опирающиеся на позиции когнитивной семантики. Также необходимость разграничения одноязычного и многоязычного фактического материала является важной составляющей в сложном процессе когнитивно-семантических исследований.

Лингвокогнитивный аспект сопоставительно-семантических исследований может послужить интегрированием положений общей и сопоставительной семантики, когнитивной семантики, когнитивной лингвистики. Следует заметить, что такое многополярное интегрирование является сложной задачей. Сложный механизм интегрирования ряда аспектов обуславливается необходимостью поиска путей для плодотворного использования положений когнитивной лингвистики в ходе сравнительного исследования семантических фактов типологически различных языков. Данный факт, естественно, акцентирует внимание на специфику когнитивного подхода сопоставительной семантики. Однако, следует заметить, что несмотря на сложность данной задачи, есть определенный исходный код, способствующий видению широкого диапазона актуальных проблем и во многом определяющий пути их решения. Данным кодом (ключом) является когнитивная семантика – новый комплексный подход в исследовании семантических фактов [Тарасов, 2000, 23]. На сегодняшний день когнитивная семантика – это стремительно развивающееся и расширяющее свои границы направление, которое уже по целому ряду выдвигаемых положений способно наметить основные пути развития всей семантической науки в ближайшей перспективе.

Исходя из вышеизложенного особо следует отметить, что когнитивно-семантическое исследование не должно проводиться только в рамках одного языка, а на основе фактических данных двух и более языков. Данное обстоятельство способствует расширению масштабов применения новых подходов к исследованию семантических фактов языка и способствует выявлению национально-культурной специфики и функционирования семантических процессов.

Исходя из особого положения когнитивной семантики (научно-исследовательская проблематика) необходимо выделить ряд вопросов, которые, на наш взгляд, являются наиболее актуальными и перспективными. К числу данных задач относится сопоставительное исследование когнитивных особенностей функционирования семантических методов, основных семантических признаков и текстовых категорий (эмоциональность, экспрессивность и т.д.).

Как было указано выше, объектом нашего исследования являются лексические единицы отрицательной эмоции. Здесь мы более подробно рассмотрим когнитивный аспект данных единиц. Важно заметить, что еще 100 лет назад не принято было показывать отрицательные эмоции окружающим. В настоящее время люди все меньше и меньше скрывают свое гневное состояние. Распространению отрицательных эмоций, в первую очередь, способствуют следующие факторы: социальная проблема, низкий уровень образования, демонстрация на экране разного рода физического насилия.

Компоненты, входящие в семантическую структуру лексических единиц “отрицательной эмоции” – сложны и многообразны. Сюда можно включить следующие единицы: злоба, ярость, бешенство, презрение, ненависть. С данными лексическими единицами связаны такие эмоционально-когнитивные состояния, как тревога, страх. Важно заметить, что есть и другие экстралингвистические факторы, способствующие усилению негативного состояния.

В английской и таджикской лингвокультурах физиологические признаки ярости находят отражение в следующих метафорических конструкциях: *to be angry* – хашмгин будан; *to get angry* – хашмгин шудан; *to go into a rage, wrath, fury* – газабни худро ба сари касе рехтан, ба газаб омадан, дар газаб шудан, газаб кардан.

Как известно, человек в гневном состоянии не действует адекватно.

Здесь мы проиллюстрируем свои наблюдения из художественной литературы английского и таджикского языков.

Примеры на английском языке:

“*He was full of smoldering anger and revengefulness. He felt humiliated and discontented*” (J. Joyce, 'Dubliners') – *ӯ пур аз газаб ва интиқом буд. ӯ худро очиз ва норозӣ нишон меод;*

“*Anger struggled in her breast with misery*” (W. Maugham, The Moon and Sixpence, 78) – *Дар синаи ӯ газаб бо ғам муҳориба мекард;*

“*His anger was not directed against Mr. Dersingham ... but against the whole world, the very nature*” (J. Priestley, Angel Pavement, 90) – *Ғазаби ӯ бар самти Чаноби Дерсингэм равона нашуда буд, бар зидди олам ва табиат равона карда шуда буд;*

“*His behavior was abominable. I worked myself up into a state of moral indignation. 'Damn it all, there are your children to think of. They've never done you any harm*” (W. Maugham, The Moon and Sixpence, 34) - *... Одобии ӯ нафратангез буд. Ман худамро баҳолати идора нашавандагӣ оварда расонидам. Бало занад, ту фарзанд дорӣ, ки дар бораашон фикр кунӣ. Гӯе, ки онҳо туро боре ҳам ранҷур накардаанд;*

“*Aunt Molly was indignant about George. She was sure that he was innocent... Aunt Molly was now in the sixties, but still capable of vigorous indignation*” (C. P. Snow, Time of Hope, 67) – *Холаи Молли аз барои Ҷорҷ хашмгин шуда буд. ӯ бовари дошт, ки ӯ бегуноҳ аст. Холаи Молли шастсола буд вале то ҳол қувваи бардоштани хашми зиёдро дошт;*

“*He fumed when he told her of the conversation. 'Anyone would think we were to blame'. They waited for Owen's arrival, Andrew striding up and down*

in a passion of impatience and indignation” (A. J. Cronin, *The Citadel*, 56) – Ү ба ғазаб омад, вақте ки бар вай дар бораи суҳбат ҳарф заданд.« Ягон кас фикр мекунад, ки мо гунаҳгорем». Онҳо омадани Овнтро интизорӣ мекашиданд. Эндрю бо ғазаб ва бесаброна ба болову поён қадам мезад;

“He came like a whirl wind. His spectacles flashing, the stole streaming to either side of him like lightning; he carried his wrath up to the veranda stairs” (O. A. Bushnell, *Molokai*, 123) – Ү чун раъду барқ бо суръати тез омад. Супоришномаи ӯ аланга гирифта, ноён чун раъду барқ аз ду тарафи ӯ чорӣ шуд; ӯ ғазоби худро то пояи пешайвон бурд;

“She was certain there was more behind it all than what she had heard, and evil curiosity mingled well with distrust and the remnants of her wrath of the morning” (Th. Dreiser, *Sister Carrie*, 97) – Ү боварӣ дошт, ки аз пушти ҳамаи ин ягон чизи бузург меистад, чизеро ки ӯ шунида буд ва кунҷковии бадҳоҳона бо нобоварӣ ва боқимондаи ғазоби саҳаргоҳони ӯ хуб тавъам гирифта буд;

“When lie had finished it (the letter), he stood holding it in his hands It roused his ire...” (Th, Dreiser, *Sister Carrie*, 104) – Вақте ки дуруғ ба анҷом расид, ӯ рост истода дасти вайро дошта буд... Ин ӯро ба ғазаб овард ...;

“The blood came to his face, his heart filled with a bursting passion of rage and incompetence” (D. H. Lawrence, *The Rainbow*, 87) - .Хун ба рӯи ӯ расид. Қалби ӯ аз ғазоби чигарчоккунанда ва ноухдабароӣ пур гардид;

“I screeched at the offending sheet of paper, cursing it, beating it, in my rage at the black fiend who wanted now to take my work for his own” (O. A. Bushnell, *Motoka*, , 134) – Ман ба саҳифаи қоғози таҳқиркунанда фарёд задам, ӯро лаънат кардам ва аз ғазоби зиёд ӯро мезадам, барои он ки ӯ акнун мехост кори маро соҳиб шавад.

“I won't kiss you good-night', he had Mid. I've never kissed a woman like you ...' Л she had done was slamming the door in his face. But afterwards, in cold and hot fury, she had thought up a hundred different replies” (D. Carter, *Tomorrow is with Us*, 78) – Ман туро бӯса намекунам, шаб ба хайр, - гуфт

Мид. «Ман ягон вақт занеро ба мисли ту бӯса накардаам ... ӯ дарро бар рӯйи ӯ пӯшида ин корро кард. Аммо он фосиқа, дар азбадхашмии зиёд сад ҷавоби гуногунро фикр карда баромад.

В таджикском языке:

“Вай ба додситон тез кашида, нигоҳи хашмгин намуд.

- Ту ба ман ақл нашав. Бе ту ҳам зӯрам мерасад.

- Аввало ассалому алайкум....

- Ту ба ман шинос нестӣ, ки салом диҳам. Хез, каш аробатро!

- Тез нашавед, бародар. Аввал пурсишу баъд кушиш гуфтаанд.

- Э, бар падари гуфтагӣ сад борнаълат.

- Мебахшед, исми шарифатон чист?

- Ман Исми Шариф не. Маро Тешаи Саг мегӯянд.

- Фаҳмидӣ?!

- Тешаи Саг? Номи аҷоиб? Шумо кӣ?

- Якумаш, ман хӯҷаини ҳамин тарабхона. Дуюмаш, дар ин ҷо сигор кашидан мумкин нест” [Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 66];

“Ғаму андӯҳ гиребонгираш шуда, вучудаш дар оташи қаҳру ғазаб печид.

- Бедор шавед, бародар! Фурур дореду чашми кӯр. Ба худ оед. Кӯр-кӯрона куҷо меравед...

- Бас! – дод зад Тешаи Саг ва пурсид: - Ёй, ту чӣ меҳоҳӣ? Ҳа-а-а, фаҳмидам. Ту ҳампора меҳоҳӣ? Меҳоҳӣ, ки ба ту ҳам пул диҳам?”

[Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 67];

“Чӣ-ӣ? Ту – хулиган! Ту шӯрапушт! Ту авбош!

- Бидонед, ки забони тоҷикӣ пушту паноҳ дорад. Касоне ҳастанд, ки намегузоранд он хор шавад.

- Он пушту паноҳ ту ҳастӣ? Ҳамин ту? Ту, а?

- Ҳа, ман яке аз онҳо ҳастам. Ва ҳоло ин ҳамаро канда нобуд мекунам!” [Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 71];

“Тешаи Саг аз хомӯшии ӯ рӯҳ гирифта:

- *Тарсидӣ, лаънатӣ? Тарсидӣ? Ку зуд гум шав!*
Тоқати Шариф Шараф тоқ шуд. Дар майнаи сараш чизе гӯё чиррос зад. Ва овезаро канда ба замин ҳаво дод. Мизоҷон аз ҷойҳои худ часта хестанд. Ва ба тарсуҳарос афтоданд.
- *Ўҳ, ачалрасида-е! – гуфт яке ва тарабхонаро тарк кард*” [Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 72];
- “- *Меовезӣ ё не?! – аррос зад Тешаи Сағ.*
- *Хестӣ, ки хобӣ!*
- *Ҳоло маро аҳмақ кардӣ-а?! – гуфт ва “Ана ба ту! Ана ба ту! Гуён ба рӯи Шариф Шараф пасопеш ду торсакӣ фурувард.*
Шариф Шараф, ки инро интизор набуд, як лаҳза гаранг шуд.
- *Акнун дафъ шав.... Фаҳмидӣ?*
Чеҳраи ӯ суп-сурх шуда, чашмонаш аз ғазаб дурахшиданд.
Девонавор наъра кашид:
- *Баро, дафъ шав! Хӯй очағар! Нафаҳмидӣ?!*
- *Фаҳмидам, - гуфт вай ва муште ба даҳону биниаш фаровард*” [Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 74].

В вышеприведенных примерах видно, что лексические единицы отрицательной эмоции сопровождаются мимикой, которые возникают у человека в состоянии гнева.

Следовательно, исследуя когнитивный аспект «отрицательной эмоции» физиологический процесс мы можем рассматривать как один из его компонентов.

Следует заметить, что эмоции всегда занимали особое место в процессе коммуникации.

Однако в последнее время сфера функционирования эмоционального общения чрезвычайно расширилась – настолько, что можно констатировать существенный сдвиг баланса эмоций в сторону негатива.

1.4. Соотношение категорий эмоциональности и экспрессивности

Многие традиционные проблемы психолингвистики, стилистики и лингвистики сегодня переосмысливаются с позиций когнитивных и коммуникативных парадигм лингвистики [Рябцева, 2005, 102].

Поскольку в реальной коммуникации постоянно возникают эмоциональные ситуации, в которых речевые партнеры вынуждены реализовать эмотивный потенциал всех единиц языка, а в художественной коммуникации, которая является моделью реальной, вся эта реализация воспроизводится одновременно с воспроизведением типических эмоциональных ситуаций общения, перед лингвистикой эмоций стоит задача исследования эмотивных речевых актов, эмотивных высказываний. Естественно, что на повестку для таких исследований ставится и задача описания категориальных эмоциональных ситуаций.

Придерживаясь позиции В.И. Шаховского, категориальные эмоциональные ситуации мы рассматриваем как реальные или в художественном изображении ситуации, где привлечены эмоции участников коммуникации: речевых партнеров, наблюдателя или читателя [Шаховский, 2008, 128].

Общеизвестно, что та или иная эмоция возникает в результате особой абстрактной ситуации, называемая типовой. Например, эмоциональное состояние страха обуславливается предвидением какого-либо зла, так как данная эмоция может породить горе и разрушение. Или эмоциональное состояние тревоги связано со злом и неожиданной опасностью, которые нельзя предвидеть. Следует заметить, что типовая ситуация и эмоция логически взаимосвязаны, и данное взаимоотношение делает подобную ситуацию категориальной. Например, несправедливость порождает чувство гнева, предательство – ярость и т.д.

Следует заметить, что в лексике естественного языка имеются универсальные эмоции, которые семантизируются эмоционально даже вне контекста, так как они сами эмоционально окрашены [Шаховский, 2008, 156].

Здесь нельзя не согласиться с Ш. Балли, который отмечал, что в языке экспрессивные знаки даны заранее, не предполагают творчества со стороны говорящего. Приемы, создающие аффективность, стали бессознательными и лишь внимательный анализ может объяснить, почему такая-то единица носит эмоциональный характер. Они включены в систему языка, подвержены, как и всякий системный элемент, оппозициям и понимаются в силу этих оппозиций, например, нейтральное *papiers* – *варакхо* (бумаги) и экспрессивное *paperasses* – *латта-путта* (бумажный хлам). Эффективность может быть мотивирована означаемым и означающим. В речи эффективность создается прежде всего выбором средств, представляемых системой того или иного языка, индивидуальной или групповой модификацией общеязыковых средств и, наконец, новаторством самого говорящего [Балли, 2003, 11].

Ш. Балли также обращает внимание на роль ситуации в передаче эмоционально окрашенной мысли без участия специальных языковых приемов. Сильные эмоции, связанные с эстетическим восприятием, могут быть выражены словами, не несущими в себе никакой теплоты: достаточно, чтобы объект восхищения находился рядом. Так, фраза Эта церковь очень красива совершенно нейтральна, однако, будучи произнесена перед Шартским собором, она может выразить и передать достаточно сильное эмоциональное ощущение: язык здесь ни при чем, ведь он трансформировал эмоционально окрашенную мысль в логическое суждение, состоящее не более чем из слов-концептов [Балли, 2003, 100].

Согласно позиции В.И. Шаховского, категориальные эмоциональные ситуации представляют собой определенную иерархию, и знание теории эмоций позволяет говорящему моделировать топоры своей вербалики: снижать или усиливать силу моделированной или вызываемой эмоций [Шаховский, 2008, 178].

В современных условиях сосуществования мирового сообщества, сопровождающееся природными катаклизмами, техногенными катастрофами, терактами, деформациями нравственных и моральных

ценностей и т.п. наиболее экспрессивными и прагматичными являются *отрицательные категориальные эмоциональные ситуации*.

Сложные социальные условия жизни рожают агрессию людей, источников которой много. Помимо вышеназванных это и жестокая конкуренция, и глобализация (которая уничтожает моноэтнические и монокультурные социумы, что не может не вызывать раздражения у их представителей), и возрастающий национализм, неприятие ксенокультурных коммуникативных норм и многие другие причины.

Вышеназванные социальные ситуации становятся источником порождения новых контекстуальных понятий: *лицо кавказской национальности, чурка, оранжевая революция, бархатная революция, розовая революция, СМЙсители* и др.

Так, например, слово *гулача (чурка)* – первоначальное значение которого: *короткий обрубок, кусок дерева или металла*, в настоящее время все более широко употребляются его отрицательные значения, такие как:

- 1) недалёкий, глуповатый, необразованный, бесчувственный, неповоротливый человек:

«Дигараш гарчанде, ки бе гоиб кор мекунад, аммо чун кунда аст, бедарки ҳаёти ҷамбиятӣ, бо тасаввуроти маҳдудона зиндагӣ мекунад - Другой хотя и работает без прогулов, зато живет как чурка, без понимания общественной жизни, с мещанскими понятиями» [Национальный корпус русского языка].

«Дар руни рӯҳан Валя фикр мекард, ки ӯ ба мисли кундаи нотарошида аст - В глубине души Валя думала о себе, что она чурка неотёсанная» [Национальный корпус русского языка]; *«Фаҳмидам, фаҳмидам- ки кунда нестам, инчунин хобидам, майнаи сарам кор мекунад: ба мо ҷавонон аз рӯи урфу одати пешинаи русҳо, бо ҳам бояд ба ҳаммом равем - Понял я, понял — нечурка уж совсем-то, да и выспался, соображать начинаю: нам, молодожёнам, по старому российскому обычаю, идти в баню вместе»* (Астафьев, *Весёлый солдат*, 67);

2) прост., пренебр., о человеке с чертами лица, не такими, как у русских (смуглая кожа, раскосые глаза и т. п.), например:

«Дар асл, ўро кй медонад. Потомка.Ў бачаи духӯра, осийй, барҷастарухсор аст. Он вақт дар Апрель зуд Ваняро фурӯхта буд - Впрочем, кто его знает, Потомка. Он парень скользкий, азиат, скуластый чурка. Тогда в апреле сразу Ваню продал»(Сергей Солоух, Клуб одиноких сердец унтера Пришибеева, 45);

«Дар он ҳолат, ки имтиёз аз ҳад зиёд буд ва Слава голиб мебаромад, Николай Леонидович ўро бо суханони қабех аз модар гирифта дашном медод аммо дар асл гирем модари ҳамкори ў - ўзбек, бо овози баланд: "Ту кунда ҳасти", баъдтар фонди луғавии худро истифода мебурд аз рашки зиёд ба ноӯҳдабаро - А в тех случаях, когда фора была слишком уж большой и выигрывал Слава, Николай Леонидович обзывал его страшными матерными словами — хотя начинал обычно, вспоминая, что мать партнёра — узбечка, скрика: «Чурка ты!», а уж дальше использовал словарный запас на зависть биндюжнику(Кио,Иллюзии без иллюзий,34);

«Дар дақиқайи дуввум аз дӯстии онҳо сӯҳбати ду тарафа оғоз гардид(барои чӣ шарм доранд, - бе ҳамин ҳам дар гирду атроф фақат кундаҳоянд, ҳеч чизро намефаҳманд), муайян гардид, ки онҳо аъзои фойтуни типлоходи "Абхазия"мебошанд, ки ба бандар бо саёҳони олмонӣ дар дарунаш омадааст - На второй минуте из их с кавалером оживлённого диалога (а чего стесняться, — ведь кругом чурки не русские, всё равно ни черта не понимают), выяснилось, что они — члены экипажа теплохода«Абхазия», который пришёл в порт с немецкими туристами на борту»(Городницкий, И жить ещё надежде, 78).

Создание таких понятий начинается с восстановления эмоциональных следов памяти языковой личности, связанных с ее предыдущим индивидуальным и / или видовым эмоциональным опытом.

Следовательно, всякая мысль, зависящая от жизни, эмоциональна. Но степень этой эмоциональности весьма различна. Эта характеристика

неотделима от предыдущей; может преобладать одна, а может – другая; иногда в полную силу звучат эмоции, иногда субъективность принимает более интеллектуальную форму, выливаясь в ценное суждение.

Стоя перед картиной Рембрандта, я могу дать волю своему восхищению и воскликнуть: «Как это прекрасно!, или же я, поразмыслив, могу обратить охватившее меня чувство в оценочное высказывание: «Это шедевр», но обе формы порождены одинаковым ощущением: все, что субъективно, не может существовать без оттенка эмоциональности; а все, что эмоционально, тем самым уже оказывается субъективным [Балли, 2003, 32]. Послушайте, как говорят люди: в любом выражении, которым передается пережитая мысль, вы найдете, по крайней мере, минимум субъективности и эмоциональности; даже там, где язык не предоставляет говорящему адекватных средств для выражения своих мыслей, на помощь приходят интонация, жест, выражение лица [Балли, 2003, 45].

Данные закономерности порождения и понимания эмоциональных ситуаций должны получить свою реализацию в современной лингводидактике. Как показывает практика, знание единиц, в том числе и эмотивных, и системы языка не являются достаточным для достижения положительного эффекта общения. Необходимы знания, помогающие управлять своими и чужими вербальными эмоциями, и понятие категориальной эмоциональной ситуации в этом смысле может рассматриваться в качестве основания для систематизации разнообразного эмоционального опыта говорящих и достижения взаимопонимания в процессе их общения. На наш взгляд, в практических курсах преподавания языковых дисциплин необходимо предусмотреть направления, связанные с обучением парадигм эмоционального общения, то есть контекстно закрепленным эмоциональным средствам. Для этого необходимо учить правильным лексическим и грамматическим решениям в ситуациях эмоционального речевого поведения, в процессе семантизации собственных эмоциональных чувствований, что должно

помочь коммуникантам адекватно резонировать настроения своих речевых партнеров.

Следует согласиться с замечанием Ж. Воркачев о том, что для лингвиста чувства приобретают значение только тогда, когда они выражены языковыми средствами. Вербализованные аффекты, как никакие другие эмоции, вскрывают внутренний семантический мир коммуникантов, так как аффекты (конфликтные психоэмоциональные ситуации) «вытаскивают» из подсознания неуправляемые ratio смыслы и упаковывают их в неожиданные даже для самого продуцента вербалии и авербалии [Воркачев, 2003, 6].

В речевом общении необходимо выделять экспрессивную коммуникацию как специфическое выражение коммуникативно-прагматического намерения говорящих. Число экспрессивных средств, как показало исследование, не предельно. Но каждая модель передачи эмоции воспринимается в определенных границах, заданных набором клишированных средств и типизированных эмоциональных ситуаций. В данном параграфе с позиций коммуникативной лингвистики рассматривается особый тип коммуникации – экспрессивный. В качестве причины его существования указываются эмоции коммуникантов. Как уже отмечалось, интенсивность такой коммуникации определяется степенью их эмоциональной напряженности.

Как справедливо отмечает В.И. Шаховский, экспрессивность коммуникативна, так как имеет «сообщительную значимость» [Шаховский, 2008, 189], и прагматична, так как воздействует на получателя и приводит к его ответным действиям. В данном параграфе мы будем рассматривать связь экспрессивности с коммуникативно-прагматическим аспектом.

Тот факт, что экспрессивность взаимодействует с прагматикой, ни у кого не вызывает сомнения, так как обе они задействованы во взаимосвязях с объектом и субъектом и наиболее ярко представляют так называемый человеческий фактор в языке.

В зависимости от ситуации общения, его цели и психического состояния коммуникантов, они, как правило, сознательно отбирают, в соответствии со своими индивидуальными особенностями, то или иное экспрессивное средство из обширного фонда, представленного на всех «этажах» языка [Прозерский, 1996, 78]. Получается, что в речевом акте экспрессивность выступает экспликатором прагматической интенции говорящего, интерпретирующего объекты отражения – мир, события в нем, его факты и явления – в своих целях.

Результаты исследования показывают, что экспрессивная речь характеризует прежде всего эмоциональное состояние говорящих, которое и «задает» выбор соответствующей эмотивной лексики. Такое использование языка является экспрессивным, и в этом плане ученые говорят об экспрессивной функции языка [Лукьянова, 1986, 89].

Вышеизложенное положение проиллюстрируем примерами из художественной литературы. Например, в английском языке:

“Oh, Christ, how I hate that river! I hate this house. I hate that damned rubber” (W. S. Maugham, *The Moon and Sixpence*, 89) – *Ох, Худоҷон, манн ин дарёро бад мебинам! Ман ин хонаро аз бало ҳам бад мебинам. Ман ба ин қабурғаи лаънаткардашуда нафрат дорам.*

“I hate the way people keep things from one,” he muttered, ‘and then sneer at one for being green” (J. Galsworthy, *To Let*, 234) – *Ман дӯст намедорам одамонеро, ки чизҳояшонро аз касе пинҳон медоранд, - гуфт ӯ- ва баъдтар боз механданд, ки бояд сабз бошӣ.*

“I am not your dear .. send me to school soon, Mrs. Reed, for I hate to live here” (Ch. Bronte, *Jane Eyre*, 90) – *Ман азизи ту нестам... ба зуди маро ба макбат фирист, барои он ки манн дар инҷо зиндагӣ кардан намехоҳам ва аз инҷо нафрат дорам.*

“I hate plans. I hate lines of action” (E. M. Forster, *Howards End*, 78) – *Ман нақшаҳоро дӯст намедорам. Ман хатҳои амалро дӯст намедорам.*

“There's no place to go. There's the ocean to stop you. There's a line of old men along the shore hating the ocean because it stopped them” (J.

Steinbeck, *The Leader of the People*, 56) – *Ту ҷои рафт надорӣ. Барои туро боздорӣ уқёнус зарур аст. Ҳама медонем, ки як қатор пирамардоне ҳастанд, ки уқёнусро дӯст намедоранд, барои он ки онҳоро боз дошт.*

“We all know ..how ill he hated labour on the land or any labour anywhere” (Pearl Buck, *The Mother*, 78) – *Мо ҳама медонем ... чи тавр беморона, чӣ дар замин ва чӣ дар куҷо, ки набошад ўро бад мебинанд.*

“I used to live entirely for pleasure. I shunned suffering and sorrow of every kind. I hated both” (F. Harris, Oscar Wilde, 79) – *Пештар ман ба пуррагӣ аз Ҷэйв хушам меомад, ман аз ҳама гунна ғаму андӯҳ канораҷӯи мекардам. Ман ҳардуашонро ҷашми дидан надоштам.*

“Bossmev was in love with her! He hated the fellow and would not spare him now” (V. Galsworthy, *The Alan of Property*, 145) – *Босма ба ў ошиқ буд! Ў ин писарро дӯст намедошт ва акнун ўро намебахшад.*

“Would it be better to rewrite the whole thing and just say you hated Soames” (J. Galsworthy, *To Let*, 63) – *Хуб мешуд, ки ҳамаи инро нухабардорӣ кунем ва оддиёна гӯем, ки шумо Соамро дӯст намедоред.*

“I hate him. I'll never forgive him now” (W. S. Maugham, *The Moon and Sixpence*, 92) – *Ман ўро бад мебинам, Ҳозир ман ҳеҷ гоҳ ўро намебахшам.*

“Crawling out of bed to catch the early train; sitting for hours in the cold carriages on bleak days with gusty winds sweeping the ridges—days when the mist enshrouded everything. Those days Bart hated most” (D. Cusack, *Say No to Death*, 82) – *Аз даруни курпа бархеста барои ба қаторайи барвақти дер накардан; дар вагонҳои хунук дар рӯзҳои сард менишаст, вақте ки шамоли босуръат дар вақти туман ба мисли ҷорӯб ҳамаро рӯфта тоза мекард. Он рӯзҳоро Бари аз ҳама зиёд бад медид.*

“She had always hated the shop. She did not understand how her mother and Constance could bring themselves to be deferential and flatterring to every customer that entered” (A. Bennett, *The Old Wives*, 40) – *Ў ҳамеша мағозаро бад медид. Ў намедонист, ки чи тавр модари вай ва Констэйн худашонро*

маҷбур мекарданд, ки ҳамаи мизоҷонро ҳурмату иззат кунанд ва ба ҳар кадоме аз онҳо, ки дохили мағоза мешаванд, имтиёз медиҳанд.

В таджикском языке:

“- Не! – боз дод зад Неъмат ва сангеро ба даст гирифта аз ҷой бархост. –Наздик нашав, ки мезанам.

Афту андоми ӯ Шарифро ба ҳайрат овард.

- Вазнин шав, Неъмат, - гуфт ӯ. –Охир, барои чӣ мезанӣ?

- Маро мекушӣ,

- Ту чиҳо мегӯӣ? Чаро туро мекуштаам?

- Чунон замгин буд, ки овозаш ба гӯшаш бегона расид.

- Не, мекушӣ!

- Ман одамкӯш не.

- Дурӯғ!

- Қасам ба номи Худо, ки не!

- Вайро куштӣ-ку?!

- Киро?

- Писари вазиро. Ту қотилӣ.

Хун ба майнааш зад. Тоқаташ тоқ шуд. Ҳар корро ҳадду ҳудуде ҳаст.

Олам пеши чашмонаш торикистон гашт. Дар вучудаш таркише ба амал омад. Ва бе ёд бонг зад:

- Худат қотил! Очаат қотил! Отаат қотил!”[Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 54].

Данные примеры, несомненно, иллюстрируют экспрессивную функцию языка.

Вопрос об экспрессивной функции языка лингвистами часто связывается с двумя антиномиями.

Одна из них – экономия против избыточности, а вторая – информативная функция языка против экспрессивной. По мнению некоторых ученых, информативная функция языка выражает его тенденцию к экономии, а экспрессивная – тенденцию к избыточности

[Кисилева, 1973, 13]. Однако более пристальный анализ большого числа экспрессивных контекстов художественных произведений на английском и таджикском языках позволяет согласиться с А.П. Сквородниковым, который показал, что обе названные тенденции повернуты к обеим функциям языка [Сквородников, 1982, 231].

При этом А.П. Сквородниковым установлено, а наш материал на английском и таджикском языках это подтверждает, что чем сильнее тенденция высказывания направлена на экономию или избыточность языковых средств, тем больше оно направлено на реализацию воздействующей задачи, на экспрессивизацию высказывания. С другой стороны, чем эта тенденция слабее, тем больше любое высказывание направлено на чисто фактуальную, информативную функцию языка.

В лингвистической литературе выделяются так называемые коммуникативные эмоции, то есть эмоции, возникающие на основе потребности в специфическом общении как реакции на удовлетворение / неудовлетворение, стремление к эмоциональной близости. Б.И. Додонов экспериментально установил следующий инвентарий коммуникативных эмоций [Додонов, 1975, 26]: желание общаться, делиться мыслями, переживаниями, найти им отклик; чувство симпатии, расположения; чувство уважения к кому-либо; чувство признательности, благодарности, чувство обожания кого-либо; желание заслужить одобрение от близких и уважаемых людей.

Анализ большого числа экспрессивных по текстам художественной литературы подтвердили объективность выделения этих коммуникативных эмоций и показали, что они являются мотивами для соответствующих типов экспрессивных контекстов. Единственное расхождение по результатам нашего анализа с вышеприведенной типологией коммуникативных эмоций Б.И. Додонова является то, что мы еще выделяем тип неодобрительной эмоциональной коммуникации: желание оскорбить, обидеть, презреть, унижить занимает довольно большое место в частотных ситуациях гнева, раздражения, возмущения в

реальной жизни людей и потому находит естественное отражение в художественной литературе:

В английском языке:

“For the moment, perhaps, he understood nearly all there was to understand, — understood that she loathed him, that she had loathed him for years, that for all intents and purposes they were like people living in different worlds” (J. Galsworthy, *The Man of Property*, 256) - *Дар айни ҳол ӯҳама чизеро, ки фаҳмо буд дарк мекард, - ӯ фаҳмид ки он зан ӯро дӯст намедошт, ки ӯро солҳо боз дӯст намедошт, барои ҳама гуна мақсад ва майлу хоҳишҳои онҳо ба мисли одамоне буданд, ки дар сайёраҳои гуногун зиндагӣ мекунанд;*

“He loathed not only Bosnian, but Jean too, and her petty little world of pleasure...” (G. Gordon, *Let the Day Perish*, 178) - *Ӯ натавоҷо Боснинро инчунин Ҷэйнро ва олами хурдакаки кайфияти ӯро низ дӯст намедошт ...;*

“A third week went by, and Martin loathed himself, and loathed life. He was oppressed by a sense of failure” (J. London, *Martin Eden*, 98) – *Ҳафтаи саввум гузашт ва то ба ҳол Мартин ба худ ва ҳаёт нафрат дошт. Ӯ бо ҳиссиёти нокомӣ ранҷур гашта буд;*

“..She had renounced that which she loved and thrown herself into that which she loathed” (A. Bennett, *The Old Wives*, 145) – *Ӯ рад кард, ки Херселро дӯст медошт ва ӯро партофт барои он ки ӯ ғолиб гардид;*

“I had been released after eighteen months ...I would have left my prison loathing it and every official in it with a bitterness of hatred that would have poisoned my life (F. Harris, *Oscar Wilde*, 52) – *Ман баъд аз ҳаҷдаҳ моҳ озод гардидам... Ман зиндонамро тарк мекардам ва бошандаи он дар азоб буданд, ки ҳаёти маро заҳролуд мекарданд;*

“He had effectively got rid of the smell of soap, which he loathed” (A. Bennett, *The Old Wives*, 71) – *Ӯ самаранок аз бӯи собуне халос шуд, ки ӯ таҳаммулӣ онро надошт;*

“She loathed the small, dark room where she had only to stretch out her hand to touch the bed beside her... (D. Cusack, Say No to Death, 89) – Ӯ хуҷраи хурд ва торикро, ки танҳо дасташро ба сӯи ҷогаҳаш дароз мекард, таҳаммули онҷоро надошт...;

“She loathed the flat but lacked the energy to leave it..” (A. Bennett, 'The Old Witeg, 23) – Ба ӯ ин хона писанд набуд аммо ҷуръати тарк кардани онро надошт...;

“The young nurse ... was hurrying up and down the ward with basins of warm water, rousing the protesting patients. They all loathed that hour of the morning” (D. Cusack, Say No to Death, 278) – Ҳамшираи ҷавон...бо шитоб дар шӯъба бо оби гарм дар даст беморонро ҳушёр мекард. Онҳо ҳама ин соати саҳаргоҳонро бад медиданд;

“Lie loathed the Hartleys, their luxurious home, the office. He loathed court, juries, lodges, newspapers, cities, men. And he loathed himself for the flesh that clung in him” (G. Gordon, Let the Day Perish, 108) – Луи хонадони Ҳатлесҳоро, хонаи боҳашамат ва идораи онҳоро таҳаммул надошт. Ӯ қозӣ, доварон, ташкилотҳо, маҷаллаҳо, шаҳрҳо, одамонро дӯст намедошт. Ва ӯ худашро низ барои доштани чунин бадан намеписандад;

“He is a most disagreeable, horridman... So high and conceited, that there was no enduring him! I quite detest the man” (J. Austen, Pride and Prejudice, 78) – Ӯ хело марди дилнокаш ва нафратовар аст... Ӯ чунон ҳавобаланд ва худписанд мебошад, ки ҳеҷ касс ӯро таҳаммул надорад. Маро аз чунин мард хушам намеояд;

“George was easily persuaded that a sort of milk pudding he detested had been made from an ostrich's egg (R. Aldington, Death of a Hero, 23) – Ҷорҷ боварӣ дошт, ки пудинги аз шир тайёркардашудае, ки ӯ дӯст намедошт аз тухми шутурмуръ тайёр кардашудааст;

“He took off his hat— n glossy 'bowler' such as she particularly detested” (J. Galsworthy, To Let, 109) – Ӯ кӯлоҳи дурахшони "бowlер"-иро гирифт, ки ба он зан писанд наомад;

“I care little for dress, or fashion, detest afternoon calls and look upon society as one big lie and sham” (Fl. Marryat, *The Nobler Sex*1, 78) – Ман ба муд ва курта аҳамияти кам медиҳам, зангҳои нисфирӯзро дӯст намедорам ва ҷамбиятро ҳамчун якдурӯғи бузург ва сохташуда мешуморам;

“He (O. Wilde) was detested by the whole middle or shop-keeping class” (Г. Harris, Oscar Wilde, 42) – Ӯ аз табақаи миёна ё тоҷирон нафрат дошт.;

“..She had only a few gnomish more until she would be out of a house which she now detested” (A. J. Cwnin. *Hatter's Castle*, 72) – Ӯ тағҳо якчанд номӯҳо дошт то даме ки ӯ аз хонае, ки ба ӯ писанд набуд мебаромад,

“I could not forget your conduct tome, Jane,—the fury with which you once turned on me; the tone in which you declared you abhorred me the worst of anybody in the world” (Ch. Bronte. *Jane Eyre*, 93) – Манрафтори шуморо фаромӯшкарданаметавонам, Ҷэйн, бо он хашмеванафрате, ки шумо маротӯҳматкардед ва ба ман ҳамла кардед,

“Mr. Duffy abhorred anything which betokened physical or mental disorder” (J. Joyce, *Dubliners*, 93) – Ҷаноби Диффи аз ҳама иллатҳои ҷисмонӣ ва равонӣ нафрат дошт;

“..(There was) something old fashioned within him who abhorred emotional extravagance” (J. Galsworthy, *To Let*, 34) - "... дар даруни ӯ як чизи кӯҳнае буд, ки исрофкориҳои эҳсосиро бад мебинанд;

“I abhor artifice, particularly in children; it is my duty to show you that tricks will not answer” (Ch. Bronte, *Jane Eyre*, 82) – Ман ба афсонаҳо, фиреби кӯдакон нафрат дорам; ман бояд ба шумо нишон диҳам, ки ҳилаҳо кумак намекунанд,

“I like Thornton; its antiquity; its retirement; its old crow-trees and thorn trees ...And yet how long have I abhorred the very thought of it...” (Ch. Bronte, *Jane Eyre*, 87) – Ба манн Торнтон маъқул аст: кӯҳнапарастии ӯ: қафомонии ӯ: дарахтони амбуршакл ва хордорӯ... Ва то чӣ андоза ман аз ин фикр нафрат доштам ...;

“By this time Clare abhorred the house for ceasing to contain Tess, and hastened away ... Without once looking back” (Ch. Bronte, Jane Eyre, 30) – То ин лаҳза, Клэр аз хона нафрат дошт, зеро вай Тессро нигоҳ доштанро бас кард ва саросемавор ... Ба ақиб нанигариста рафт.

В таджикском языке:

“- Наход? Ҳеҷ боварам намеояд...

- Дурӯғ мегӯянд. Ман онҳоро бори аввал мебинам, - хориаш омаду ҳунгос гирифт духтар.

- Даҳоната гӯш, чалибча! – ба рӯяш як шаппотӣ зад саркарда.

- Боз таҳқир ҳам мекунад?

- Э ба рӯят хандидем ҳаво гирифтӣ? Рав ба роҳат!

- Одобро кай ёд мегиред!

- Зуд дафъ шав! – дӯғ зад саркарда.

- Номаъқул кардӣ! – якбора оташи ғзаби ӯ аланга зад. –Шумо дафъ шавед, вагарна....

- Ёҳу, боз таҳдид ҳам мекунад-а, - гӯён саркарда ба ӯҳуҷум кард ва як мушт ба ҷоғи ӯ фаровард” [Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 51];

“-Дурӯғ мегӯӣ, эй қотили паст! Ин корди ту аст ва ту бо ин корд одам куштӣ!

Шариф аз ин гап бисёр ваҳшатзада шуд.

Яке аз беморон:

- Оҳ нобакоре! – гуфт.

Дигаре фарёд кашид:

- Чаро қотилро бо мо хобондед?!

Муфаттиш дод зад:

- Даматонро гиред! [Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 52];

“Косалес ба шӯр омад:

- Ҳой, ту худат кистӣ? Як пиракии пояш дар лаби гӯр.

- Ту бошӣ як фиси бинӣ, - ғзаболуд гуфт бобои Қаҳҳор” [Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 57].

“Додситон ҳарфе зада натавонист.

- Фурӯхтӣ, ноодам?!

- Беномус! Шумо ҳақ доред, шумо!

Нигоҳи пур аз эътимоди Шариф Шараф аз ҷавшани ҷонаш гузашт”

[Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 69];

В связи с этим напрашивается обобщение еще одного интересного наблюдения. Анализ художественной литературы на материале английского и таджикского языков показывает, что человеческое выражение эмоций является универсальной психолингвистической закономерностью. Но специальных языковых правил, которые бы одинаково управляли выражением эмоций всех людей, не существует, - так же, как по меткому замечанию Г.К. Честертона [Честертон, 1982, 35], не существует правил для описания одного и того же ландшафта. Не существует, например, единой языковой модели выражения возмущения, общей для всех носителей английского или таджикского языка. Каждый говорящий выражает возмущение по-своему, т.е. индивидуально, но в любом языке имеется определенный инвентарь кодовых средств выражения данной эмоции, варьирующих модель ее выражения в определенных пределах, за которыми она уже не воспринимается как модель возмущения. Аналогично обстоит дело и с моделями выражения других эмоций: как бы ни было индивидуально их выражение, набор клишированных средств и типизированных эмоциональных ситуаций, известных всем говорящим на данном языке, позволяет отличить варианты модели восхищения от вариантов модели возмущения. В этом, как отмечает И.В. Шаховский, проявляется варибельность кодированных средств лингвистической эмотивности и эмотивной прагматики.

Учитывая ту специфику, которой характеризуется экспрессивный тип коммуникации, можно дать следующее определение категории экспрессивности: экспрессивность – это совокупность средств и способов, приемов создания прагматического эффекта высказывания, обязывающая

получателя интерпретировать это высказывание в соответствии с замыслом говорящего. В противном случае коммуникация не состоится, так как сообщительная и воздействующая значимость экспрессивных высказываний не срабатывает.

Что же касается категории эмотивно-экспрессивного высказывания, то его можно определить как высказывание-сообщение с особым прагматическим “прицелом”, то есть такой иллокуцией, которая воздействует на получателя в определенном, задуманном отправителем, отношении [Шаховский, 2008, 141].

1.5. Эмоциональная лексика и ее особенности в художественном тексте

Кардинальным вопросом коммуникативной лингвистики, по мнению Е.С. Кубряковой, является вопрос о том месте, какое категория значения занимает в процессах коммуникации [Кубрякова, 2004, 78].

Роль знаковой системы для осознания сказывается прежде всего в том, что в тесной связи с накоплением слов происходит накопление понятий и образование семантического узла, который не только способствует процессу восприятия и понимания речи, но также служит чем-то вроде реестра, инвентарного списка или каталога хранящихся в сознании «единиц хранения». Они являются как бы средством выделения темы, являющейся отправным пунктом процесса актуализации знаний, «поднимающегося» из глубин сознания все необходимое в данный момент по данному вопросу. Семантический центр складывается из «формальных понятий», то есть, минимальных знаний, необходимых для «опознания» предмета и его словесного выделения [Кацнельсон, 2003, 481].

Значение языковой системы для сознания сказывается, далее, в том, что язык снабжает механизмы сознания категориями элементарного мышления, без которых невозможен не только процесс понимания отдельных предложений, но и процесс формирования мысли и, следовательно, процесс актуализации знаний.

Но самым существенным в знаках для системы сознания является то, что средства языка позволяют формировать и понимать высказывания. Это обстоятельство означает, что, с одной стороны, возможность свертывания «речевого текста» в содержательные формы сознания, возможность превращения речевых текстов в знания и, с другой стороны, возможность актуализации знаний и превращения их в сложном процессе речевого мышления в развернутые тексты.

Коммуникативной лингвистикой установлено, что люди общаются при помощи текстов, и на этом основании текст считается коммуникативной единицей. Основной чертой любого текста является ситуативность, так как он отражает определенную ситуацию [Мурзин, 1984, 22], поэтому можно сказать, что текст описывает, то есть семантически интерпретирует «кусочек» действительности. Это описание может быть и эмоциональным, так как эмоции являются одним из пусковых механизмов речи.

Речевой акт имеет ряд координат – компонентов текста, среди них: говорящий, слушающий, время, место, цель. Согласно В.И. Шаховскому, к ним следует добавить и эмоциональный компонент, который регулирует соотношение всех других компонентов текста с человеческим фактором коммуникантов: их общим эмоциональным индексом, их взаимоотношениями, их психическим состоянием в момент общения [Шаховский, 2008, 198]. Исходя из вышеизложенного, данные координаты обуславливают особенности представления эмоций в тексте, многие из которых могут рассматриваться в качестве постоянно проявляющихся закономерностей.

Общеизвестно, что любой текст состоит из набора определенных единиц информации, среди которых могут быть и эмоциональные единицы.

Одной из особенностей эмотивного текста является тот факт, что слово в нем может отражать не только объективную картину, но выражать особые смыслы. Ни одна словарная дефиниция слова не может охватить

всех оттенков его семантики, особенно эмотивной, которые вскрываются в тексте (в нашем случае в художественном тексте), где сочетаемостные нормы наиболее широки и свободны. В тексте, как показало исследование, получают реализацию глубинные пласты семантических потенциалов слова – то, что лежит на поверхности, не всегда объясняет трансформацию семантики слова в тексте.

Мы не разграничиваем типы этих текстов с точки зрения их размера и длины. Минимальным текстом является высказывание, которое может быть однословным аффективом. Текст является речевым произведением, и это могут быть реплики, возникающие в процессе сиюминутного разговора, а также высказывания авторов или персонажей, зафиксированные в художественных произведениях.

В лингвистической литературе выделяются следующие компоненты эмотивных текстов: 1) языковые (эмотивная лексика и фразеология, набор эмотивных конструкций); 2) параязыковые (эмоциональная кинесика и фонация в лексическом представлении и др.), а также неязыковые (эмоциональная ситуация, эмоциональная пресуппозиция, эмоциональные намерения, эмоциональные позиции коммуникантов в момент общения и их общий эмоциональный настрой). Все это находит формальное выражение в специальных средствах: лексике и синтаксисе, структуре и стилистике, которые выступают в функции сигналов об эмоциональности данного текста.

В терминах психолингвистики все они являются семантическими раздражителями, вызывающими определенные ответные эмоциональные реакции.

Ш. Балли отмечал, что «одной из самых характерных черт разговорного языка является его постоянное стремление к эмоциональному выражению мысли» [Балли, 2001, 351]. Поэтому в своем исследовании мы берем фиксированный в художественных произведениях разговорный язык в качестве формирующего эмотивные тексты. По

мнению В.Г. Гака, «всякому высказыванию неизменно сопутствуют эмоции» [Гак, 1998, 95].

Вышеизложенное положение проиллюстрируем примерами из художественной литературы на материале отрицательной эмотивной лексики английского и таджикского языков:

“There the kelp-beds stopped me, a tangled barrier of brown and yellow tubes and bulbs floating low in the water. I hated the touch of underwater life” [R. Macdonald, The Drowning Pool, 21] – Дар он ҷо маро катҳои боди, қубурҳои қаҳварангу зард ва лампаҳои сабук, ки дар об шино мекарданд, пеши роҳамро гирифтанд ва маро боздоштанд. Ман аз ламс шудани ҳаёти зеробӣ нафрат доштам;

“Led him on, father. That’s a hideous thing to say”. The onset of sobbing rocked her words” [R. Macdonald, The Drowning Pool, 27] – Ҷӯро баред, падар. Ин нафратовар аст. “Оғози навҳа ҷӯро такон дод”;

“It’s the same as he got in college.” The details of her grievances poured out, as if she’d been waiting for a long time to borrow somebody’s ear” [R. Macdonald, The Drowning Pool, 34] – Тафсилоти шикоятҳои ӯ ба вуқӯъ омадаанд, гӯё вай муддати дароз суханҳоро аз гӯши касе интизор буд,

“Marianne felt for her most sincerely; but she did more harm than good to the cause, by turning very red, and saying in an angry manner to Margaret” [J. Austen, Sense and Sensibility, 40] – Марианна нисбати ӯ самимона рафтोर мекард; Аммо зарари вай аз кумакаш зиёдтар буд, бо овози баланд ва бераҳмона фарёд мезанад "Маргарет;

“Most grateful did Elinor feel to Lady Middleton for observing at this moment, that it rained very hard, though she believed the interruption to proceed less from any attention to her, than from her ladyship’s great dislike of all such inelegant subjects of raillery as delighted her husband and mother” [J. Austen, Sense and Sensibility, 40] – Элеонори азҳама миннатпазирӣ ҳискард, ки Леди Миддлтон дар он лаҳза пай бурд, ки борон хеле сахт аст, гарчанде, ки вай боварӣ дошт, ки танаффус аз ҳеҷ гунна таваҷҷӯҳ ба ӯ вобастагӣ надорад, аммо аз хусуматомезии сафеду беолоиши ӯ ба гунна чунин

иншооти нотамоми роҳи оҳан, вобаста буд, барои ҳамин ӯ шавҳар ва модари худро чашми дидан надошт;

“В-азфалак чандон ки хоҳӣ беқийёс

Нафрати оҳу зи чашми шер ҳаст” [Анварӣ, 67];

“Яке он, ки дар нафс худбин мабош,

Дигар он, ки дар ҷамъ бадбин мабош” [Саъдӣ, 89];

Агар сард гӯям бар ин шӯх чашм,

Биҷӯшад дилаш, гарм гардад зи хашм[Фирдавсӣ, 89];

“Гарми ғзаб чӣ мекуни наргиси масти нозро?

Нозу карашма бас бувад дилшудаи ниёро” [Махфӣ, 67];

“Ва билҷумла то ғзаб ва шаҳват мусаххари ақл набошад, адл сурат набандад ва адл аз камоли ақл хезад” [АқмадиДониш, 89].

В результате исследования было установлено, что эмотивы – как сигналы эмотивного текста и его единицы – подразделяются на эмотивы – стимулы и эмотивы-реакции, между которыми, как показывает материал художественных произведений, существует определенная система регулярных взаимоотношений.

Анализ взаимоотношений эмотивов-стимулов и эмотивов-реакций обнаруживает, как одну из закономерностей, регулярность отрицательной связи в эмотивном тексте. Суть этой регулярности такова: если в эмотивном высказывании-стимуле имеется хоть один эмотив с оценочным знаком минус, то в высказывании-реакции с большей долей предсказуемости также встретится как минимум один эмотив со знаком минус. А если в стимулирующем эмотивном высказывании будут эмотивы со знаком плюс, то в тексте – реакции они могут быть, а могут и не быть; совершенно непредсказуемы в них отрицательные реакции.

Приведем пример, иллюстрирующий проявление закономерностей отрицательной оценки эмотивов в английском и таджикском языках:

“Higgins: “You won my bet! You! Presumptuous insect! I won it. What did you throw these slippers at me for?” Liza: “Because I wanted to smash your face. I’d like to kill you, you selfish brute” [B. Shaw, Pygmalion, 78] - *Хиггинс:*

"Шумо маблағи гузоштаи манро бурд кардед! Шумо! Ҳашароти ҳавобаланд! Ман онро буридам. Чаро шумо ин пойафзолро ба ман партофтед?" Лиза: "

Чунки ман мехостам чеҳраи шуморо канда партоям ва вайрон кунам." Ман мехоҳам туро бикушам, ту ҳайвони худбин ҳастӣ.

"Ин кӯрнамаки модарсеталоқро бубинед чӣ кардааст? Оши маро мехӯрад, пӯшоки маро мепӯшад ва мурдаи падарашро, ҳамаатон медонед, ман гӯрондам, имрӯз рамаро ба сари худ гузошта ба хоб рафтааст ё ба бозӣ саргарм шудааст, ки ин гӯсфанди шишак дар ч арӣ ғалтида ба ин ҳол, ки мебинед, омадааст. Магар ман ҳоло ҳам ҳақ надорам, ки ин чувонмаргро бизанам? Не, задан он тараф истад, ба куштан ҳам ҳақ дорам. Як гӯсфанд аз сад сакалту беҳтар аст" [Айнӣ, Одина, 13].

В результате исследования было установлено, что закономерностью эмотивного текста является и то, что эмотивы не употребляются в нейтральных текстах, когда интенции в позиции коммуникантов нейтральны, а сама ситуация общения – неэмоциональна.

Исследование показало, что в английском и таджикском языках имеются определенные клишированные эмотивные структуры, тяготеющие к эмотивным текстам, и лексикализованные фразы. Например, в английском языке: *what the hell / deuce / devil / dickens....; how, where, who, what, why on earth*; или в таджикском языке: *ин чӣҳол аст, падарлаънат*, и др. Такие структуры не только являются текстовыми сигналами его эмотивности, но и ее текстовыми экспликаторами, наравне с эмоциональным согласованием, эмоциональной рамкой высказывания, лексическим описанием эмоциональной кинесики, слов-интенсификаторов.

При анализе эмотивных текстов было замечено, что определенные эмоции тяготеют к определенным коммуникативным типам высказывания. Например, эмоции возмущения часто выражаются в восклицательных, в вопросительно-восклицательных предложениях. В

этом факте также усматриваются лингво-психологические закономерности: Например, в таджикском языке:

“ *Одина! Шишаки сиеҳ кучост? – гуфта фарёд кард.*

- *Ана ин чост, - гуфта Одина чавоб дод.*

Арбоб Камол:

- *Падарлаънат ! Ин модар бахатоиро аз кӣ ёд гирифтӣ? Ҳамоно ин гӯсфандро дуздидан мехостӣ, ки ба оғил надароварда дар берун гузоштӣ, занам, ки сию ду дандонат ба ҳалқат фуру равад! – гӯён ба сари гӯсфанди маиб рафт ва онро ба он ҳол дида, якбора шӯриду ба Одина нигоҳ карда :*

- *Бигӯ, ин чӣҳол аст? – гуфта бонг мезад ва ба ҳар чизе, ки ба даҳонаш меомад, ўро дашном меод” (Айнӣ, Одина, 12).*

Далее пример на материале английского языка:

“*Proposing to Bumble? The dirty swine.At his age”.Bill’s face grew crimson. “George – a disgusting wind-bag, an unscrupulous hypocritical old hot-air merchant, a fool, poisonous self-advertiser” (A. Christie, The Seven Dials Mystery, 78) – Пешниҳод кунед ба Бамбл» Хукҳои ифлос.Дар сини пирӣ. ” Чехраи Билл сурх шуд. “Қорч як халтаи нафратангези шамол аст, савдогари риёкор ва пири фурушандаи ҳавоигарм, аблаҳ, ва худтаърифкун аст;*

“*Higgins (rising in fury): “What! That impostor! That humbug! That toadying ignoramus!” (I. Shaw, Pygmalion, 34) - Хиггинс (бо ғазаб меафзояд): “Чӣ! Ин фиребгар! Ин ҳарис! Ин хӯлаи инкорӣ!;*

“*Jesus! That was exciting!” Marsie said, her eyes glittering. “Wonderful, wonderful!” she praised Hamphries” (R. Cassill, The Wound of Love, 91)- “Исо! Ин ҳаяҷоновар буд!” Марси гуфт, ки чашмонаш дурахшон буданд. “Ачиб, оличаноб!” вай Хэмприсро ситоиш кард.*

Именно кодированностью, знаковостью языковых средств выражения эмоций объясняется тот факт, что с помощью определенных

моделей и клише коммуниканты сознательно сигнализируют о тех или иных эмоциональных состояниях и отношениях.

Примеры из художественной литературы на материале английского и таджикского языков позволили выявить еще одну закономерность эмотивного текста, которую можно выразить словами Г.К. Честертон: «Мы не умеем разнообразить хвалу так, как мы разнообразим порицание» [Честертон, 1982, 137]. Значительно чаще в эмотивных высказываниях реализуются эмотивные микрополя «неодобрение». Так что данная коммуникативная закономерность эмотивного текста является отражением языковой закономерности.

Важным свойством эмотивного текста следует также признать тот факт, что в нем, как правило, (как видно, из приведенных выше примеров) никогда не выражается одна изолированная эмоция. Эмоции выступают в комплексах, при этом одна эмоция вызывает другую. Эту закономерность К. Изард определяет как выражение эмоций в континууме [Изард, 1980, 45]. Видимо, этим и объясняется то, что эмотивы в тексте редко бывают представлены в чистом виде. Чаще наблюдается их конвергенция, и чем больше эмоций разного качества сплетается в одном «пучке», тем плотнее эмотивность текста и интенсивнее его прагматика [Телия, 2010, 93].

Выводы по главе 1

На основе анализа фактического материала было установлено, что концептуальная и языковая картины мира тесно связаны между собой.

Языковая картина мира – это часть культурной картины. Будучи тесно взаимосвязанными, культурная и языковая картины мира находятся в состоянии постоянного взаимодействия и восходят к реальной картине мира.

Разные культуры по-разному относятся к различным эмоциям, наделяя переживания и проявления отдельных эмоций социальной коннотацией, что влияет на социализацию, а это, в свою очередь, влияет на систему представлений о мире, социальную организацию и семантическое воплощение тех или иных элементов в структуре значения эмоциональной лексики.

Анализ эмотивных текстов показывает, что эмотивная семантика их единиц, особенно в статусе значения, является релативно-коммуникативной. Подтверждение своему мнению находим у Ч. Стивенсона: «Говорящий должен так построить свою речь, чтобы в решающие моменты выбрать слово, имеющее сильное и прочно установившееся предрасположение. Без надлежащих обстоятельств слово не окажет воздействия, но без надлежащего слова обстоятельства могут ничего не дать. Вот почему важно изучать эмотивное значение» [Стивенсон, 1985, 142]. Следовательно, эмотивная семантика слова в любой из своих разновидностей является необходимым компонентом коммуникативной компетенции говорящих, который или обеспечивает для речевого акта прагматические условия взаимодействия коммуникантов, или, в случае его отсутствия в их компетенции, ведет к коммуникативным провалам.

Также было установлено, что эмоциональное картирование и интерпретация мультинациональны. Языковое пространство не покрывает эмоциональное ни в одной лингвокультуре. Отсюда и различие в эмоциональных картинах мира у различных народов.

Опираясь на тезис о единстве рационального и эмоционального в мышлении и сознании, мы пришли к выводу о том, что любое слово не только теоретически, но и практически является эмоционально окрашенным. Яркость этой окраски может быть различной в зависимости от эмоционального состояния человека, но она всегда присутствует в ядерной или периферийной части семного поля слова, высвечиваясь с большей или меньшей интенсивностью. Эмотивный личностный смысл пронизывает всю сферу сознания, играя важную роль в процессе вербального мышления и общения.

ГЛАВА II.

СЕМАНТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЕДИНИЦ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ» В АНГЛИЙСКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Основные проблемы исследования «отрицательных эмоций» в английском и таджикском языках.

2.1. 1. Репрезентация негативных эмоций в языковой картине мира английского и таджикского языков (на материале соматической лексики)

Человеческие эмоции всегда были объектом исследования многих дисциплин: психологии, антропологии, философии, лингвистики и т.д. В лингвистической науке исследованием данной научной области занимались такие ученые, как Ш. Балли, Ван Дейк, М. Бреаль. В последнее время все возрастающий интерес лингвистики в сторону антропоцентризма привел к тому, что исследование эмоции стало занимать ключевую позицию в языкознании. При этом следует заметить, что в анализе лингвистических вопросов, связанных с эмоцией, способствуют факты, полученные учеными в области психологии, физиологии и т.д. Эмоции и чувства являются объектом исследования как психологов, так и лингвистов, но различны методы исследования. Как отмечает В.И. Шаховский, лингвистический аспект анализа эмоций заключается в следующем: «Фиксирование эмоциональных процессов проходит посредством психического механизма их отображения в семантике слов, используемых для вербализации эмоциональных отношений. Отображение видového опыта эмоционального состояния локализуется в смысловой структуре соответствующих слов – образов тех объектов, с которыми они соотносятся. Это отображение кодируется в слове специфическими компонентами его семантики, которые и формируют эмотивность слова, то есть его семантическую способность

репродуцировать в соответствующих типизированных условиях видовой опыт вербального выражения определенных эмоциональных отношений субъектов» [Шаховский, 2008, 5]. Эмоция, продолжает автор, «хранится» в слове в виде идей о ней, эта идея может «оживать» и «разворачиваться» до соответствующей данному моменту переживаемой человеком эмоции. Так эмоции «проникают» в слова, закрепляются в них и при необходимости манифестируются, выражаются и опознаются с помощью этих слов [Шаховский, 2008, 6-7].

Следовательно, языки развиваются под действием двух противоположных тенденций. Во-первых, тенденция к выразительности, которая обогащает мысль конкретными элементами, порождениями эмоциональности и субъективности говорящего, она приводит к отражению этих элементов в языке путем создания грамматических формантов и слов. В другом направлении действует интеллектуальная и аналитическая тенденция, которая устраняет то, что чуждо идее в чистом виде и уменьшает объем значения языковых единиц, превращая часть из них в грамматические знаки.

К данному теоретическому положению можно добавить данные лингвистов, считающих оценку прототипом эмоции: «мы испытываем какую-либо эмоцию к X, что ассоциируется с положительной, отрицательной или нулевой оценкой» [Noth, 1992, 72], так как эмоция – это форма оценки субъектом объекта мира. В связи с этим сторонники данного подхода считают, что структура естественных категорий в целом отражает структуру реальностей, хотя и в огрубленном виде. Поэтому принципиально возможно определять эмоции в терминах прототипической ситуации и прототипической реакции на нее [Мягкова, 2000, 67]. Отсюда и важность лингвистического подхода для изучения эмоций.

Соглашаясь с тем, что язык может быть экспрессивным, исследователи часто склоняются к тому, чтобы изучать экспрессивность на примере единственного выразительного типа – литературного языка,

что приводит к серьезным недоразумениям [Балли, 2003, 67]. Прежде всего, не делается различий между литературным языком, нормированным и организованным, с одной стороны, и творческим стилем, с другой стороны. Поскольку источник и литературного языка, и стиля кроется в эстетическом видении вещей, сторонники подобной точки зрения настаивают на том, что естественная речь не способна выражать чувства или же, как только она пытается это делать, она тут же обретает литературные формы выражения. Недоразумение заключается в том, что смешивается первичная языковая форма с формой производной, кроме того смешиваются средство и цель. Другими словами, естественная речь, как мы видели, переполнена эмоциональными элементами, но вряд ли можно утверждать, что эти выражения используются намеренно, в эстетических и литературных целях.

Следовательно, язык, по самому своему происхождению основывается на имплицитном суждении.

Любые психические состояния, находящие эмоциональное выражение, рано или поздно получают выражение и в языке. *Марг, ранч, нохакй (смерть, страдание, несправедливость)* – все эти представления несут в себе скрытый эмоциональный заряд, однако слова *смерть, страдание* и *несправедливость* являются не более чем «этикетками» - названиями абстрактных и холодных концептов.

В этой связи можно говорить и о противоречии между выразительностью языка и необходимостью передачи через его же посредство сообщений. Мы хотели бы выражать свои мысли цельным, индивидуальным, эмоциональным образом, тогда как язык стремится к тому, чтобы передать нашу мысль быстро и ясно: поэтому он передает ее лишь самыми общими своими приемами, деперсонализируя и объективизируя ее. Чем больше мы вступаем в общение, тем в большей степени коммуникация противодействует тенденции к индивидуальному выражению наших мыслей. Чем стало бы с идеями, выражающими наши сильнейшие эмоции и самые насущные потребности, если бы язык

предоставлял в наше распоряжение всего лишь алгебраические символы, сгруппированные в уравнения типа: «Ваш ребенок скоро умрет», «У меня сильно болят зубы», «Этот поступок несправедлив»? [Балли, 2003, 89].

Следовательно, эмоции являются одной из самых сложных систем человека. Подчеркивая сложность данного феномена, известный психолог К. Изард дает следующее определение: «Эмоции – это нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и действие» [Изард, 1980, 27].

Сегодня уже практически нет сомнений в том, что эмоции являются мотивационной основой сознания, мышления и социального поведения (Э.С. Азнаурова, И.В. Арнольд, С.Б. Берлизон, В.И. Шаховский и т.д).

Установлено, что эмоции включены в структуру сознания и мышления, что они сопряжены с когнитивными процессами и с *mentalstyle*. Каждая эмоция имеет свои характерные знаки, каталог которых формирует семиотику эмоций человека. В то же время эта корреляция не является моделью типа *one-emotion-one-style*. Эмоции тесно связаны со знаниями: меняются знания, мысли, и это влечет за собой изменения эмоций человека [Шаховский, 2008, 16].

Интересным на наш взгляд является утверждение о том, что чем более эмоционально нагружен знак, тем он менее лингвистичен; чем больше он становится лингвистичным, тем больше эмоциональности он теряет [Балли, 2001, 45]. Позицию Ш. Балли оспаривает В.И. Шаховский, утверждая, что данная точка зрения спорна с позиции современной коммуникативистики. В эмоциональном типе коммуникации, продолжает автор, эмоциональные знаки несут вершинные смыслы именно потому, что они остаются лингвистическими (например, междометия, эмоционально-усилительные наречия, прилагательные и т.п.).

Следует заметить, что аналогичные противопоставления делал и Ш. Балли: «множество общеупотребительных слов обладают собственной аффективной насыщенностью, многие грамматические обороты также несут в себе эмоциональную окраску. Вообразим какую-

нибудь интересную идею – и мы тут же увидим, что рядом со знаками-этикетками языка существуют их выразительные синонимы. Сравним, например, с точки зрения лексики, обороты: *souffrir des dents* – *страдать от того, что болят зубы* и *avoir un rage des dents* – *мучиться от сильнейшей зубной боли* [Балли, 2003, 106]. Неважно, продолжает автор, что эти формы могут казаться избитыми или вульгарными: та толика эмоций, которую они вызывают, по меньшей мере, принадлежит им самим, является их частью; доказательство этому – то, что не нужно вообразать какую-нибудь особенную ситуацию или прибегать к специальным речевым приемам, чтобы добиться этого эмоционального эффекта [Балли, 2003, 107].

В качестве семантической универсалии лингвистами отмечается тот факт, что в лексиконе эмоций всех языков наблюдается дихотомия по типу оценочного знака. Если сравнить эмотивную лексику с этой точки зрения, то можно обнаружить, что во всех языках эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в количественном отношении больше, чем положительно оценочные эмотивные знаки. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональные системы разных народов и культур похожи: негативность, превалируя в их лексиконе, уступает позитивности в употреблении и синтагматическом комбинировании (сравним: *happy and sad, sad and happy*), что объясняется психологическим стремлением человека к позитивности.

Следует также отметить, что благодаря когнитивной парадигме в лингвистике, был установлен когнитивный характер категории эмотивности. Когнитология как наука о структуре знаний, их формировании тесно связана с эмотиологией – наукой о вербализации, выражении и коммуникации эмоции. Это объясняется тем, что все когнитивные (мыслительные) процессы сопряжены с эмоциями: «когниция вызывает эмоции, так как она эмоциогенна, а эмоции влияют на когницию, так как они вмешиваются во все уровни когнитивных процессов» [Филимонова, 2001, 23].

Важно также заметить, что эмоции культурно обусловлены, они «навязываются» языковому коллективу этноса различными когнитивными сценариями, ассоциирующимися с тем или иным терминопонятием эмоции [Вежбицкая, 2001, 118]. При этом следует учитывать, что когнитивные сценарии эмоций сформированы не универсальной человеческой биологией и психологией, а культурой конкретного этноса и его национально обусловленными рефлексамми [Вепрева, 2002, 34].

Коммуникативный аспект исследования эмоций акцентирует внимание на том, что коммуникативная эмоциональность, в отличие от некоммуникативной, носит осмысленный характер. Способность человека как языковой личности управлять вербальным выражением эмоций и пропускать их через ситуативные, социальные фильтры в процессе общения и, в зависимости от них, «упаковывать» одни и те же эмоции в различные языковые формы или вообще не «пропускать» их в язык указывает на интеллектуальность коммуникативной эмоциональности. Коммуникативная парадигма исследования эмоций и эмоционального поведения, как отмечает Б.А. Булгарова, позволяет добыть новые данные относительно природы человеческой психики, сознания и их лингвистических коррелятов [Булгарова, 2008, 66-68].

Варьирование эмотивных смыслов в реальной и художественной коммуникации безгранично. Языковые знаки открывают в речи *Homosentient* все новые эмотивные валентности, так как «*human heart is almost always in conflict with itself*» и так как «никакому воображению не придумать такого множества противоречивых чувств, которые обычно уживаются в одном сердце» [Уорф, 1999, 45]. Эмотивно-когнитивные метаморфозы языковых знаков в речевых актах бесконечны, как космическая библиотека [Лейн, 2000, 23] и как бесконечный, безграничный текст [Деррида, 2004, 45]. Именно поэтому речевой и текстовой аспекты изучения эмоционального интеллекта и

эмоционального поведения личности сегодня развиваются особенно активно.

Данный параграф посвящен анализу репрезентации отрицательных эмоций, чувств и состояние духа человека на материале английского и таджикского языков при помощи соматизмов. Здесь мы согласны с точкой зрения В.И. Шаховского, что язык не обладает способностью реализовать все эмоции человека, так как язык значительно отстает в адекватности их оформления: «языковое одеяло» никогда не может покрыть все «эмоциональное тело» человека: оно уже, с дырками, беднее, примитивнее» [Шаховский, 2008, 13]. Важно отметить, что при помощи невербальных средств в ходе общения можно передать огромное количество информации о мире. Ряд исследователей акцентируют внимание на то (И.А. Стернин, Л.И. Гришаева, Л.В. Цурикова и др.), что когнитивная специфика человека приводит к тому, что он больше доверяет интерпретации, основывающейся на невербальных сигналах, которые в меньшей степени подвергаются осознанному контролю коммуниканта, а в некоторых случаях не поддаются какому-либо контролю [Гришаева, Цурикова, 2004, 26].

Анализ языкового материала позволяет констатировать следующее: общий объем соматических фразеологических единиц в системе двух языков, репрезентирующих негативные эмоции, приблизительно идентично: 81 в английском языке и 84 в таджикском, что является свидетельством тождественности релевантной репрезентации эмоций в двух языковых картинах мира. В ходе исследования нами также было выявлено, что по количеству негативные эмоции в значительной мере превосходят количество репрезентаций положительных эмоций как в английской, так и в таджикской языковых картинах мира.

Можно также отметить, что общий диапазон негативных эмоций человека, вербализованных в английском языке и репрезентированных соматическими фразеологизмами значительно меньше, чем в таджикском

языке, что свидетельствует о достаточно высоком уровне коммуникативной сдержанности англичан.

Общее число соматических фразеологизмов, которые передают состояния гнева, злости, ярости и раздражения в таджикской и английской языковых картинах мира, составил 20% и 17% от общего количества проанализированных соматических фразеологизмов, репрезентирующих эмоции и чувства.

В английском языке репрезентантами негативной эмоции являются такие соматизмы, как: *Bile* – захра (желчь), *Blood* – хун (кровь), *Eye* – чашм (глаза), *Face* – рӯй (лицо).

Место локализации гнева в английской языковой картине мира четко определено – *Head* – сар (голова), *Heart* – дил (сердце), *Gall* – захра (желчь).

В рамках данной группы мы выделили следующие соматические фразеологизмы, характеризующие:

– состояние субъекта:

hot blood – тундмизочӣ, тундхулкӣ, бадчаҳлӣ (вспыльчивость):

“*Why, he means the boys are a passel of fools!*” thought *Scarlett indignantly, the hot blood coming to her cheeks.*” (Mitchell, Margaret, *Gone with the wind*, 89)– Чаро ӯ фикр дорад, ки бачаҳо аҳмақанд!“Скарлетт ба газаб омада, бадчаҳлиаш дар рухсорааш аён гардид(Да он, кажется, считает наших мальчиков просто кучей идиотов!» — возмущенно подумала Скарлетт, и кровь прилила к ее щекам);

“*I hope you’ll forgive him. He did it in hot blood*” – Умедворам, ки шумо ӯро мебахшед. Ӯ аз қаҳру газаб чунин амал кард (Я надеюсь, вы простите его. Он поступил так сгоряча).

One’s blood is up – аз худ рафтан, хун дар рағҳо чакидан (выйти из себя; кровь кипит в жилах):

“*You are one of those wise men who see everything with great composure till their blood is up, and then—woe to any one who should put*

them in mind of their own prudential maxims!"(Scott, Walter, *Bride of Lammermoor*, 34) – Зоҳиран шумо аз ҳамон хирадмандоне ҳастед, ки қабл аз бад шудани корҳамаро бо оромии зиёд аз назар мегузаронед то он даме, ки хун бар саратон назанад ва баъд ғам бар сари оне, ки чуръати қоидаҳои оқилонаи онҳоро ёдрас мекунад (Вы, видимо, из тех благоразумных мужчин, которые смотрят на все с завидным спокойствием, пока кровь не ударит в голову, — и тогда..., горе тому, кто осмелится им напомнить их же собственные благоразумные правила);

One's blood turned to ice – хун дар рағҳо баста шудан (кровь застыла в жилах):

"Oscar's blood turned to ice when he saw the shadow pass by outside the window" (DAI) – Вақте, ки Оскар сояи касеро дид, ки берун аз тиреза мегузарад, хун дар рағҳояш баста шуд (У Оскара кровь застыла в жилах, когда он увидел, как за окном мелькнула чья-то тень);

Eat one's heart out – аз худ безор шудан, азоб кашидан (изводить себя, терзаться):

"By such a marriage you enter the camp which held your mother prisoner and where in she ate her heart out" (J.Galsworthy, *ToLet*, 89) – Агар ту оиладор шавӣ ба ҳамон қароргоҳе меравӣ, ки дар он модари ту ҳамчун асир зиндагӣ мекард ва дар он ҷо азоб мекашид (Если ты женишься, ты перейдешь в лагерь, где твоя мать жила как в темнице и где она изнывала душой);

Be sick at heart – вазнинӣ дар қалб, дар тан (тяжело на сердце, на душе):

"Susie felt suddenly sick at heart. She had never dreamt that her secret was discovered" (W. Maugham, *The Magician*, 78) – Сузи дар қалби худ вазниниро эҳсос кард. Ӯ ҳеч гоҳ фикр намекард, ки рози ӯ ошкор мешавад (У Сузи вдруг стало тяжело на душе. Она и не подозревала, что тайна ее раскрыта);

A broken heart – қалби шикаста, бо қалби шикаста (разбитое сердце, с разбитым сердцем):

“*It was all very fine to have a broken heart, but if it was going to interfere with her acting.... No, no..... Her acting was more important than any love affair in the world*” (W. Maugham, Theatre, 89) – бо қалби шикаста Албатта, дарду алам дур мешавад, аммо дар натиҷа он метавонад ба истеъдоди ӯ таъсири манфӣ расонад. Не, не! Роҳи саҳна барои ӯ аз ҳама писандида аст (Остаться с разбитым сердцем? Страдания, конечно, облагораживают, но ведь от всего этого в конце концов может погибнуть ее талант. Нет, нет и еще раз нет!... Сцена дороже для нее любого романа);

One's heart is broken – қалби шикасташуда, ғаму андӯҳи зиёд (сердце разбито; убитый горем):

“*You are very kind; I shall need a friend now. I am alone now, quite alone, and my heart is broken*” (H. Haggard, Stella Fregelius, 67) – Шумо бисёр меҳрубонед, ман бошам ба дӯст эҳтиёҷ дорам. Ман танҳо оям, бисёр танҳо ва қалбам шикаста аст (Вы очень добры, а я сейчас нуждаюсь в друге. Я одинока, очень одинока, и мое сердце разбито).

Данная эмоция может также сопровождаться разными формами физиологической экстериоризации: изменение цвета лица, тремор (руки дрожат) и т.д.:

Black in the face – аз хашм сурх шудан (багровый от раздражения):

“*And of course Archer... will swear till he's black in the face that he didn't do it*” (A. Christie, The Murder at the Vicarage, 123) – Албатта Арчер .... то даме рӯяш аз хашм сурх шудан савганд меҳурад, ки ӯ ин корро накарда аст (И конечно, Арчер.... покраснев в гневе готов клясться, что он этого не сделал);

Make a sad face – рӯй турш кардан (қийёфаи норозӣ) (сделать постную физиономию (недовольное лицо):

“*How much are the sandwiches?*” she asked. “*Two pence!*” bawled a rude steward, slamming down a knife and fork... Grandma made a small, sad face”

(K. Mansfield, *The Garden Party, Voyage*, 67) – *Сендвичҳо чанд пул меистанд?–ду пенс, - чангол ва кордро дар рӯи миз гузошта, дагалона ҷавоб дод пешхизмат... Дар симои бибӣ таачуби норозиёна намудор шуд (Сколько стоят сендвичи? – Два пенса, - заорал грубо официант, швыряя на стол нож и вилку... Лицо бабушки выразило легкое удивление);*

“Bismarck took up the colonial impulses in 1884 and exploited them, pulling a wry face and making out that they were driving him on ... -Дар соли 1884 Бисмарк вазифаи мустамликавиरो идома дод ва онро истифода бурда, рӯй турш намуд ва вонамуд сохт, ки гӯё ӯро ба чунин роҳ тела додаанд (В 1884 году Бисмарк поддержал и использовал колониальные устремления, строя при этом кислую мину и притворяясь, будто его толкают на подобный путь” (АРФС, 1984, 258);

– действия по отношению к субъекту, которые могут явиться причиной гнева:

Getone’s (smb. ’s) bloodup – – оташин шудан, беҳуд шудан, хашмгин кардан, касеро оташин кардан (разгорячиться, выйти из себя; разозлить, вывести из себя кого-либо). “Injustice of any sort always gets my blood up – Дилхоҳ рафтори ноадолатона маро бисёр хашмгин мекунад(Любая несправедливость глубоко возмущает меня);

*make smb. ’s blood boil – касеро ба ғазаб овардан, сахт оташин кардан (приводить кого-либо в ярость, в бешенство): “That story made my blood boil...”(H. Wells, *The Passionate Friends*, 45) – Ин мочаро маро бисёр оташин кард (Эта история взбесила меня).*

*Break smb. ’s heart – дили касеро шикастан, сахт ранҷондан, касеро ҷанг андохтан (разбить чье-либо сердце, сильно огорчить, расстроить кого-либо):“Don’t think ill of me, because I use her help. She gives it cheerfully as you see, and it would break her heart if she knew that I suffered anybody else to do for me what her little hands could under take” (Ch. Dickens, *The Old Curiosity Shop*, 90) – Маро мазаммат накунед, ки ман дар хона ба ӯ нохост ташвиш мерасонам. Ин боиси хушқолии ӯ мегардад, ва ӯ бисёр оташин*

мешавад, агар ман аз каси дигар умедвор шавам, дар ҳоле ки ӯ бо дастони хурдакаи худ аз ӯҳдаи ин мебарояд (Не осуждайте меня за то, что я обременяю её хлопотами по дому. Это доставляет ей радость, и она была бы очень огорчена, если бы я поручил кому-то другому работу, с которой могут справиться ее маленькие ручки);

“Ellie. ... You see, my father was made bankrupt. It nearly broke his heart, because he had persuaded several of his friends to put money into the business” (В. Shaw, Heartbreak House, act, 1) – Элли... мебинӣ, ки падарамро муфлис карданд. Ӯ аз асабоният наздик аст, ки бимирад, чунки ӯ якчанд дӯсти худро бовар кунонд, ки дар ин кор пул мегузорад (“Элли ... видите ли, папа обанкротился. Он чуть не умер от горя, потому что он уговорил некоторых своих друзей вложить деньги в это дело”).

Следует заметить, несмотря на то, что *хашм* – *anger* (гнев)– эмоциональное состояние, охватывающее небольшой временной промежуток, однако его действия по отношению к субъекту могут длиться достаточно долго и стать причинной данного состояния («вспышка гнева»).

Относительно таджикской языковой картины мира следует заметить, что репрезентантами гнева выступают такие лексические единицы, как: *хун* – *кровь*, *чашм* – *глаза*, *дил* – *сердце*, но в отличие от английского, в таджикском языке *чигар* – *печень*, а не *почки* обладают символическим значением гнева.

В данную группу мы выделили следующие соматические фразеологизмы:

– **состояние субъекта**, в данном случае таджикская языковая картина мира имеет сходные черты с английской языковой картиной мира.

В таджикском языке нами зафиксировано не только внутреннее состояние субъекта (*хун хӯрдан*– *терзаться, мучиться*; *хуни чигар (дил) хӯрдан*– *жестко страдать, терзаться, сильно переживать*; *дилаш пур шуд* – *он обиделся до слез*), так и внешнее проявление указанной эмоции

(нигоҳи хашмгин– сверкать глазами; чашмонаш барқ заданд– у него от гнева сверкали глаза):

“Вай ба додситон тез кашида, **нигоҳи хашмгин намуд.**

- Ту ба ман ақл нашав. Бе ту ҳам зӯрам мерасад
- Аввало ассалому алайкум....
- Ту ба ман шинос нестӣ, ки салом диҳам. Хез, каш аробатро!
- Тез нашавед, бародар. Аввал пурсишу баъд кушиш гуфтаанд” (М. Шералӣ, Қиссаи баҳорӣ, 66) –“*Рассердившись, он гневно посмотрел.*
- Ты мне не советчик. И без тебя у меня хватит сил.
- Сначала здороваться нужно...
- Ты никто, чтобы я здоровался. Иди, тащи свою арбу!
- Успокойтесь, брат.”;

“Хотиратон чамъ бошад, деҳқонбобо, - гуфт майёр. –*Ў мукофоти амалашро мегирад.*

Ин гап чӣ сеҳре дошт, ки дили Шариф Шараф пур шуд, чашмонаш барқ заданд.

- Биравед, деҳқонбобо, - гуфт майёр. *Ў гӯё нашунид. Хомӯш буд. Фикр мекард, ки равад ё не”* (М. Шералӣ, Қиссаи баҳорӣ, 81) –
- “*Успокойтесь, дедушка, - сказал майор. – Он получит по заслугам. Однако в этой фразе, что терзало сердце Шариф Шараф, его глаза засверкали.*
- *Идите, дедушка, - сказал майор. Он словно не слышал. Был спокоен. Думал, идти или нет”;*

– действия по отношению к объекту гнева в большей части пассивные:

“Дарди ҷонсӯз гиребонгираш шуд. Дар ҳоли гиристан, кӯшиши ашки чашмонашро пинҳон доштани кард, хост табассум кунад. Аммо аз синааш нолаи сӯзон бурун омад:

- *Одам будан меҳоҳам!*
- *Чӣ-чӣ, ту одам нестӣ магар?*
- *Ту чӣ?”* (М. Шералӣ, Қиссаи баҳорӣ, 84) –

“Ему стало больно. Еле сдерживая слезы, он улыбнулся. Однако, сквозь слезы он сказал:

- *Хочу стать человеком!*
- *Ты, что не человек?*
- *А, ты!”*.

Часто объект, вызвавший гнев, может восприниматься как помеха, препятствие: (*ба ҷон расондан–встать поперек горла*). Анализ фактического материала показал, что как и в английском языке, в таджикском языке стремление причинить вред объекту гнева (*аз гулӯ гирифтган, ба ҷон шудан, ба ҷон расондан– довести до отчаяния*) может стать признаком высокой степени интенсивности данной эмоции:

“Ачал тафаққуди ҳолам намекунад, варна

Ҳазор бор аз ин зиндагӣ ба ҷон шудаам” (ФЗТ, 2, 788);

– действия по отношению к субъекту, которые расцениваются как причина гнева (*асабонӣкардан–играть на нервах, хуни касеро вайрон кардан – портить кровь кому-либо*).

Интересно заметить, что в таджикской языковой картине мира нами было зафиксировано действия субъекта по отношению к самому себе, что не является типичным для английской языковой картины мира: *хуни дил хӯрдан– терзать себя:*

“Чу гул аз суфраи давлат хуни дил хӯрдам,

Насиби ман нашуд, чун гунча, гайр аз лаб газиданҳо” (ФЗТ, 2, 505).

Следовательно, *газаб – anger (гнев)*– это состояние, которое отрицательно влияет, в первую очередь на самого человека, испытывающий данную эмоцию.

Нами также было выявлено значительная группа соматических фразеологизмов, репрезентирующих такое эмоциональное состояние, как *печаль, уныние, горе, отчаяние, грусть, тоска*.

По шкале интенсивности, эмоциями низкой степени выступают: *грусть, печаль*, а высокой степени – *тоска, горе, отчаяние, уныние*.

В двух языковых картинах мира *печаль* рассматривается как невеселое, нерадостное настроение, *уныние* — состояние апатии и подавленности, *грусть* – чувство легкого томного уныния, тоскливой печали (книжн. поэт.), *тоска* – душевная тревога, соединённая с грустью и скукой, *горе* – скорбь, глубокая печаль, *отчаяние* – состояние крайней безнадежности, упадка духа вследствие горя, неприятности. Мы также выделили ряд отличий: если *грусть* – чувство более интимное, личностное, возникающее самопроизвольно (неожиданно), то *печаль* – коллективное чувство, которое не зависит от настроения отдельного человека, обычно вызванное смертью или разлукой близкого человека [Стефанский, 2009, 20].

В состоянии печали, когда человека постигает горе, то естественной реакцией организма являются слезы:

Mingle tears – гиристан, андӯҳгин шудан (плакать, горевать вместе):

“*As Fabian preceded with his story, his aunt began to cry, and that made him cry too; so they mingled their tears together*” (F. Marryat, *Written in Fire*, 78) – *Ҳамин ки Фабиан нақл кардани саргузашти худро идома дод, холааш ба гирия кардан даромад. Ӯҳам гирия кард; онҳо якҷоя гиристанд (Фабиан продолжал рассказывать свою историю. Его тетушка заплакала. У него тоже полились слезы; они горевали вместе);*

Pipe one's eye – гиристан, оби дида шаш қатор рехтан(плакать, обливаться слезами):

“...he had got it into his head that his own peculiar mission was to pipe his eye. Which he did perpetually” (Ch. Dickens, Martin Chuzzlewit, 67) – Ү инро ба сари худ мезад, ки ӯ шахсан вазифадор аст ашк бирезад. Ин амалро ӯ доимо ичро мекунад(....он вбил себе в голову, что ему лично предназначено лить слезы. Этим он и занимался постоянно);

“Майёр ба таври очизона сур-сур менигарист ва чашм ба ҳам мезад. Майёр бо тамоми андомаш қад рост бикард ва дағалона дод зад:

- Үй бача, ту чӣ меҳоҳӣ?!

Дарди чонсӯз гиребонгираш шуд. Дар ҳоли гиристан, кӯшиши ашки чашмонашро пинҳон доштани карда, хост табассум кунад. Аммо аз синааш садои нолаи сӯзон бурун омад...” (М. Шералӣ, Қиссаи баҳорӣ, 95);

“Қатраҳои марвориди ашк аз дидагони Шариф сарозер шуданд. Дигар ӯ чизеро намедид. Чизеро ҳис намекард. Гуё як боде ӯро ба ҳаво бардошта буд. Дар пеши назараш фақат симои бобои Қаҳҳор буд ...” (М. Шералӣ, 60) –“Слезы текли ручьем с глаз Шарифа. Он ничего не видел. Ничего не чувствовал. Словно ветром его уносило. Перед его глаза мелкал образ Бобо Каххор”.

Здесь таджикская языковая картина обнаруживает значительное сходство с английской. Высокой степенью интенсивности данного состояния выступает метафорическая модель “дисфункция органов” (*дилаш аз тапиш монд – у него сердце замерло; он умер*).

В английской языковой картине мира: *too rich for my blood*– амер. разг. *этого я не вынесу, это уж слишком*.

“I am not strait-laced, and I don't mind seeing a fellow throw in a drink once in a while but when it comes to deliberately trying to get away with a lot of hell – raising all the while like the Doppelbraus do it's too rich for my blood” (S.Lewis, Babbit, 34) – Ман риёкор нестам ва зид ҳастам, агар касе дар баъзе чойҳо пайҳам бо қадаҳ менушад, аммо вақте ки одамоне ба монанди

Дюппелбраус инро ба худ ичозат медиҳанд, худо медонадки онҳо чи фикр мекунанд ва аз дасташон чи корҳое,ки намеояд, - инро ман тоқат надорам (Я не святоша и не возражаю, если человек изредка выпьет стаканчик-другой, но когда люди вроде Дюппелбраусов позволяют себе бог знает что и думают, что им все сойдет с рук, - этого я не терплю!).

Высокая степень проявления отчаянности выражается в желании причинять себе самому физическую боль. Интересно заметить, что в данном случае, если репрезентантом эмоции в таджикском языке выступают лексемы **волосы** и **рука**, то в английском языке – **лицо** и **рука**:

“*He screamed against the persistent sound of it, tearing at the air and at his own face*” (Brooks, Terry, Runningwiththedemon, 67) – Ва ӯ аз ин суханҳо, аз оҳанги садои ӯ ҳиҷ–ҳиҷкунон гирифт, муйҳояшро чанг зада гирифт(И от этих слов, от звука ее голоса он захлебывался криком, **рвал** на себе **волосы**).

В обоих языковых картинах мира состояние уныния проявляется через пространственную метафору: *to wave the hand* – **опускать руки, махнуть рукой**; *not to know if one is on one’s head or one’s heels* – **растеряться, не знать что сделать**; *аз сари худ соқит кардан–опускать руки*.

“*He waved his hand to dispel the issue*” (Mieville, China. TheScar, 23) – ӯ ин мавзӯро маҳкам намуда, дастони худро афшонд(Он **махнул рукой**, закрывая эту тему);

“*The Basha stayed yet a moment, as if he would have spoken. Then abruptly he turned and waved a hand to his janissaries*” (S. Rafael, The Sea-Hawk, 56) – Баша дер монд, гӯё чизе гуфтан мехост, баъдан пушти худро ба роҳзани баҳрӣ гардонду даст афшонд(Баша помедлил, словно желая что-то сказать, затем повернулся спиной к корсару и **махнул рукой**);

“*He waved his hand suggestively, almost contemptuously.*(D. The odore,The Financier, 78) – ӯ таъсирбахш ва бо як таҳқир даст афшонд(Он снова выразительно, почти с презрением **махнул рукой**);

“Mangan, ... let me alone. I don't know whether I'm on my head or my heels when you all start on me, like this” (B. Shaw, Heartbreak House, 34) – Менгин маро танҳо гузored. Вақте ки шумо хама ба ман чунин хамла мекунед, ман сару калобаамро гум мекунам(Менген. ... отстаньте от меня. У меня ум за разум заходит, когда вы все так на меня накидываетесь);

“Must we have so much fuss? Dick asked ruefully. ‘Oh, darling, we'll only be married once, and there's always a fuss about a wedding. Amy replied, winding soft arms round his neck. ‘I'm enjoying every minute of it, and so happy, I don't know whether I'm standing on my head or my heels” (K. Prichard, Golden Miles, 89) – “Шояд хамаи ин магал лозим набошад? Пурсид ғамгинона Дик. Оҳ, азизам мо як бор оиладор хоҳем шуд ва туй хамеша магал дорад. Эми ҷавоб дод ва ўро ба оғӯш гирифт. “Ман аз ҳар дақиқа лаззат мебарам ва чунон хушбахтам, ки аз он сарам дар гардиш аст(Ну зачем столько шум? Разве иначе нельзя? – уныло спрашивал Дик. – Но, дорогой, когда свадьба, всегда шум и суматоха, ведь свадьба бывает раз в жизни, - отвечала Эми, нежно обнимая Дика за шею. – Мне всегда так нравится, и я так счастлива, что просто голова кругом идет).

В таджикской языковой картине мира состояние **уныния** также репрезентируется через пространственную метафору: *дасту дил сард шудан – расстроиться, опечалиться:*

“Саманди чилваро сар додаиву ман зи дунболат,

Ба ин бедасту по гар дасту по гардӣ, чӣ хоҳад шуд?” (ФЗТ, 1, 343)

Анализ фактического материала показал, что наиболее продуктивными являются соматические фразеологизмы, представляющие **страх** в двух языках. С точки зрения психологии **страх** считается отрицательно окрашенным эмоциональным процессом. Как отмечает Н.К. Рябцева, страх – одно из самых древних и самых сильных чувств [Рябцева, 2005, 89].

В английском языке репрезентантами данного состояния или эмоции выступают такие соматизмы, как *bones – устухон (кости)*, *back – тахтапушт (спина)*, *heart – дил (сердце)*, *skin – пушт (кожа)*, *arm – даст*

(рука), *neck* – *гардан (шея)*, а также лексическая единица *goose-flesh* – *мурашки* (дословно: *гусиное тело*):

Приведем примеры из художественной литературы:

“*They turned toward me, smiling as though nothing in any way unusual were going on, smiles to scrape your bones*” (В. Peter, The Innkeeper's Song, 89) – *Онҳо ҳарду ба сӯи ман гаштанд ва чунон табассум карданд, ки гӯё ҳеч ҳодисае нашуда буд. Табассум нафратовар буд (Они оба обернулись ко мне и улыбнулись так, словно совершенно ничего такого не происходит. Улыбочки у них были – мороз по коже);*

“*Cold shivers run down my back when I think of what might have happened if I had sent it*”. (К. Stephen, The Langoliers, 34) – *Аз як фикри он ки чӣ мешуд агар ман инро равон мекардам танам ба ларза меояд (Мороз по коже пробирает, как вспомню, что бы могло выйти, если бы я послал);*

“*Looking into it made Brian's arms and neck prickle with gooseflesh*”. (К. Stephen, The Langoliers, 78) – *Аз нигоҳ ба он дасту пой Брайн ба ларза меомад (Когда Брайан увидел ее, у него мороз пробежал по коже);*

“*Argive is under attack, Sir!*” she exclaimed, and an icy fist squeezed Cheltwyn's heart”. (W. Steve, In Death Ground, 90) – *Аргос зери ҳамла қарор дорад, чаноб” нидо кард ӯ ва дили Шелтвин ба ларза даромад (Аргос» атакoван! — воскликнула она, и у Чельтвина мороз побежал по коже).*

“*They had goose-flesh when they thought of all the pleasant old habits which stood in imminent danger*”. (Maugham, Somerset , Of Human Bondage, 56) – *Аз фикри оне, ки урфу одатҳои ба дилашон наздик зери хатар қарор доранд, танашонро ба ларза меовард (Мороз продирали по коже от одной мысли, что любезным их сердцу традициям угрожает неминуемая опасность);.*

“*My skin went cold, my nipples tightening and goose-flesh breaking out over my skin*”. (Saintcrow, Lilith, Working for the Devil, 89) – *Аз ин фикрҳо*

манн дилсард шудам, аз баданам мурча медавид (От этой мысли я похолодела, соски сжались, по коже забегали мурашки);

В таджикском языке репрезентантами данной эмоции выступают такие соматизмы, как *сар – голова, пой – нога, қалб – сердце, даст – рука, дил – сердце:*

“Тори сарде аз ангушти по то мағзи ӯ кашида шуд. Ва сар топояш ларзид, гуё чараёни барқ гузашт. Оташи ғазаб чигарашро сӯхт...” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 10) – *“Мороз продира́л по коже. Руки и ноги тряслись. Как будто его ударило молнией. Ярость охватила его”;*

“Қалби додситон қариб аз тапидан боз монда буд, гуё ӯро нерӯи муқтадири барқ зарбае чо́нгудоз зада бошад” (Ю. Аҳмадзода, Ишқи духтари кулаҳпӯш, 78) – *“Его сердце чуть бы не остановилось. Его словно ударило молнией”;*

“Вай дасту по гум кард. Баногоҳ доду вовайло бардошт.

- *Чӣ шуд?*
- *Ин муштзӯр маро зад. Дар баданам чои ободест. Вай мемурам! Ӯ... ӯ чунон ба банди дилам зад, қариб мурда будам.... ”*(Ю. Аҳмадзода, Ишқи духтари кулаҳпӯш, 127) – *“Он растерялся. Поднял крик*
- *Что случилось?*
- *Он меня ударил. На теле живого места не осталось. Умираю!”;*

“Дили Азаматро гурғо дандон мезаданд. Вай хавотиромез ба атроф нигоҳ кард. Гуё тарсид, ки касе ӯро назора мекунад” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 96) – *“Азамату было тревожно. Он оглядывался с опаской. Словно кто-то наблюдал за ним”.*

Как видно из представленных примеров, в каждой языковой картины мира представлена своя метафорическая модель, выражающая состояние *страха*, что свидетельствует о языковой специфике.

Незначительную группу составляют соматические фразеологизмы, репрезентирующие *стыд* и *смущение*.

В английском языке состояние стыда и смущения реализуется во фразеологических конструкциях с соматизмами *cheek* – *рухсора (щека)* и *face* – *рӯй (лицо)*:

“*But now, as she said good night, she saw that Melanie’s cheeks were suddenly crimson and she was trembling. Her eyes were on the carpet and, though she seemed overcome with some frightening emotion, she seemed shyly happy*” (Mitchell, Margaret, *Gone with the wind*, 89) – *Ҳоло вақте ки ӯ хайру хуш карду дид, ки рухсораи Мелен сурх шудааст ва ӯ меларзид. Чашмонаш ба поён хамида буданд ва чунин менамуд ки ӯро тарс фаро гирифта буд. Ӯ хурсанд менамуд (Но когда они остановились, прощаясь, на галерее в холле, Скарлетт заметила, как Мелани вдруг вся залилась краской и у нее задрожали руки, словно от волнения или испуга, как она смущенно опустила глаза, а лицо ее сияло),*

“*The lines went out of his face and he slowly lowered his eyes*” (Zelazny, Roger, *The Guns of Avalon*, 78) – *Рухсораи сурх шуд ва чашмонашро поин кард (Он покраснели опустил глаза).*

В таджикской языковой картине мира *стыд* и *смущение* вербализуются во фразеологизмах с компонентами *хун – кровь, чашм – глаз. ба рӯй хун давид–кровь бросилась в лицо; чашм поён афкандан–опускать глаза.*

Как показывает иллюстративный материал в английском и таджикском языках фразеологические конструкции с соматическими компонентами, вербализующие *стыд* и *смущение*, наиболее продуктивным является образ покрасневшего лица.

Таким образом, проанализировав негативные эмоции в двух языковых картинах мира, можно констатировать, что, с одной стороны, языки демонстрируют большое сходство, а с другой, в том или ином языке, в частности в лексической системе, отражается национальная специфика репрезентации негативных эмоций.

2.2. Семантико-когнитивный анализ лексико-семантического поля «отрицательные эмоции» в английском языке.

Помимо таких общеизвестных функций языка, как выражение мыслей человека и налаживание общения, анализ выявляет и устанавливает некоторые другие, такие, например, как организация и упорядочивание мира, направление сознания на те или иные аспекты и детали действительности. Как отмечает Р.И. Павиленис, будучи неотъемлемым компонентом сознания, язык является его инструментом, выступая как посредник между человеком и концептуальной картиной мира, отображаемой им в языковых формах. «Язык есть орудие познания, которое позволяет выйти за пределы эмпирического опыта благодаря релятивизации системы значений его единиц к системе значения – концептуальной системе» [Павиленис, 1983, 113-117].

Как известно, именно речи принадлежит главная роль в становлении сознания человека. Изучение данного вида человеческой деятельности имеет давние и прочные традиции. Именно в контексте лингвистических исследований впервые были сформулированы положения об активной деятельностной природе языка, его связи с духовной деятельностью индивиду и духом народа (В. Гумбольдт, Ф. Соссюр и др.). По-мнению Ф. фон Гумбольдта влияние языка на духовное развитие нации велико «поскольку только в языке запечатлен весь национальный характер» [Гумбольдт, 2000, 78].

В задачи психолингвистики, как науки применяющей понятийный аппарат лингвистики для описания речевых процессов и психологии, для описания психологических процессов, лежащих в их основе, входит объяснение сущности и единиц лексикона, и тех механизмов и операций, которые лежат в основе слова как опорного элемента сознания в процессе речемыслительной деятельности человека [Залевская, 2000, 89].

Л. Блумфилд полагал: «Слова и их значения – это для бихевиориста реакция на непосредственно производимые предметами стимулы. Так как хорошо известно, что «люди часто произносят слово яблоко, когда

никакого яблока не видно» [Блумфилд, 1968, 43], сторонники механической теории языка вынуждены выделить особые часто, повторяющиеся случаи, когда слова употребляются в отсутствие предметного стимула. Л. Блумфилд фиксирует такое употребление под термином «смещенной речи». Но признание исключений этого рода не препятствует отрицать существование мысли, образа, ощущений и т.п. понятий «менталистской психологии». Антименталистская предубежденность приводит его к механическому утверждению, что «мыслительные образы ощущения и т.п. – это всего лишь общепринятые названия для разнообразных телесных движений», в известной мере связанных с языком [Блумфилд, 1968, 145].

Р. Джакендорф считает, что семантика является связующим звеном между теорией языка и теориями познания, потому, что «изучая семантику естественного языка, мы по необходимости изучаем структуру мышления» [Уорф, 1999, 78].

Такое понимание значения слова согласуется с теорией семантических полей, сложившейся в современной лингвистике, в основе которой лежит представление о существовании в языке некоторых семантических групп и о возможности вхождения языковых единиц в одну или несколько таких групп. В частности, словарный состав языка может быть представлен как ряд группировок слов, определяемых различными отношениями: синонимическими (*fear, dread, alarm*), антонимические (*sadness – happiness*).

Понятие «семантическое поле» получило широкое распространение с выходом в свет работ Й. Трира и Г. Ипсона, прочно войдя в исследования лингвистов разных стран и направлений. Вследствие этого с термином «поле» связано много позиций, являющиеся вариантами основной идеи семантической связи слов друг с другом в языке.

Теория «семантического поля» Й. Трира восходит к учению В фон Гумбольта «внутренняя форма языка» и связана с идеей Ф де Соссюра «языковые значимости». Й. Трир рассматривает синхронное состояние

языка как замкнутую стабильную систему, определяющая сущность всех ее составных частей. «Слова того или иного языка», - пишет он, «не являются обособленными носителями смысла, каждое из них, напротив, имеет смысл только потому, что его имеют также другие, смежные с ним слова» [Trier, 1973, 107]. Согласно данной теории любое понятийное поле, которое соответствует той или иной сфере понятий, включает лексические единицы, разделяющие его без остатка и формирующие словесное поле. Й.Трир разделяет понятия «лексическое поле» и «понятийное» и вводит данные термины в обиход. Суть трировской теории заключается в том, что любое поле состоит из элементарных единиц – понятий и слов. Вместе с тем составные элементы поля полностью покрывают сферу того или иного понятийного поля. Й. Трир предполагает полный параллелизм между понятийными и словесными полями. Иными словами, Й. Трир проводит параллель между когнитивными и языковыми структурами сознания человека.

Новый этап разработки понятия поля и структуризации словарного состава языка по семантическим полям можно соотнести с появлением работ Ю.Н. Караулова, который с учетом достижений современного теоретического языкознания дал новое понимание семантического поля, выдвинув новые принципы структурирования лексики [Караулов, 2010, 78].

Согласно Ю.Н. Караулову, семантическое поле, будучи идиоматичным по характеру смысловых связей между словами, входящими в него, определено исторически, социально и одновременно более или менее варьируется от индивида к индивиду.

В отличие от Й. Трира, который считал, что для семантического поля характерны определенные и неизменные границы, Ю.Н. Караулов доказал неопределенность и размытость границ семантического поля. Данные характеристики, по его мнению, обусловлены онтологически, то есть избыточностью поля и «необратимостью» членов этой иерархически организованной микросистемы слов и ее ядра [Караулов, 2010, 120].

Вслед за Й. Триром теорию семантического поля в зарубежной лингвистике разработал Ч. Филлмор.

Ч. Филлмор в своих работах подчеркивает роль семантических полей как представителей некоторой единой схематизации человеческого опыта или человеческого знания. «Понятие семантического поля может быть интерпретировано посредством обращения к понятию схемы, а родственное понятие лексического поля можно отождествить с понятием фрейма и с различными видами связей между фреймами» [Филлмор, 1983, 74-122]. По его мнению, семантические поля, отражая различными способами представления человеческого знания в лексике языка, характеризуются различными типами структур [Филлмор, 1983, 23-60].

В своей работе Ч. Филлмор, основываясь на понимании поля как способа отражения и хранения знаний, выделяет следующие типы структур: контрастивные множества (семантические оппозиции), таксономии (характеризуются отношениями включения или господства, основанной на родовидовой концептуальной общности конститuentов), парадигмы (группа слов с одним общим семантическим признаком), циклы (слова соединенные какими-либо ранговыми отношениями), фреймы (наборы слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального целого), партономии (группировки на основе отношений часть – целое).

Одним из наиболее простых и действенных приемов получения материала для анализа лексико-семантических полей является ассоциативный эксперимент. Он позволяет выявить характер связей внутри того или иного семантического поля и является отражением межсловесных связей, выработанных у респондентов в течение жизни и образующих «вербальные сети в их нервной системе» [Уфимцева, 2000, 45].

Исследования организации индивидуального лексикона человека обнаружили, что среди понятий, входящих в данное семантическое поле, обычно выделяется какое-то одно, процессы усвоения, идентификации и запоминания которого совершаются быстрее, успешнее по сравнению с

другими. Понятия, обладающие указанными особенностями, называют базовыми, исходными [Малюга, 2011, 34].

Психофизиологические эксперименты, проведенные А.Р. Лурией и О.С. Виноградовой, во-первых, позволяют фактически констатировать наличие семантических полей в сознании носителей того или иного языка; во-вторых, подтверждают наличие в семантическом поле центра и периферии, в- третьих, подтверждают реализации значения слова в контексте.

В своем исследовании мы придерживаемся позиции А.В. Бондарко, которая более полно отражает понятие «поля». «Функционально-семантическая категория - это одновременно и условия выделения понятийных единиц и их группирования в определенные классы, следствием чего является распределение понятий между глубинными аналогами частей речи, и условия синтеза таких глубинных единиц в высказывания. [Бондарко, 1986, 56]. Поля, продолжает автор, также взаимодействуют. Образуя определенные группировки, они могут пересекаться, частично накладываться друг на друга. Функционально-семантическое поле представляет собой элемент поля функционально-семантической категории, обладающей самостоятельностью в плане содержания и в плане выражения. Микрополе может находиться как бы на стыке разных функционально-семантических категорий, - там, где их поля накладываются друг на друга. [Бондарко, 1986, 78]. Данное положение мы применяем относительно лексики разноструктурных языков на материале лексико-семантических полей *гнева, страха и печали*.

Таким образом, лексико-семантическое поле мы понимаем как множество разнородных лексических взаимодействующих элементов, которые обладают общим семантическим признаком и выражающие определенное понятие. Компоненты полей *гнева, страха и печали* образуют микрополе с архисемой «негативные эмоции». В каждом микрополе мы выделяем интегральные и дифференциальные признаки.

2.2.1. Микрополе Angry – гнев

В данное микрополе английского языка входят следующие лексические единицы:

Angry, indignant, книжн. *wrathful*, книжн. *irate, furious, acrimonious*, разг. *mad*. Интегральным признаком для данных лексических единиц является: «испытывающий злость, гнев или ярость; злой, сердитый, гневный, яростный, взбешенный» [OxfordDictionaryofEnglish].

Смысловые различия между *angry, indignant, wrathful, irate, furious* совпадают. Однако *angry* и *irate* могут обозначать как постоянную черту характера, так и душевное состояние; все остальные синонимы обозначают только состояние, но не свойство:

Приведем примеры из художественной литературы:

“*I never thought that you were such an **angry person***–Ман ҳеч гоҳ фикр намекардам, ки шумо чунин шахси хашмгин ҳастед (Никогда не думал, что вы такой сердитый); *I wonder what made her so **angry and irritable*** – Ман намедонам, ки чӣ ўро чунин хашмгин ва ғзабӣ кардааст. Ман хашмгин шудам чунки натавонистам роҳамро бинам (Не знаю, что сделало её такой злой и раздражительной”); “*I was angry that I could not see my way clear, I was **angry** that no one gave advice that sounded ambitious enough*” (D. Brown, *Bury my Heart at Wounded Knee*, 45) – Ман хашмгин шудам, чунки натавонистам роҳамро бинам (Я злился от того, что не знал, какой путь избрать, от того, что не было у меня советчика, который развернул бы передо мной увлекательную перспективу);

“*If other **sadmire** you, surely I ought to know that they—they do but as I do: I should be proud, not **angry**, that they admire my Ethel—my sister, if you can be no more*” (W. Thackeray, *The Newcomes*, 89) – Албатта манн бояд дарк намоям, ки он гоҳе ки одамон мафтуни шумо мешаванд онҳо ҳам мисли ман ҳиссиёт доранд. Ман бояд фахр намоям на хашмгин шавам, ки онҳо мафтуни Этели ман –хоҳари ман шудаанд (Разумеется же, мне надлежало понимать, что когда люди восхищаются вами, они... они лишь

чувствуют то же, что я. Я должен был гордиться, а не гневаться, что они восхищаются моей Этель - моей сестрой, коли так уж нам суждено);

“*I was very angry with the boy for kicking my dog*” (J.London, White Fang, 45) – Ман хело хашмгин шудам аз писаре, ки сагамро бо пояш зад (Я очень разозлился на мальчика за то, что он пнул ногой мою собаку);

“*It is hard to deal with an irate person*” – Кор бо шахси хашмгин хело мушкил аст (Трудно иметь дел с раздражительным /желчным/ человеком); “*.. the pair of lovers could be jarred apart by .. irate parents*”-Маъшуқонро танҳо волидайнӣ хашмгин чудо карда метавонад (..разлучить влюбленных могли только разгневанные родители); “*I felt indignant at his cold cruelty to his wife*” – Ман аз муносибати бераҳмонааш нисбати ҳамсараш хашмгин шудам (Я негодовал на него за его холодную жестокость к жене”); “*she was indignant at the falsereporttin*”- ӯ аз ин суханони дурӯғ дар хайрат буд (он был возмущен от этих ложных слов); “*Turgis was surprised and indignant because no tea was forth coming*” – Таҷи дар таачуб монд, зеро чой то ҳол наомада буд (Тарджи был удивлен и возмущен тем, что чай не подают)” (J.V.Priestley, EnglishJourney, 89);

“*He is always wrathful when any one lies to him*” – ӯ хашмгин мешавад вақте, ки ба ӯ касе дурӯғ мегӯяд (Его всегда охватывает гнев, когда кто-либо лжет ему); “*She was furious with the two brutes for their behaviour*” – Рафтори ин ду дағал ӯро хашмгин месохт (Поведение этих двух грубиянов привело ее в бешенство); “*His condescending tone makes me furious*” – “Шарҳи оромонаи ӯ маро хашмгин менамояд(Его покровительственный тон бесит меня); “*.. he was furious with a world that made research trivial*” – Ин ҷаҳоне, ки дар он кори илмӣ арзише надорад ӯро хело ба ғзаб меовард (Его глубоко возмущал этот мир, для которого научная работа не имела никакой ценности) (M. Wilson).

Следующая лексическая единица, входящая в данное микрополе **Acrimonious** – желчный, раздражительный, язвительный, злой, насмешливый, ядовитый. Данная лексема характеризует человека,

главным образом, с точки зрения его поведения в спорах, в дискуссиях, точки зрения его манеры отстаивать свое мнение:

“They were not acrimonious, but earnestly inquiring, seeking patiently to understand our point of view” – Онҳо хашмгин набуданд, танҳо оромона кӯшиш мекарданд, ки фикру ақидаи моро фаҳманд (В них не было никакой язвительности; они только искренне стремились понять нашу точку зрения);

“It may have been that Mrs Lammle tried in some manner to excuse her conduct to herself by depreciating the poor little victim of whom she spoke with acrimonious contempt”.(Dickens, Charles, Our Mutual Friend, 45) – *Шояд, ки хонуми Лемл кӯшиш мекард, ки як рафтораш муносибати дағалонаи худро нисбати чабрдидаи мискин ислоҳ намояд (Очень может статься, что, говоря с таким сарказмом об их несчастной маленькой жертве, миссис Лэмл пыталась хоть чем-то оправдать собственное поведение).*

И наконец, лексическая единица, входящая в данное микрополе *mad.Mad* близко по значению к *angry*, но обозначает более сильное чувство:

“She seemed to be very mad at him” – Ба назар мерасад, ки ӯ ба вай хашму ғазаб дорад (Она, казалось, был очень зол на него);

“They were mad about /at/ missing the train – Аз сабаби он ки аз катора дер монд, онҳо бо хамдигар чанчол карданд (Они разозлились из-за того, что опоздали на поезд);

“Only way you can ever talk with him is blow your top and get mad like you did over the clothing issue, and even that don't do you any good” (Jones, James, From Here to Eternity, 45)– *Бо ӯ танҳо як намуди гап задан ҳаст, ин ҳам доду фарёд задан, мисли он ки дар вақти рӯйхаткунии либосҳои расмӣ буд (С ним только один разговор – распахиваться и орать, как в тот раз из-за ведомостей на обмундирование);*

"And I bet she knew it made you jealous, made you really squirm, just fucking miserable and mad, right?"(Cornwell, Patricia, 89BlackNotice) –

Ман шарт мекунам, ки $\bar{u}$ медонист, ки ту рашк мекуни ва хашмгини ва ин обрӯи туро мерезонад, ғамгинат мекунад, ҳамин тавр не?(Спорю, она знала, что ты ревнуешь и злишься и это унижает и огорчает тебя, так ведь?);

“We are even you might say the slightly **mad** half of the human races, because we are tormented with our visions, our ambitions, our ideas!” (Banks, Iain, Whit, 90)– Бо кадом як маъние мо қисми девонаи инсоният мебошем, ки хаёлот, нафс (такаббур, ҳавобаландӣ, гурур), андешаҳо моро пора мекунанд(В каком-то смысле мы – одержимая половина человечества, ибо нас раздражают видения, амбиции, помыслы!);

“We were friends, and I wanted to warn him that what he was doing was prohibited, but he seemed almost **mad** some how” (Eddings, David, Diamond Throne, 89) – Мо дӯст будем ва ман мехостам $\bar{u}$ ро аз хатари ин амалҳо огоҳ намоям, аммо чунин менамуд, ки вай гӯё девона шудааст(Мы были друзьями, и я хотел предупредить его об опасности этих действий, но он, казалось, просто обезумел).

Все синонимы употребляются атрибутивно и предикативно. Однако **angry**, **indignant**, **furious** и **mad** могут употребляться с предложными дополнениями, обозначающими причину состояния; при этом **angry**, **indignant** и **furious** употребляются преимущественно с предлогом **with**, в редких случаях с предлогами **about** и **at**.

Mad употребляется преимущественно с предлогами **about** и **at**. : **madatsmb.**, **madat / aboutsmth.**

Также следует заметить, что причина состояния при **angry**, **indignant**, **furious** и **mad** может быть обозначена придаточным предложением: **I was angry / indignant/ furious, mad / that he had gone.**

Далее приведем примеры из художественной литературы:

“He was so **angry** that he had shut himself in his room and would not let me in or speak to me” - Вай чунон хашмгин буд, ки худро дар ҳучрааш

маҳкам намуда, маро барои даромадан ва ба ӯ сӯхбат кардан иҷозат намедод(Christie, Agatha, 4.50 FromPaddington, 78);

“*She remembered she had said Harry was stupid, and Theo's droll humorous glance was her only reminder. But with this Miss Hetty chose to be as **angry** as if it had been quite a cruel rebuke – Ӯ ба хотир овард, ки гуфта буд, ки Гарри аҳмақ ва нигоҳи ачиби Тео ягона чизе, ки дар хотироти ӯ мондааст. Аммо бо ин хонум Ҳеттӣ чанг карда намешавад, бо вучуди хело бадқаҳр ҳам буданд* (Thackeray, William Makepeace, The Virginians,56);

“*Jill was just as **indignant** as you and I would have been at the mention of toys and dolls; and, though lollipops and comfits might be all very well in their way, she very much hoped that something more solid would be provided – Ҷил ба мисли ту оташин буд ва ман мехостам дар ҷои бозичаҳо ва лухтаҳо бошам, инчунин яхмосҳо ва ширинҳо низ бояд хеле хуб бошанд, ӯ бисёр умед дошт, ки агар чизе зиёд намак кардашуда бошад..”* (Lewis, Clive S., The Silver Chair, 78).

“*Provoking scoundrel!*” muttered the **indignant** Antiquary between his teeth – *Иъвогари разил!*»гур-гур кард антиқафуруши ғазабнок байни дандонҳои худ(J. B. Priestley, Angel Pavement, 78);

“*He was **furious** at the wrong about to be suffered – Ӯ беҳуда хашмгин буд, ба хотири оне,ки ба эҳсоси очизӣ гирифтгор шавад*(Lewis, Sinclair, Elmer Gantry ,89);

“*I was conscious, even when I took the draught, of a more unbridled, a more **furious** propensity to ill.”* (Stevenson, Robert Louis, The Strange Case of Dr. Jekyll and Mr. Hyde, 90) – *Ман беҳуш будам, бо вучуди оне ки кӯшиши бепарвой ва беҳудӣ нисбати беморӣ нишон медодам.*

“*Brota didn't know whether to be **furious**at herself or amused at the lad.”* (Duncan, Dave, Coming of Wisdom, 123) – *Бротана медонист, ки хашмнок бошад ё ки ба писар табассум кунад.*

“His guests were *furiously*, and several took the first opportunity to cut him dead.” (Maugham, Somerset, *The Magician* 89) – Мехмонони вай чунон ғазабноқ буданд, ки охирин имконро ёфта мехостанд ўро нобуд созанд,

“Roaring in pain, the dwarf sent his left arm *infuriously* pumps, spinning the morningstar head in horizontal twirls, each connecting with the shield. So *furiously* was his attack that the guard had to backtrack.” (Salvatore, Robert, *Road of the Patriarch*, 139) – Ҳангоми субҳи содиқ, ки гулӯҳи уфуқӣ бо сипар пайваст мешуд, аз азоби дарди зиёд дасти чапи худро нафрат мехонд. Ҳамлаи ў чунон оташин буд, ки посбонон маҷбур шуданд ақибнишинӣ кунанд;

“A pistol bullet whizzed past my shoulder from the window, and I saw a *furiously* face looking out at me.” (Conan Doyle, Arthur, *The Adventures of Brigadier Gerard*, 95)- Тири таппонча бо болои китфи манн аз тиреза гузашт ва манн рӯйи туршери дидам, ки ба манн нигоҳ мекард.

“Continue,” he told the prisoner, ignoring the high priest's *furiously* gaze and demanding that the interpreter translate his question.” (Coelho, Paulo, *The fifth mountain*, 121) - «Давом деҳ» гуфт ў ба маҳбус бо як нигоҳи нафратомезе ва дархост кард, ки тарҷумон саволашро тарҷума намояд;

“I knew he'd be *furiously*, but I couldn't let the children stay close to him.” (Butcher, Jim, *Storm Front*, 89) – Ман медонистам, ки ў оташин мешавад, аммо манн наметавонистам, ки кӯдаконро ба ў наздик шудан иҷозат диҳам,

“I felt terribly humiliated and made a *furiously* response.” (Kundera, Milan, *The Unbearable Lightness of Being*, 78)- Ман худро хеле таҳқиршуда ҳис кардам ва бо ҳашм ҷавоб додам.

“Only way you can ever talk with him is blow your top and get *mad* like you did over the clothing issue, and even that don't do you any good.” (Jones, James, *From Here to Eternity*, 145);

“We were friends, and I wanted to warn him that what he was doing was prohibited, but he seemed almost *mad* somehow.” (Eddings, David, *Diamond Throne*, 89).

Важно отметить, что *angry, indignant, wrathful, irate, furious, mad*, но не *acrimonious* характеризуют поведение человека, выражение его лица, взгляд, голос, мимику и т. п.: *angry eyes* – чашмони ғазабнок(злые глаза); *an angry glance* – нигоҳи хашмгинона (злбный взгляд); *indignant tears* – ашки ғазаб (гневные слезы), слез возмущения; а *wrathful sneer* – злбная усмешка; а *wrathful face* – искаженно гневное лицо; *irate eyes* – гневные глаза; *furious voice* – разъяренный голос; *furious onslaughts* – яростные нападк; *it made his eyes mad with rage* глаз у него загорелись бешенством.

Angry, wrathful, acrimonious характеризуют слова, высказывания человека: “*More angry words. He could see the tip of a nose as the man checked to make sure he had all the cubes.*” (Rollins, James, *Subterranean*, 67) – “Мужчина снова что-то раздраженно пробубнил и, наклонившись, заглянул под перегородку, желая убедиться в том, что собрал все. Джейсон даже увидел кончик его носа.”; *wrathful words* гневные слова; *an acrimonious debate* – ожесточенная дискуссия.

“*At the old servant's wrathful words he experienced a kind of relief*” (Zola, Emile, *Abbe Mouret's Transgression*, 45) .

Angry, wrathful и *furious* сочетаются с лексическими единицами, обозначающими чувства, состояния человека: “The angry resentment which tended to set them apart” (M. Wilson) «Злбная неприязнь, которая стремилась разъединить их»; *an angry trance* гневное оцепенение; *wrathful /furious/ anger* яростный гнев.

Данное положение проиллюстрируем примерами из произведений художественной литературы:

“*His mother's voice in the corridor roused him from an angry trance*” (J. Galsworthy, *To Let*, 89) – Овози модари ў дар даҳлез ўро аз мадҳушӣ бедор намуд,

“*The sword rose to a guard and he stalked out into the rain, and his voice rose to a wrathful roar as the ground-the freaking ground -began to literally shake.*” (Butcher, Jim, *Dead Beat*, 34) – Шамшер ба посбон расид ва

ӯ ба зону зада зери борон афтод ва овозаш чунон даҳшатнок баланд шуд, ки замин, аз овози қонқоҳи ӯ ба ларзидан сарқард;

*“You pass by a little child, you pass by, spiteful, with ugly words, with **wrathful** heart; you may not have noticed the child, but he has seen you, and your image, unseemly and ignoble, may remain in his defenceless heart”*(Wells, Herbert George, *When the Sleeper Wakes*, 67) – Ту кӯдаки хурдро беназорат гузошти, бадҳоҳ, бо суханони қабех, бо дили пуркина, ту набояд кӯдакро сарзаниш мекардӣ, аммо дар дили ӯ симои зишти ту бешарми разил мемонад;

*“The Abbot turned his **angry eyes** away from them and bent them upon the accused, who met his searching gaze with a firm and composed face...”* (Conan Doyle, Arthur, *White Company*, 78) – Эбот чашмони хашмгини худро аз онҳо дурр кард ва онҳоро ба айбдоршавандагон, ки бо чеҳраи чиддӣ ва нигоҳи худ ва бо чеҳраи ором диданд, бурд...;

*“There was no real face there, just the suggestion of the glint of **angry eyes** between the leather flaps”*(Steinbeck, John, *The Grapes of Wrath*,90) – Дар он ҷо ягон чеҳраи ҳақиқӣ набуд, танҳо як ҷилое аз чашмони оташин бо зарбаҳои шаппотӣ.

*“A change in Mr Dombey's face, which seemed to express recollection of him, and so it did, but it expressed in a much stronger degree an **angry sense** of humiliation, stopped Mr Tooodle short.”* (Dickens, Charles, *Dombey and Son*, 56) – Тағйирот дар рӯи чаноби Домбей, чунин менамуд, ки хотироташ ба ёдаш омада буд ва ҳамин тавр ҳам шуд, лекин дараҷаи нисбатан сахт ҳисси хашмгинонаи таҳқири чаноби Тудлро дар як муддати кӯтоҳ ифшо кард;

*“Is Serge there?” he cried, in a voice full of **indignant excitement**.”* (Zola, Emile, *Abbe Mouret's Transgression*,89)- Оё Сергон он ҷост?садо зад ӯ бо овози пур аз пурғазаби изтиробовар;

*“He trembled all over with anger, jumped up, and with a red and **wrathful face**, with his eyes starting out of his head, ran out into the middle of the road.”* (London, Jack, *White Fang*, 89) – Тамоми аъзои ӯ аз ғазаб

меларзид, *ӯ* бо чеҳраи аз хашм сурхшуда, бо чашмони аз косахонаи сараш баромада истода ба боло чаҳида ба мобайни роҳ давид;

“A pursuing nurse with cap askew and expression irate, seized him, chair and all, and rolled him away” (F. G. Patton, Good Morning, Miss Dove, 78) – Ҳамшираи муоинакардаистода бо кулоҳи кач ва қиёфаи хашмгинона *ӯ*ро дошт, курсӣ ва ҳама чизи дигар дар чашмони *ӯ* давр мезаданд,

“Don't dare to speak!” he cried in a **furious voice**, though Frad had not said a word...” (J. Joyce, Dubliners, 34)-Ҳатто кӯшиши гапзанӣ нақун!»дод зад *ӯ* бо овози пурхашм ва Фред ҳеч чиз нагуфт...;

“He flung his hands out with a **furious gesture** and rushed from the room.” (Conan Doyle, Arthur, The Adventures of Brigadier Gerard, 78) – *ӯ* бо ишораи ғазаб дастони худро баровард ва бошиддат аз ҳучра берун шуд,

“The incident has served to draw attention to a long-existing debate which has occasionally waxed acrimonious” (L. Eiseley, The Immense Journey, 34) – Ин ҳодиса барои ҷалби тавачҷӯҳ ба мубоҳисаҳои дарозмуддат, ки баъзан акриманӣ менамояд, хизмат кардааст,

“Only one narrow, domineering fellow, the Latin master, bullied him and made the blue eyes mad with shame and rage” (D. H. Lawrence, The Rainbow, 167) - Танҳо як марди логари худписанд, устои лотинӣ *ӯ*ро масхара кард ва чашмони кабудӣ пур аз шарму ғазабро девона сохт.

2.2.2. Микрополе Fear – Страх

Значения элементов микрополя **fear** – **страх** выражает семантический инвариант «негативная эмоция, вызванная угрозой». В данное микрополе входят лексические единицы: **fear, dread, fright, alarm, dismay, consternation, panic, terror, horror, trepidation**. Интегральным признаком лексических единиц является «чувство, вызываемое оценкой какого-либо факта как опасного для жизни» [OxfordDictionaryofEnglish].

В качестве дифференциального признака выступают такие свойства как: 1) интенсивность эмоции; 2) актуальность – постоянность; 3) характер эмоции; 4) внешнее проявление 5) причина эмоции.

По первому признаку *fear, fright, alarm, dismay* противопоставлены всем остальным синонимам ряда как единицы менее сильных эмоций.

По второму признаку различаются *fear, dread, terror* и *horror*, с одной стороны, *fright, alarm, dismay, consternation, panic, trepidation*, с другой. Первые четыре синонима могут обозначать и актуальное состояние страха, вызванное конкретным событием, и эмоцию, постоянно вызываемую определенными факторами и поэтому превращающуюся в характерную черту личности: *to scream in fear / in dread / in terror / in horror* – *закричать от страха, от ужаса; fear of the dark* – *боязнь темноты; terror of the dark* – *страх перед темнотой; to have a horror of dirt* – *бояться, не выносить грязи*. Последние шесть синонимов обозначают только актуальные эмоциональные состояния. Приведем примеры из художественной литературы:

“*As a child she had been told by her mother there was nothing to fear in the dark, and she had believed it to be true*” (King, Stephen, Lisey's story, 89) – Дар хурдиаш модар ба ӯ гуфта буд, ки торикӣ ҳеҷқои тарс надорад ва ӯ бовар мекард, ки ин ҳақиқат аст (*В детстве мать сказала ей, что темноты нечего бояться, и она верила, что это правда*);

“*His expression flickered through several subtle shades of comprehension, fear, and guilt*” (Butcher, Jim, DeadBeat, 45) – Ногаҳон дар чеҳраи ӯ ҳоси гуноҳ ва тарс пайдарҳам аён гашт (*На лице его, последовательно меняя друг друга, мелькнули замешательство, страхи выражение вины*);

“*Evan already understood why Azure held such fear of the night*” (Foster, Alan Dean, Sentenced to Prism) – Эван алақай фаҳмида буд, ки Эжи чаро инқадар аз торикӣ метарсад (*Эван уже понял, почему Эже так боялся ночи*);

*“She had a sudden **fear**. She found herself remembering all those tales of mortals straying off into Faerie—gone for an hour or a day or a week, only to find that years had passed in their own world while they were gone”* (De Lint, Charles, *The Little Country*, 34) – Қодиро ваҳму тарс фаро гирифт. Вай дарҳол ҳикояҳоеро дар бораи оне, ки чӣ гуна одамон танҳо як соат, рӯз ё ҳафта ба Салтанати Мӯъчиза мерафтанд ва пас аз баргаштан мефаҳмиданд, ки солҳои тӯлонӣ дар ҷаҳони онҳо будаанд(ё ин ки мефаҳмиданд, ки солҳои тӯлонӣ дар ҷаҳони худашон гузаштааст (Джоди охватила паника: она сразу вспомнила истории о том, как смертные отправлялись в Волшебное Царство всего на час, день или неделю, а вернувшись, понимали, что в их мире успели пройти долгие годы);

*“First, he had to bear the combined weight of the knowledge of what he had done, of that haunting reproach that he might have done it so much better, and of the **dread** of discovery”* (Dickens, Charles, *Our Mutual Friend*, 78) – Ҷро се ҳолати вазнини фаро гирифта буд: фаҳмидани оне, ки дар кори кардаи ӯ чӣ қадар дониш аст, фикри доимие дар бораи оне, ки ӯ метавонист ин корро аз ин ҳам беҳтар кунад ва даҳшати ошкор шудан (Его давила тройная тяжесть: сознание того, что он сделал, не отступная мысль, что это можно было сделать лучше, и ужас перед разоблачением);

*“The lad rose in great **dread** of a beating, at least, when it should be found how luxuriously he had been accommodated at the expense of a principal person of the party”* (Scott, Walter, *Rob Roy*) – Писарак аз тарс як қад парид, ки ӯро ҳадди ақал латуқуб хоҳанд кард вақте фаҳманд, ки вай чӣ гуна аз ҳисоби сардори отряд бо роҳати тамом ҷойгир шудааст (Мальчик вскочил в страхе, что его по меньшей мере избьют, когда обнаружится, как он всеми удобствами устроился за счет главного лица в отряде”);

*“Until the **terror** began, I hope it was good and fine and wonderful and magic ...”* (King, Stephen, *Carrie*, 90) – Умед дорам, ки ҳоло шабнишинӣ оғоз нагардидааст, ҳамаи ин даҳшат ба ӯ як ҳодисаи аҷоиб, бисёр олий,

мӯъчизанок дар зиндагӣ гардид (Надеюсь, что бал – пока не начался весь этот ужас стал для нее самым замечательным, чудесным, волшебным событием в жизни...);

“At first little attention was paid to the man’s asseveration; but his evident **terror**, and the dogged obstinacy with which he persisted in his story, had at length their natural effect upon the crowd” (Poe, Edgar Allan, The Premature Burial, 67) – Аввал ба савгандҳои эътимодбахши ин одами ачиб, қариб тамоман аҳамият намедоданд, аммо даҳшати ӯ ҳақиқӣ буд ва ӯ чунон исрор мекард, ки мардумро ба нигаронӣ овард (Сначала наклеветанные заверения этого чудака почти не обращали внимания, но ужас его был неподделен, и он твердил свое с таким упорством, что народ забеспокоился);

“Then Ce’Nedra screamed, her face deathly pale and her eyes wide with **horror**” (Eddings, David, Magician’s Gambit, 78) – Ва дар ҳамин вақт Сенедра фарёд зад ва рангу рӯяш парид. Чашмони ӯ аз ҷиҳати тарс кушод шуданд (И тут Се’Недра вскрикнула и побелела. Глаза ее расширились от ужаса);

“Her raudience was speechless with **horror**” – (Mitchell, Margaret, Gone with the wind, 123). – Хонумон аз тарс шах шуданд (Дамы онемели от ужаса);

“On the whole, he was inclined to think his first **horror** excessive; at any rate, no one remarked upon it” (Wells, Herbert George, Kipps, 40) – Ҳамин тавр ӯ хулоса баровард, ки аз аввал дида сахттар тарсидааст, ҳол он ки ба ӯ касе чизе нагуфтааст (Впрочем, скоро он решил, что понапрасну сперва так уж перепугался — ведь никто и слова не сказал).

“Robinson Crusoe was seized with **alarm** when he saw the footprint on the sand (D. Defoe, Robinson Crusoe, 67)” – Робинзон Крузоро даҳшат фаро гирифт вақте ки ӯ дар рӯйи қум (рег) изро мушоҳида кард (Ужас охватил Робинзон Крузо, когда он увидел след на песке);

“*He died! Exclaimed the Italian, a flash of fear and **dismay** going over his face*” (D. Lawrence, *The Lost Girl*, 78) – *Ў вафот кард! Фарёд зад Итолиёвӣ, бо ҳосони тарс ва даҳшат дар рӯй (Он умер! Воскликнул итальянец, с выражением страха и ужаса на лице);*

“*He felt the midwife watching him **in stark consternation***” (A.Cronin, *The Citadel*, 67) – *Вай ҳис кард, ки ҳамшира ба ӯ бо ғазаб нигоҳ мекунад (Он почувствовал, что медсестра смотрит с ужасом на него);*

“*You don't understand,*” said Gatsby, *with a **start of panic***” (Fitzgerald, *Francis Scott Key, The Great Gatsby*, 34) – *Шумо намефаҳмед, ташвишона гуфт Гэтсби (Вы не понимаете, - встревожено сказал Гэтсби);*

“*When she hung up abruptly a few minutes later, I looked to Emily **with panic***” (Weisberger, Lauren, *Devil Wears Prada*, 126) – *Ў чун ҳамеша беогоҳӣ гӯширо гузошт, ман бошам дар ҳолати шок ба Эмили нигоҳ кардам (Она, как обычно, без предупреждения повесила трубку, а я в панике посмотрела на Эмили);*

“*The two loose ends were now dangling down, and I waited with some curiosity, and just a little **trepidation** also, to see what they would do next*” (Conan Doyle, Arthur, *The Exploits of Brigadier Gerard*, 78) – *Ду канори ресмон аз санавбарҳо ба поён овезон буданд ва ман кунҷқобона ва каме дар ташвиш интизор будам ва мехостам бубинам, ки баъд онҳо чӣ кор мекунанд (Два конца каната свисалис сосен, и я не безлюбопытства и чуть-чуть тревожно ждал, что будет дальше).*

Далее более подробно рассмотрим дифференциальные признаки каждой из лексем, входящей в данное поле.

Fear обозначает эмоцию, вызываемую ожиданием непосредственно грозящей или потенциальной опасности; при этом у субъекта эмоции часто предполагается недостаток мужества или просто трусость: *We lived in constant fear of losing our jobs* – *Мо ҳамеша бо тарсу ҳарос умр ба сар мебудем, то ки корамонро аз даст надихем (Мы жили в постоянном страхе, что потеряем работу).*

Dread отличается от **fear** тем, что подразумевает более сильное чувство страха, которое вызывается, как правило, не непосредственно грозящей, а предполагаемой или потенциальной опасностью: *My greatest dread is that my parents will find out – Аз хама дахшатовараш он буд, ки волидайн аз он вокиф буданд (Самым большим ужасом было то, что родители узнают)* [OxfordDictionaryofEnglish, 123].

Fright обозначает кратковременное чувство страха, характеризующееся большим возбуждением и, как правило, являющееся мгновенной реакцией на только что пережитую опасность: *The girl could not recover from fright– аз тарс духтар ба худ омада натавонист (девочка не могла прийти в себя от страха).*

Alarm обозначает состояние замешательства, вызванное внезапным осознанием или ощущением непосредственно грозящей опасности: *I felt a growing sense of alarm when he did not return that night – Я почувствовал нарастающее чувство тревоги, когда он не вернулся той ночью.*

Dismay обозначает страх, вызванный ожиданием предполагаемой опасности и связанный неспособностью решать, как действовать в сложившихся обстоятельствах: *The thought she might fail at the examination filled her with dismay – при одной только мысли, что она может провалиться на экзамене, она пришла в полное смятение.*

Consternation – состояние страха и ужаса, вызванное непосредственно грозящей опасностью, как правило, сопровождается утратой контроля; внешнее проявление – оцепенение, неспособность действовать, полная физическая и психическая прострация: *They looked at each other in consternation – В немом оцепенении они смотрели друг на друга.*

Panic – внезапно возникающая эмоция, вызванная непосредственно грозящей или только предполагаемой опасностью: *The serumours caused a panic in town – Эти слухи породили в городе панику.*

Trepidation – трепет, страх, сопровождаемый дрожью и смешанный со смущением, робостью, неуверенностью: *She was in a state of extreme trepidation* – Она находилась в состоянии крайнего возбуждения.

Terror – ужас; чувство очень сильного страха, вызванное непосредственно грозящей или предполагаемой опасностью, причина которой частой является таинственной или трудно объяснимой: *A child's terror of the dark* – Страх ребенка перед темнотой.

Horror – ужас, отвращение, страх; сильный страх, который сопровождается чувством отвращения при виде или хотя бы при мысли о чем-либо; в отличие от других лексем данного поля, *horror* редко обозначает страх за себя: *The crime aroused universal horror* – преступление вызвало всеобщее отвращение.

Следует заметить, что *terrors* и *horrors* во множественном числе имеют значение «ужасы», «тяжелые или трагические события»: *terrors / horrors of war* – ужасы войны.

Лексические единицы данного поля, за исключением *fright* (он реже других) употребляются в предикативной конструкции с предлогом *in*: *to live in fear and dread* и т.д. Все лексемы употребляются с предлогом *with*, обозначая причину некоего состояния: *sick with dismay with horror; frozen with terror*.

Слова *fear, dread, terror* и *horror* управляют предложным дополнением *of smth.*, обозначающим причину состояния: *his terror of the dark; to have an awful dread of death*.

Следует заметить, что все лексические единицы сочетаются с названиями существ в качестве субъекта состояния и названиями предметов, событий, действий, свойств и т.п. в качестве его причины. При этом *dismay*, в силу особенностей своего значения, сочетается преимущественно с названиями лиц: *a house is subject to fright or terror but not to dismay* – лошадь способна испытывать страх, но не смятение [Апресян, 1999, 234]. Кроме того, все лексемы поля избирательно сочетаются с глаголами, часто образуя с ними устойчивые

словосочетания: *to feel fear dread, alarm* – испытывать страх, ужас, тревогу; *to give smb. a fright* – напугать кого-либо; *to be seized with alarm* – быть охваченным тревогой; *to throw smb into a panic, to strike terror in smb.* – вселить ужас в кого-либо.

2.2.3. Микрополе Sadness – Печаль

Значения компонентов микрополя «Sadness – Печаль» выражают семантический инвариант «отрицательное эмоциональное состояние, вызываемое нежелательным субъекту событием». В данное микрополе входят следующие лексические единицы: *sadness, melancholy, depression, dejection, gloom, blues, dumps*.

Лексические единицы данного микрополя отличаются следующими смысловыми признаками: 1) глубина чувства, 2) его характер и внешние проявления, 3) длительность чувства, 4) причина его вызвавшая.

Sadness имеет наиболее общее значение и вне контекста не дает представления ни о глубине чувства, ни о его характере, ни о причине.

Подтвердим выше изложенное примерами из художественной литературы:

“*Let the days move over– sadness and memory and pain recurred outside, and here, once more, before he went on to meet them he wanted to drift and be young*” (Fitzgerald, FrancisScottKey, ThisSideofParadise, 90) – Бигзор рӯзҳо гузаранд: ғаму ғусса, хотираҳо, дард ҳамааш ҳамин тавр аст ва пеш аз он ки дубора ба онҳо ҳамроҳ шавад, мехоҳад дар ин ҷо бароҳат ва ҷавон бошад (Пусть дни бегут: печаль, воспоминания, боль — все это так, и, прежде чем опять к ним приобщиться, ему так хочется побыть здесь, безвольным и молодым);

“*She raised her veil, for an instant, while she preferred the inquiry, and disclosed countenance of most uncommon beauty, though shaded by a cloud of sadness, which, in one so young, was doubly remarkable*” (Dickens,

Charles, *TheLifeandAdventuresofNicholasNickleby*, 56) – *Ин саволро дода ӯ як сония пардаро бардошт ва чеҳраи зебои ачибро боз кард, гарчанде ки абрҳои ғам дар чеҳраи чунин офариниши ҷавон намоён буданд*(Задавая этот вопрос, она на секунду приподняла вуальи открыла лицо удивительной красоты, хотя и о мрачное облаком печали, что было особенно заметно у такого юного существа);

*“It still happened occasionally, this up surge of memory, but the **sadness** usually had a sweetness to it”*(Feather, Jane, *Velvet*, 16)– *Ба ёд овардани чунин ҳодисаҳо рӯхи Ҷабрилро ба ҳаяҷон меоварданд, аммо ҳоло бошад онҳо онқадар аҳамияте надоранд*(Воспоминания такого рода все еще будоражили душу Габриэль, но теперь они стали не такими горькими).

Следующая лексическая единица данного микрополя *melancholy* – *грусть, меланхолия* обозначает неглубокое, но обычно продолжительное состояние томления, иногда приятного субъекту: *she had a taste for melancholy* – *Ба ӯ ғамгинӣ писанд буд*(ей нравилось грустить).

*“It was with a very **melancholy** laugh that New man Noggs concluded this soliloquy; and it was with a very **melancholy** shake of the head, and a very rueful countenance, that he turned about, and went plodding on his way”*(Dickens, Charles, *TheLifeandAdventuresofNicholasNickleby*) – *Ин як табассуми хеле оҳангангезе буд, ки Ньюмен Ногс нутқи худро ба итмом расонид; инчунин сарашро бо як физиомиаи меланхоликӣ ларзонид ва ба роҳи худ рафт* (Очень меланхолический был смех, которым Ньюмен Ногс закончил свой монолог; и, очень меланхолически покачивая головой и с очень унылой физиономией, он повернулся и побрел своей дорогой);

*“There is something in **melancholy** feelings more natural to an imperfect and suffering state than in those of gaiety, and when they are brought into collision, the former seldom fail to triumph”*(Scott, Walter, *PeveirilofthePeak*, 124) – *Барои одамони дар ҳолати мушкили ва низоъ қарор дошта, ғамгинӣ ин табиӣ аст, ҳангоме, вақте ки ин ду ҳисосот ба ҳам бархӯрд мекунанд,*

хеле кам пирӯз мешаванд(Для людей, находящихся в противоречивых и затруднительных обстоятельствах, печаль натуральнее веселости, и, когда эти два чувства сталкиваются, последняя редко торжествует);

“*So new to him, "she muttered, "sold to me; so strange to him, so familiar to me; so melancholy to both of us!"*”(Dickens, Charles, Great Expectations)–
Барои ӯ нав, ғур-ғур кард вай, барои ман кӯҳна; барои ӯ хеле ачиб барои ман хеле ошно; барои ҳардуи мо хеле ғамгин (Так ново для него, – пробормотала она, – так старо для меня; так странно для него, так привычно для меня; так печально для нас обоих!).

Слово **depression** обозначает болезненное состояние духа, порождаемое либо внешними обстоятельствами (утратой близкого человека, не осуществление планов и т.п.), либо внутренними факторами (складом характера, психическими отклонениями). Часто это глубокое состояние, способное затягиваться на долгое время и проявляющееся внешне в мрачности, упадке сил или нежелании действовать:

“*The debilitated cousin, more debilitated by the dreariness of the place, gets into a fearful state of depression, groaning under penitential sofa-pillows in his gunless hours and protesting that such fernal old jail's-nought'sewflerup-frever*” (Dickens, Charles, Bleak House, 89) –
Қияни хаста, ки дилтангии ин макон ӯро комилан нороҳат кардааст, ба ҳолати даҳшатноки рӯҳи гирифтор мешавад ва ҳангоме ки ба шикор намерафт, сари худро зери болиштҳои вазнини диван гузошта соатҳои зиёд гиря мекард ва бо итминон меғуфт, ки инчо мисли зиндонҳои кӯҳна аст...(Изнемогающий кузен, которого здешняя скука доводит до полного изнеможения, впадает в ужасающе удрученное состояние духа и когда не охотится, стонет под гнетущим грузом диванных подушек, уверяя, что в этой чертовой тюрьме прямо взбеситься можно);

“*They straggle about in wrong places, look at wrong things, don't care for the right things, gape when more rooms are opened, exhibit profound depression of spirits, and are clearly knocked up*”(Dickens, Charles, Bleak

House, 234) – *Онҳо дар ҷое нигоҳ дошта мешаванд, ки набояд дар онҳо нигоҳ дошта шаванд, чизҳоеро мебинанд, ки набояд бинанд, ба чизҳое тавачҷуҳ намекунанд, ки бояд тавачҷуҳ кунанд, бо даҳони калон кушода хамёза мекашанд, вақте ки ҳуҷраҳои нав кушода мешаванд, хеле рӯҳафтада ва хаста мешаванд(Они задерживаются не там, где следует, разглядывают не то, что следует, не интересуются тем, чем следует, зевают во весь рот, когда открываются новые комнаты, впадают в глубокое уныние и явно изнемогают).*

Слово *dejection* отличается от *depression* тем, что указывает на внешние факторы в качестве главной причины подавленности и описывает скорее плохое настроение, способное быстро измениться, чем длительное и болезненное состояние духа:

“Is at in silent dejection until the stipulated time had passed”(ConanDoyle, Arthur,TheAdventureoftheDyingDetective)– *Ман ба хотири озурда, дар курсӣ нишаста соати муқаррар гардидаро интизор будам(В самом подавленном настроении я тихо сидел на стуле, пока не наступил назначенный час);*

“And the Captain, hooking off his glazed hat, pulled his handkerchief out of the crown, wiped his grizzled head despairingly, and tossed the handkerchief in again, with the in difference of deep dejection”(Dickens, Charles,DombeyandSon, 89) – *Капитан оҳ кашида кулоҳи чилодори худро бадар кард, аз дарунрӯймолчаро гирифта бо изтироб сари сафеди худро пок кард ва бо озурдаҳолии зиёд рӯймолчаро дубора ба даруни кулоҳ гузошт (И капитан, сняв крючком глянцевитую шляпу, вынул из нее носовой платок, с отчаянием вытер свою седую голову и в глубокой тоске снова швырнул платок в шляпу).*

Gloom описывает состояние мрачных раздумий, которое создает вокруг человека тяжелую безрадостную атмосферу:

“*The gloom of the solitary sightseer enwrapped him*” (O. Henry, *The Pride of the Cities*, 34) – *Ба он ҳамоно мӯҳри одами танҳо овезон истода буд (На нем так и лежала печать одинокого человека).*

“*She had collapsed in a helpless, petrified, silent gloom*” (C. Snow) – *Аз ошуфтаҳолӣ ва тарс ӯ ба худ дармонда шуда, дилтангона (замгинона) хомӯш меистод (Растерянная, испуганная, она замкнулась в себе и угрюмо молчала).*

Blues и **dumps** обозначают кратковременные состояния, приступы плохого настроения, вызванного любыми причинами. **Blues** обозначает острую, часто болезненную, но неглубокую тоску:

“*She always finds hard work the best cure for the blues*” (Austen, Jane, *Emma*) – *Вай чуни мепиндорад, ки кори вазнин ин роҳи беҳтарини раҳой аз ғам аст (Она всегда считает тяжелый труд лучшим лекарством от тоски).*

Dumps («тоска зеленая») употребляется более или менее юмористически в значении «глубокое уныние»: *to be in the dumps over money problems* – *находиться в унынии из-за нехватки денег.*

“*If I am dismal don't I give you the benefit of the dumps*” (W. Thackeray, *Vanity Fair*, 89) – *Ҳатто агар ман рӯҳафтода бошам ҳам ин набояд сабаби ноумедии шумо бошад (Если я унываю, это не повод для вашего расстройства).*

2.3. Лексико-семантическое поле «отрицательные эмоции» в таджикском языке

2.3.1. Микрополе ғазаб – гнев

В данном параграфе исследуются системные закономерности, которыми характеризуются лексические единицы, входящие в лексико-семантическое поле «отрицательные эмоции» таджикского языка. Исходя из этого, были поставлены следующие задачи: определить и описать состав конститuentов лексико-семантического поля на основе внутренних

связей между ними; выявить специфику семантического строения лексем отрицательной эмоции на их взаимосвязи в рамках данного поля.

Анализ лексико-семантического поля единиц таджикского языка, входящих в сферу «отрицательные эмоции», начинается с выделения из макросистемы языка необходимых единиц. Парадигматический анализ позволил выделить микрополя, объединенных общим признаком, и исследование характера отношения между микрополями и внутри каждого из них.

В лингвистической литературе известны разные способы выделения конstituентов лексико-семантического поля. В своем исследовании мы воспользовались семантико-логическим методом, выдвинутый Ш. Балли. Он сводится к выявлению слова-идентификатора, выражающее понятие в «объективной и наиболее абстрактной форме» [Балли, 2001, 130]. Идентификатор содержит определенную константу, наличие которой у других слов указывает на их принадлежность к исследуемой микросистеме. Следовательно, он является семантическим инвариантом, присущий каждому члену микрополя в целом.

В концепции Л. Ельмслева соотношение варианта и инварианта интерпретируется следующим образом «Встречается много образцов каждого сложного предложения, каждого простого предложения, каждого слова и т.п. Эти образцы мы будем называть вариантами, а сущности, образцами которых они являются, - инвариантами. Причем мы тотчас же обнаружим, что не только сущности, но также и функции имеют варианты, так что различие между вариантами и инвариантами действительно в общем и для функтивов» [Ельмслев, 1998, 134].

Если замена выражения одного предложения выражением другого предложения вызывает соответствующую замену двух различных содержаний, то выражения принадлежат двум разным предложениям, продолжает автор. Если же указанная замена не приводит к такому следствию, то это значит, что наличествует два варианта предложения в

выражении, два различных образца одного и того же выражения-предложения.

Более того, рассматриваемая реляция обратима в том смысле, что различие между инвариантами и вариантами в плане содержания может быть проведено в соответствии с тем же самым критерием (о двух инвариантах данного содержания можно говорить тогда, когда их корреляция имеет реляцию к корреляции в плане выражения). Речь о различных инвариантах содержания идет только в том случае, если замена одного другим может вызвать соответствующую замену в плане выражения. В отношении знаков это совершенно очевидно. Если, например, замена выражения одного предложения другим вызывает соответствующую замену выражений, это то же самое явление, рассмотренное с противоположной точки зрения. Инварианты являются коррелятами с взаимной коммутацией, а варианты – коррелятами с взаимной субституцией [Ельмслев, 1998, 124].

Понятие инварианта считается важным потому, что оно помогает установить характер оппозиций в пределах парадигмы, вывести те регулярно повторяющиеся в параллельных рядах противопоставления грамматических признаков, которые релевантны для системы и являются ее основой [Щур, 1997, 231].

Как бы ни интерпретировать систему в языке и каково бы ни было отношение к роли оппозиций в лингвистическом анализе, очевидным оказывается тот факт, что в современном языкознании, как и в современной науке вообще, понятие «инвариант» является одним из важнейших.

Таким образом, компоненты полей *газаб – гнев*, *тарс – страх*, *андӯх–печаль* образуют микрополе с архисемой “негативные эмоции”.

Сравнение микрополей *гнева*, *страха* и *печали* позволили выявить как интегральные, так и дифференциальные признаки данных языковых объединений. В составе каждого микрополя были выделены группы лексем и словосочетаний с общими корневыми морфемами,

выражающими определенные отличительные признаки *гнева, страха* и *печали*. Микрополя *гнева, страха* и *печали* в таджикском языке существенно различаются как по количеству компонентов, так и структурной организации обозначаемых ими понятий негативных эмоций.

Микрополе *газаб– гнев*, как показали результаты исследования, включает наибольшее количество компонентов. Компоненты данного микрополя обозначают такие существенные признаки отрицательной эмоции, как «гнев того, кто сильнее» и «гнев того, кто слабее». Исходя из этого, ядро данного микрополя мы разделили на две рубрики с названными признаками. Важно заметить, что рубрика «гнев того, кто сильнее» превосходит вторую рубрику ядра микрополя *газаб– гнев* как по количеству компонентов, так и по количеству признаков гнева, выражаемых ими. Это свидетельствует о том, что в языке имплицитно существует понятие о том, что чаще всего гневается тот, кто сильнее, а слабый боится либо страдает.

В рубрику «гнев того, кто сильнее» мы включили следующие лексические единицы: *ба газаб (ба қаҳр) овардан – рассердить; бадқаҳр(хашмгин, оташин, даргазаб, газабнок) кардан – разозлить; бадқаҳр(хашмгин, оташин, даргазаб, газабнок, ваҳшатзада) шудан – разозлиться; оташин (хашмгин) шудан, дар газабшудан, қаҳркардан – рассердиться.*

Гнев, который выражают лексемы данной рубрики, является результатом воздействия множества, хотя незначительных в отдельности, но приносящий ощутимый вред человеку. Значения лексем указанной рубрики характеризуются интенсивностью эмоции гнева.

Приведем примеры из художественной литературы:

“- *Писарам аз ед набарор: Бегарафӣ оламровайронмекунад!*”

Гӯшӯояш баланд садо доданд. Гӯё ба синааш тир расида бошад, пайкараш такон хӯрд. Дар дилаш оташи қаҳру газаб аланга зад. Нерӯе

таконаш доду аз чо бархост” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 42) –“*Сынок, не забывай: невмешательство губит мир! В ушах звенело. Словно в него выстрелили. Он кипел от ярости. Какая-то сила толкнула его и он встал*”;

“- Зуд дафъ шав! – дӯғ зад ӯ

- *Номаъқул кардӣ! –якбора оташи хашму газабӣ ӯ аланга зад. – Шумо дафъ шавед, вагарна …..”* (Ю. Аҳмадзода, Ишқи духтари кулахпӯш, 89) – “*Быстро убирайся! – закричал он*

- *Ничего подобного! – вскипел он от ярости. Если нужно, сам убирайся*”;

“ – *Дурӯғ мегӯӣ, эй қотили паст! Ин корди ту аст ва ту бо ин корд одам куштӣ!*

Шариф аз ин гап бисёр ваҳшатзада шуд.

Яке аз беморон:

- *Оҳ нобакоре! – гуфт.*

- *Дигаре фарёд кашид:*

- *Чаро қотилро бо мо хобондед?!*

Муфаттиш дод зад:

- *Даматонро гиред!*” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 52) –“*Врешь, убийца! Это твой нож и им ты убил человека! Шариф от этих слов вскипел.*

Один из больных:

- *Ох, что просиходит!*

Второй закрычал:

- *Почему убийца с нами в одно палате?!*

Следователь закричал:

- *Заткнитесь!*”

Лексические единицы с корневой метафорой *оташ – пламя, огонь; оташин шудан – приходит в ярость* выражают наивысшую степень *гнева – ярость*:

Ядро второй рубрики *газаб– гнев* образуют лексемы с семантическим инвариантом «разгневанный слабее того, кто вызвал гнев».

Следует заметить, что степень интенсивности эмоций данной рубрики слабее. Человек смиряется с неприятным положением вещей:

“- *Шумо бемор ҳастед?*

Ин пурсиш ўро оташин кард.

- *Ман касал-пасал нестам!*

- *Охир месулфед-ку?*

- *Ў сар чунбонда лаб лесид*” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 30) – “*Вы больны? Этот вопрос привел его в ярость. Я – не болен. Но, вы ведь кашляете? Он только показал головой*”;

“- *Гӯш кун, деҳқон, аз барои савоб, ба ҳар гап начасп!.... дар овози додситон ранҷиш ва ғазаб омезиш ёфт.* – *Э зиёфат медода бошӣ, дурустар бидех....*” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 31) – “*Послушай, не прицепляйся к словам!.... В голосе прокурора были обида и гнев. Если хочешь угостить, то делай это, как следует*”;

“*Додситон лаб фуру баст.*

- *Намегӯед? Ихтиёратон. Вале оташи кинаро бо арақ хомӯш намекунанд.*

- *Бо чӣ хомӯш мекунанд?*

- *Бо муросо.*

- *Чӣ-й?! Бо ў муросо кунам?! Ту маро, кӣ гумон кардӣ?!*” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 39) – “*Прокурор замолчал. Не скажете?! Ваше право. Однако ярость не заглушают водкой. Чем заглушают?! Миром. Что-ооо. Помириться с ним?! Ты меня за кого принимаешь?!*”.

Периферию данной рубрики образуют лексические единицы, выражающие проявление гнева: *дашном додан, ҳақорат кардан; муноқиша кардан, ба якдигар гап паронӣ кардан; чанҷол кардан–ругаться, вайрон кардан, зарар расондан – пакостить.*

Нами были выделены также лексические единицы, выражающие вербальную и невербальную репрезентацию гнева: *занозанӣ, афту дарафт,*

даст ба гиребонӣ–драка; занозанӣ сар кардан – затеять драку; ба афту дарафт даромадан – лезть в драку; кор ба занозанӣоидшуд– дело дошло до драки[РТС, 1986, 239]; *дашном додан, ҳақорат кардан – отругать; чангӣ(ногап) шудан; муддате чангу чидол кардан– поругаться*[РТС, 1986].

2.3.2. Микрополе Тарс – страх

Следующее микрополе «*тарс – страх*» характеризуется высокой концентрацией компонентов как в ядре, так и в ближней периферии. Однако, небольшое количество элементов на периферии. Анализ фактического материала показал, что сама эмоции страха превалирует над способами ее выражения. Данное микрополе также было разделено нами на два сектора, обозначающие такие признаки страха, как «страх, вызванный определенной угрозой» и «внезапный страх, вызванный неопределенной угрозой». В первый сектор мы включили лексические единицы, значения которых выражают страх как сильную негативную эмоцию, подавляющую человека:

“Хайр, ягон фолбин-полбин нарафтӣ. Эҳ-ҳ, на фолбин монду на чӯгӣ, бефоида. Оқибат аз тарсу ҳарос дил беморшуд.

- *Чӣ, ба нафақа баромад?*

- *Нафақа азкуҷо, - лаб бурма кард додситон. –Ба нафақа нарасид, насибаш накард (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 63)–“А что, к гадалке не ходили? Не осталось ни гадалок, ни цыган, бесполезно. В конце концов от страха у него остановилось сердце.*

- *На пенсию вышел?*

- *Не, конечно. Не суждено было”;*

“Саг боз гурриду қадаме ба пеш омад. Чон аз дасту пой додситон баромад. Шариф Шараф қадаме ба пеш монду ба саг рӯ овард:

- Ором шав, полвон, ором. Мо ба ту коре надорем” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 27) –“ Собака зарычав, подошла ближе. От страха он чуть было не лишился чувств. Шариф Шараф, подойдя к собаке, проговорил:

- Спокойно, Полвон, спокойно. Мы тебя не тронем”;

“- Ҳамон Шарифи одамкуш?! – бо ҳарос пурсид *ӯ* ва лаҳзае карахт шуд. Гӯё касе ба фарқи сараш зарба зад. **Чашмонаш аз тарсу ҳарос васеъ кушода шуданд.** Ба заҳмат нафас мекашид, рағҳои гарданаш варам мекунанд, дар пешониаш донаҳои арақ пайдо мешаванд. Гулӯяш хушк шуда, сулфааш омад. **Чанд бор пайҳам сулфид**” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 11) –“ Тот Шариф – убийца?! – с ужасом спросил он, онемев. Словно кто-то ударил его по голове. Глаза выпучились от страха. В горле пересохло, начал кашлять. Прокашлял несколько раз”.

Во второй сектор микрополя “тарс – страх” вошли лексические единицы, обозначающие страх, который длится недолго и испытывающий страх может активно реагировать на данную эмоцию, стараясь избежать неожиданной угрозы:

“Додситон нигоҳи *ӯ*ро ҳис карда, гашт тез кард, токи “дум”канда шавад. Аммо “дум”канда нашуд. Ва *ӯ* истоду **бо тарсу ҳарос пурсид:**

- Чӣ гап? Ту кистӣ? Чӣ меҳоҳӣ?

Вай ба ҷои он,ки суоли *ӯ*ро ҷавоб гӯяд, хушҳолона салом дода, пурсид:

- Агар хато накунам, шумо Мэлс Катаевич?” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 11) – “Прокурор почувствовал преследование, ускорил шаги, чтобы избежать “преследователя”. Однако “преследование” продолжалось.

- В чем дело? Ты кто? Что хочешь?

Вместо ответа, он протянув руки, спросил:

- Если не ошибаюсь, Мэлс Катаевич?”;

“Вай гӯшашро ба карӣ андохт.

- *Аз Худо метарсӣ. Эҳ, сода, натарс. Худо меҳрубону бахшоянда аст.*

- *Номи Худоро нагир...*” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 41) – “Он претворился глухим.

- *Бога боишья. Не бойся. Бог благосклонен. Не произноси имя Бога...*”;

Периферию микрополя “*тарс – страх*” образуют лексемы, связанные с каузацией (вспомогательные слова, чаще всего глагол) и репрезентацией отрицательной эмоции:

“*Ин қадар буздилу тарсончак нашавед*” (Ю. Аҳмадзода, Ишқи духтари кулахпӯш, 215) – “*Не будьте таким пугливым*”;

“- *Туро саг газид? Кай?*

- *Кай, кай?! Дар бачагӯ газид сволоч!*

- *Тарси саг мероси бачагист гӯй. Ҳа-а, моргазида аз ресмони ало тарсидааст. Дар шаҳр саги девона набуд-ку? Ман ҳеҷ гоҳ нашунидам*” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 27) – “*Тебя собака укусила? Когда?*

- *Когда, когда? В детстве. Боязнь к собаке у тебя с детства. Обжегшись на молоке, станешь (будешь) дуть и на воду*”;

“*Дар дили додситон як ташвиши тарсомез пайдо шуд, сулфид, вале чизе нагуфт*” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 67) – “*Что-то беспокоило прокурора, но он ничего не сказал, только прокашлял*”.

2.3.3. Микрополе Андӯҳ– горе, печаль

Следует заметить, что микрополе «*андӯҳ– горе, печаль*» представлено наименьшим числом языковой репрезентации. В семантической структуре значений компонентов микрополя нами были выделены дифференциальные признаки интенсивности эмоции *горя*, его природы, способы репрезентации и каузации.

Центр (ядро) распадается на два сектора с семантическими дифференциальными признаками 1) «горе, вызванное утратой морального благополучия» и 2) «горе, вызванное утратой физического благополучия».

Приведем примеры с семантикой «горе, вызванное утратой морального благополучия»:

“- *Ҳоло Ҳамту гӯед, - бо Ҳасрати бисер ба чеҳраи пирамард чашм духт. Дилаш молмоли ғаму андӯҳ гашт. Буғз гулуяшро гирифт. Наздик буд, ки бигиряд*” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 44) – “*Понятно, - с удивлением он смотрел на старика. Сердце наполнилось печалью. Комок застрял у него в горле. Было похоже, что он вот-вот заплачет*”;

“*Вале Ҳарфе ба забон наовард. Дар чеҳрааш дарде хонда мешуд.*

- *Мешавад, ё не?*

- *Намешавад албатта.*

Пирамард оҳи сабуке кашид” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 55) – “*Он не произнес ни слова. В его глазах была боль.*

- *Получится или нет?*

- *Конечно нет.*

Старик вздохнул спокойно”;

“- *Гурусна Ҳастед, падар, хӯрок мехӯред?*

Пирамард чашмони ғамбору молмоли андӯҳашро ба ўдӯхт.

- *Не, ташнаам, писарам*” (Ю. Аҳмадзода, Ишқи духтари кулаҳпӯш, 89) – “*Хотите есть, отец? С печальными глазами старик посмотрел на него. Нет, только пить хочется*”;

“- *Ман Ҳеҷ гуноҳ надорам, - гуфт.*

Пирамард оҳи сӯзон кашид, гуфт:

- *Ин чо Ҳама беғуноҳҳо нишастаанд*” (Ш. Мӯсо, Қиссаи баҳорӣ, 53)

– “*Я не виновен, сказал он.*

Вздохнув печально, старик сказал:

- *Здесь все невинные сидят*”.

Во второй сектор мы включили лексемы, которые актуализируют такие семантические признаки как «негативное физическое воздействие», «негативное эмоциональное состояние, вызванное утратой физического благополучия»: *задан, кӯфтан, афкор кардан – побить; азоб кашидан, озор дидан – мучиться; аз дарди дандон азоб кашидан – мучиться от зубной боли.*

Периферию микрополя “*андӯх-горе*” образуют лексемы, репрезентирующие разнообразные проявления эмоции горя: *шикоят (гила) кардан, шиква кардан – поплакаться; гиренчак, сергирия – плаксивый*, и воздействия его вызывающие *бо химча задан – ударить прутом.*

Таким образом, в строение анализируемых микрополей отрицательных эмоций таджикского языка наблюдается следующая закономерность: в направлении от центра к периферии количество семантических признаков указанных понятий, репрезентируемых в отдельно взятой лексеме, уменьшается, семантика элементов становятся зависимыми от контекста.

Выводы к второй главе

Специфика результатов репрезентации эмоций, которые были выявлены нами при сравнении английской и таджикской языковых картин мира, указывают на то, что главным фактором при формировании лингвистических категорий являются факторы работы коллективного этнического сознания по категоризации чувственно воспринятой информации.

Интенсивность эмоций по разному проявляется как в английском, так и в таджикском языке. В английском языке наблюдается меньшая дифференциация эмоциональных концептов. Таджикский язык проявляет большую нюансированность в репрезентации отрицательных эмоций.

Каждая культура формирует свое сознание, которое порождает те или иные концепты и такое членение действительности, являющееся непосредственным отражением культурно-этнических доминант и расхождение способов категоризации и, следовательно, концептуализации эмоций в английском и таджикском языках.

Таджикское языковое сознание проявляет большую детализацию или категоризацию эмоциональной картины мира, следовательно, номинацию различных оттенков (отрицательной) эмоции.

Специфика эмоциональной картины мира любого языка выявляется на фоне исследования другого языка, другого коллективного сознания, что было и продемонстрировано нами на лексическом материале, представленном лексико-семантическим полем “отрицательные эмоции” в двух лингвокультурах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования позволяют констатировать следующее.

Ключом исследования человеческих эмоций является сам язык, который номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, классифицирует, структурирует, предлагает средства для языкового манипулирования и моделирования соответствующих эмоций. Именно язык формирует эмоциональную картину мира представителей той или иной лингвокультуры.

Вне зависимости от различий категория эмотивности представлена во всех языках на всех уровнях его системы и предстает в лексическом и текстовом статусах (в нашем случае). Следовательно, и все высказывания человека в соответствующей ситуации общения эмотивно маркированы, отличаясь степенью градации силы и яркости чувственности говорящего. Именно интегральность данной категории доказывает существование эмотивного кода у языка.

Эмоция всегда вызывается специфичной и абстрактной ситуацией, которую в лингвистической литературе называют типовой ситуацией. Существует логика отношений между типовой ситуацией и эмоцией, и это соотношение делает такую ситуацию категориальной. Например, несправедливость вызывает *хашм (гнев)*, предательство может вызвать *ярость*. Эмоциональные ситуации градуированы, и знание теории эмоции позволяет говорящему моделировать топоры своей вербалики, снижать или усиливать силу эмоции, предвидя эмоциональную реакцию партнера.

Анализ языкового материала позволяет также констатировать тот факт, что все эмоции дискурсивны. Единство семиотики, коммуникации и этики эмоции и их реализация в конкретной категориальной эмоциональной ситуации позволяет коммуникантам однозначно интерпретировать переживаемую и выражаемую эмоцию.

Художественная литература является депозитарием эмоций: она описывает эмоциональные категориальные ситуации, вербальное и

авербальное эмоциональное поведение человека, способы, средства и пути коммуникации эмоции, в ней находит отражение эмоциональный видовой и индивидуальный опыт человека.

В диссертационной работе также предпринято лингвопсихологическое исследование репрезентации эмоции «гнев» на материале эмотивно-оценочных фрагментов художественных текстов в таджикском и английском языках.

В данном исследовании мы связали традиционные представления о репрезентации эмоций, в которых человеческий фактор присутствовал в имплицитном виде, с современными изысканиями лингвистической науки о человеке. На сегодняшний день не существует корректной теории эмоций ни в психологии, ни в психолингвистике, ни в лингвистике. Сложность создания такой теории состоит в том, что эмоции, имеющие свои перцептивные и акустические показатели, вытекают чаще из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, нежели из самой действительности.

Различия в понимании исследуемого феномена объясняют тот факт, что эмоции человека и механизмы их языковой репрезентации рассматриваются в контексте междисциплинарных исследований. В эмоциях отражается эмоциональная картина мира. Объективная картина репрезентации эмоций в языке может быть получена при интеграции разноуровневых подходов к изучению языка эмоций в рамках единой концепции. Одним из существенных недостатков междисциплинарных исследований является факт отсутствия единой и непротиворечивой теории эмоций. Сложность создания теории эмоций заключается в их многогранности. Эмоции отражают чаще когнитивные интерпретации окружающей действительности, нежели саму действительность. Исследователям ещё не удалось доказать, что эмоции всеми народами воспринимаются одинаково. Данные естественных языков свидетельствуют скорее о том, что носители разных лингвокультур репрезентируют эмоции по-разному.

В реальном общении паралингвистические (вербальные и невербальные) действия человека выступают в комплексе. Подытоживая теоретическое изучение данной проблемы, представляется возможным представить возможную вербализацию репрезентации эмоций следующим образом:

- описание эмоционального состояния, в состав которого входит «субъект состояния» и «эмоциональный признак». Эмоциональные состояния характеризуются рядом свойств, таких как статичность, временный характер, неконтролируемость и ненаблюдаемость. Эмоциональные состояния идентифицируются по внешним признакам.
- описание вербального выражения эмоции (эмотивно-оценочная лексика).
- описание невербального выражения эмоции.

Подытоживая описания косвенных признаков эмоции «хашм – anger (гнев)», можно сказать, что в этнокультурах используется общая система мимических, жестовых и голосовых стереотипов, отражающих также культурные элементы невербального выражения гнева.

Система репрезентаций эмоционального концепта структурируется следующим образом:

- устойчивые выражения, используемые для описания конкретной эмоции в данном языке, систематизируются в концептуальные категории (т.е. в системы концептуальных метонимий, метафор и родственных концептов);
- концептуальные категории систематизируются в когнитивные модели, среди которых, как правило, одна является прототипичной, а остальные отступлениями от прототипа.

Эмоциональный концепт, бесспорно, является разновидностью культурного концепта и сохраняет все его свойства, но отличается дополнительными эмотивными, ценностными и оценочными характеристиками. В основе его лежит оценка как онтологическое свойство человека, который не может в своей познавательной деятельности не оценивать окружающую его действительность.

Эмоциональные концепты, наравне с другими лингвоментальными структурами, являются убедительным и наглядным маркером этнокультурной специфики языкового сознания, как индивидуума, так и социума в целом.

Предпринятое описание эмотивно-оценочного фрагмента лексической системы таджикского и английского языков раскрыло наличие концептуальных основ моделирования процессов интеллектуальной и эмоциональной интерпретации действительности говорящим субъектом, содержащих следующие компоненты:

- 1) появление различных эмоций обусловлено контекстной ситуацией;
- 2) эмоциональное состояние субъекта стимулирует оценочную деятельность субъекта и играет существенную роль в формировании эмотивной оценки, заметно изменяя и модифицируя оценочное содержание.

Эмоциональное состояние под влиянием интенсивной, ценностно ориентированной и объектно направленной эмоции гнева изменяет варианты своей интерпретации, также изменяются основания оценки и ее содержание.

Исходя из вышесказанного, можно сказать применительно к ситуации эмоциональной и оценочной толкования реальности, что оба эти процесса взаимообусловлены в ментальном освоении мира.

Изучение механизма лексической репрезентации эмотивной оценки осуществлялось на материале таджикского и английского языков в рамках эмотивно-оценочных фрагментов художественного текста, который понимается как «особый язык», предназначенный для вербализации аксиологической и эмоциональной интерпретации события говорящим субъектом и организованный с помощью эмотивно-оценочной лексики.

Эмотивно-оценочный фрагмент художественного текста (в лексическом аспекте) является уникальным языковым материалом, в котором воплощаются когнитивные (ценностные ориентиры, устройство

личностной аксиологической парадигмы), прагматические (умение строить эмотивно-оценочный дискурс, адекватный коммуникативной ситуации, межличностным отношениям, собственным интенциям), психологические особенности говорящих, что открывает пути для лингвистического и психологического моделирования.

Изучение эмотивно-оценочного фрагмента лексической системы языка, с использованием лингвопсихологического анализа, раскрывает вероятность дальнейшего изучения лексики под новым углом зрения: как способа вербализации концептуальных областей ментального пространства человека и как средства лексической организации эмотивно-оценочного дискурса говорящего социума.

Художественный текст, с одной стороны, представлен сложной структурой интенций и является объектом исследования прагматики, с другой стороны, он является объектом исследования когнитивной лингвистики, так как базируется на представлениях ценностной парадигмы говорящего социума.

Нами выявлены интенции, представляющие собой сложное иерархическое целое, в котором выделяются как общие, так и частные мотивы. Участники интенционального комплекса связаны различными логическими отношениями, причём, доля оценочной семантики может быть различной. Соответственно реализуется и прототипическая интенция индивида, использующего эмотивно-оценочную лексику. Эмотивно-оценочная лексика отражает универсальные свойства, характерные для таджикской и английской языковых картин мира: а) «воздействие на поведение, эмоциональное состояние адресата»; б) «создание особого типа коммуникации»; в) «выражение эмоционального состояния»; г) «эмотивно-оценочное выражение».

Особенность менталитета русскоязычного социума, выраженную в интенциях: «эмоция гнева в языке малого социума» и «создание индивидуального вербального портрета».

Установлено, что выражения, употребляемые для обозначения гнева и его разновидностей в таджикском и английском языках, могут быть проанализированы и структурированы с точки зрения когнитивной модели гнева, представленной в семантике языка.

Проведенное исследование метафорического понимания эмоции гнева в русской языковой картине мира показало, что существующие метафорические выражения для описания эмоции гнева представляют собой набор выражений и могут быть классифицированы в систему концептуальных метафор, которая дает более или менее полное представление о том, как эмоция гнева концептуализируется в таджикском языке: а) «контейнер» (горячая жидкость, огонь); б) «опасное животное»; в) «противник в борьбе»; г) «помутнение рассудка»; д) «ноша».

Лингвокультурологической спецификой концептуализации эмоции «гнев» в языковой картине мира (например, в таджикской) является существование следующих метафорических переносов: «гнев - эмоция от которой нужно избавляться», «выражение гнева — проявление слабого характера».

На основании данных, полученных из толковых словарей таджикского языка, концептуальное поле эмоции печаль/горе представлено 28 номинантами: горе, несчастье, горесть, горечь, скорбь, прискорбность, кручина, отчаяние, мука, боль, невзгода, безутешность, сожаление, страдание, печаль, тоска, меланхолия, ностальгия, уныние, грусть, скука, хандра, разочарование, расстройство, подавленность, растерянность, прострация, апатия.

В английском языке - 34 номинантами того же лексического наполнения: grief, heart, anguish, heart-break, ache, woe, broken heart, sorrow, pain, hurt, ache, pang, scar, affliction, agony, wound, sadness, suffering, despair, gloom, distress, desolation, bereavement, dole, yearning, mourning, depression, discontent, melancholy, nostalgia, ennui, boredom, lassitude, apathy, emptiness.

В результате сопоставления русской и английской картин мира мы видим количественное превосходство английских концептов называющих эмоцию печаль/горе: 28 в таджикском языке и 34 в английском.

Эмоция гнев представлена в таджикском языковом сознании по данным толковых словарей таджикского языка 20 номинантами: неистовство, буйство, ярость, бешенство, исступление, умоисступление, аффект, аффектация, припадок, остервенение, остервенелость, невменяемость, гнев, злость, злоба, озлобленность, негодование, возмущение, раздражительность, раздражение.

В английском языке нами было выявлено 25 номинантов, вербализующих эмоцию гнева: rage, outrage, fury, berserk fury, hysteria, wrath, ire, bate, anger, indignation, heat, malice, spite, irritation, irritability, exasperation, outbreak, explosion, virulence, resentment, gall, grudge, pique, annoyance, displeasure.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азнаурова Э.С. Очерки по стилистике слова. – Ташкент, 1973. – С.94.
2. Амосова М. Н. Основы английской фразеологии. – Ч. ЛГУ, 1963.
3. Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова. Избранные труды. – М., 1995. – Т. 2. – С. 156–177.
4. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л., 1981. – С.123.
5. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры – М.: Прогресс, 1990.- 510с.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 895 с.
7. Афоризмы. Древний мир. Античность / сост. А.П. Кондрашев. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001. – 512с.
8. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.
9. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966
10. Ахутина Т. В. Проблема строения индивидуального лексикона человека в свете идей Л. С. Высотского // Вестник Московского университета, серия 14, «Психология».- М., 1994. – с. 44-51
11. Балли Ш. Язык и жизнь. – М.: УРСС, 2001. – 230 с.
12. Беляевская Е. Г. О характере когнитивных оснований языковых категорий // Когнитивные аспекты языковой категории: сб. науч. тр. – Рязань, 2000. –с. 9- 14
13. Беме Р. Л., Кузнецов А. А. Птицы разных материков. – М.:Просвещение, 1986. – 134 с.
14. Берлизон С.Б. Эмоциональность слова (фразеологические единицы) в плане дихотомии «язык – речь» // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Вып. 2. – Новосибирск, 1973. – С.89 – 97.
15. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М: УРСС, 2002. – 446 с.
16. Блумфилд Л. Язык. – М., 1968. – 606 с.

17. Бодуэн де Куртенэ И. А. О задачах языкознания. – Избранные труды по общему языкознанию, т. 1. – М., 1968
18. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. - Л.: Наука Ленинградское отделение, 1987.- 347 с.
19. Босова Л. М. Проблема соотношения семантических и смысловых \ полей качественных прилагательных. – Барнаул, 1997. – 234 с.
20. Бромлей Ю. С. Очерки теории этноса. – М., 1983. – 145 с.
21. Брунер Д. Ж. Психология познания: За пределами непосредственной информации. – М.: Прогресс, 1997. – 156 с.
22. Булгарова Б.А. Трудности, возникающие при исследовании эмотивной лексики русского языка // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом, культурологическом аспектах: сб. участников IV международной научной конференции. 25-26 апр. 2008. – Челябинск: ООО Издательство РЕКПОЛ, 2008. – Т. 3. – С. 66 – 68.
23. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем. вступ. ст. коммент. О. А. Радченко. – М.: изд – во МГУ, 2003. – 229 с.
24. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 310с.
25. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. – М.: Высшая школа, 1990. – 175 с.
26. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А. Д. Шмелева, под ред., предисл., Т. В. Булигиной. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 780с.
27. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
28. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. – Екатеринбург, 2002. – С. 89.
29. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. – М. : Русский язык, 1980. – 320с.
30. Виноградов А. В. Категориальная типология и языковой тип, - М., 1993. – 72с.

31. Витгенштейн Л. Философские исследования.// Новое зарубежной лингвистике. Вып. 15. – М., 1985. – С. 23 – 27.
32. Воркачев С. Г. Эталонность в сопоставительной семантике // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 25. – М., 2003. – С. 6-15
33. Выготский Л. С. Мышление и речь. – М.:Лабиринт, 1996. – 414 с.
34. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология / на материале французского и русского языков. – М.: Международные отношения, 1977. – 263 с.
35. Гак В. Г. Языковые преобразования, - М.: Языки русской культуры, 1998. – 763 с.
36. Гласс Д. Ж. Стенли Д. Ж. Статистические методы в педагогике и психологии. – М.: Прогресс, 1976. – С. 78.
37. Городницкий А.М. И жить еще надежде. – М.: Вагриус, 2001. – 640 с.
38. Гришаева Л.И., Цурикова Л.В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учеб. пособие. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т., 2004. – С.88.
39. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 2000. – 451 с.
40. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Наука, 1972. – 289 с.
41. Денис П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.:Прогресс, 1993. – С. 34.
42. Денет Д.С. Фон языка и мышления // Когнитивные исследования в языкознании и зарубежной психологии. – Барнаул, 2001. – С. 190 – 198.
43. Додонов Б.И. В мире эмоций. – Киев: Политиздат Украины, 1987. – 140 с.
44. Де Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Наука, 1977. – 342 с.
45. Ейгер Г. В. Языковые способности: Учебное пособие.- Харьков: ХГУ, 1990. – 129 с.

46. Ейгер Г. В., Раппопорт И. А. Язык и личность. – Харьков: ХГУ, 1991. – 89 с.
47. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960. – 264-389 с.
48. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: УРСС, 2002. – 404 с.
49. Жинкин Н. И. Механизмы речи. – М.: Наука, 1958. – 245 с.
50. Залевская А. А. Вопросы теории и практики межкультурных исследований // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 2000. – С. 23-39
51. Залевская А. А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира. – М., 1996. – с. 39-55
52. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека.–Воронеж, 1996. – 206 с.
53. Зимняя И. А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная реальность. –М., 1993. – С. 51 – 58.
54. Зиновьева Е.И. Понятие «концепт» в рамках спецкурса «Языковая картина мира: концептосфера русского языка // Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного. СПб., 2003. – С. 16 – 22.
55. Изард К.И. Психология эмоций.– СПб.: Изд-во: Питер,1999.– С.56.
56. Исследования речевого мышления в психолингвистике: сборник научных трудов/ отв. ред. Е. Ф. Тарасов. – М.: Наука, 1985. – 239 с.
57. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.:ГНОЗИС, 2004. – 389 с.
58. Караулов Ю. Н. Типы коммуникативного поведения носителя языка в ситуации лингвистического эксперимента // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 2010. – 67- 97 с.
59. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М., 1976. – 278 с.

60. Караулов Ю. Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 191-207.
61. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: УРСС, 2002. – 261 с.
62. Карташев Н. Н. Систематика птиц. - М.: Высшая школа, 1974. – 135 с.
63. Киселева Л.А. Теоретические проблемы исследования языка как средства воздействия: автореф. дис. .... докт. филол. наук. – Л., 1973. – С. 34.
64. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – М.: УРСС, 2001. – 215 с.
65. Кио И.Э. Иллюзия без иллюзий. – М.: Вагриус, 1999. – 318 с.
66. Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национального характера через анализ коннотации этнонимов // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. - М., 1995, №3.
67. Кравченко А. В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категории. – Иркутск, 1996. – С. 89.
68. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность. – М., 2003. – 375 с.
69. Красных В.В. Виртуальная реальность или реальная Виртуальность (Человек. Сознание. Коммуникация). Научная монография. - М.: Изд-во АО «Диалог МГУ», 1998. – 350 с.
70. Кубрякова Е.С. Память и ее роль в исследовании речевой деятельности // Текст и коммуникации / сб. науч. трудов. – М., 1991. = С. 4- 21
71. Кубрякова Е.С. Язык знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос.Академия наук. Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

72. Лакофф Д.Ж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. – М., 2004. – 792 с.
73. Лакофф Д.Ж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. А.Н. Баранова. – М.: УРСС, 2004. – 252 с.
74. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика, 1994. – 602 с.
75. Леденева С.Н. О психолингвистических аспектах понимания связного текста // Вопросы прикладной лингвистики, 2016. №22. С. 74-85.
76. Лейн М.Д. О структуре понятия, передаваемого эмоциональным значением слова, и методике ее исследования // системное описание лексики германских языков. – Вып.1. – Л., 1976. – С. 102 -104.
77. Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. – М.: УРСС, 2003. 243 с.
78. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.,1969.– 211 с.
79. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993. – С. 16-21.
80. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.
81. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. Изд.4-е. М.: Изд-во МГУ, 1981. – 584 с.
82. Леонтьев А.Н. Философия психологии. – М.: Изд-во МГУ, 1996. - 285 с.
- Литвин Ф.А. Осемантических категориях синтаксиса // Семантические категории языка и методы их изучения. – 41. – Уфа, 1985. – С. 67.
83. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Символ в системе культуры. – М., 1996. – С. 56.
84. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. – Новосибирск, 1986. – С. 45.
85. Лурия А.Р. Язык и сознание. - М.: Изд-во МГУ, 1998. – 335 с.

86. Лурия А.Р. Вироградова О.С. Объективное исследование динамики семантических систем // Семантическая структура слова. – М.: Наука, 1971. – С. 27-63.
87. Лурье С.В. Историческая этнология. - М.: Аспект-Пресс, 1997. – 445 с.
88. Малюга Е.Н. Основные характеристики профессионального языка / Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. – 2011. - № 1 / 2 (82) – С. 133-138.
89. Малюга Е.Н. Профессионально ориентированное обучение иностранным языкам на современном этапе // Вопросы прикладной лингвистики. – 2010. - № 3. – С. 83-97.
90. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Academia, 2004.–202 с.
91. Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. – Курск, 2000. – С. 89.
92. Орнитологический сборник / общество естествоиспытателей при АН ЭССР.10: Птицы и антропогенные факторы / под ред. О. Ренно. – Таллин: Валгус, 1985. – С. 34.
93. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М. : СПб.: ГЛОССА/КАРО, 2004. – 336с.
94. Павиленис Р.И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. - М.: Мысль, 1983. – 286 с.
95. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М.: Изд-во МГУ, 1988. – 207 с.
96. Покровский М.М. Избранные работы по языкознанию. – М.: Наука, 1959. – 124 с.
97. Потебня А.А. Мысль и язык // Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 622 с.
98. Прозерский В.В. критический очерк эстетики эмотивизма. – М.: Прогресс, 1996. – С. 89.
99. Психолингвистические проблемы семантики// сб. научных трудов / отв. ред. А.А. Залевская. - Калинин: КГУ, 1990. – 139 с.

100. Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов. – М., 2002. – 536 с.
101. Ришар Ж.Ф. Ментальная активность. Понимание, рассуждение, нахождение решений. – М., 1998. – С. 103.
102. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: аука, 1988. – 219 с.
103. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб. Литер Ком, 1998. – 705с.
104. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Академия, 2005. – С. 90.
105. Семантика и категоризация: сборник научных трудов / Р.М. Фрумкина, А.В. Михеев, А.Д. Мостовая и др., / отв. ред. Д.А. Шрейдер. АН СССР, Институт языкознания. – М.: Наука, 1991. – 168 с.
106. Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования. – М.: Наука, 1971. – 213 с.
107. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 654 с.
108. Серебренников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям Языка. – М.: Прогресс, 1983. – 319 с.
109. Серебренников Б.А. Язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 198 с.
110. Симакова О.Б. Лексико-семантическая группа «Орнитонимы»: дисс. канд. фил. наук. – Пенза, 2003. – С. 78.
111. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск, 1982. – С.56.
112. Смирнов И.П. Психология образа: проблема активности психического отражения. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 231 с.
113. Солодуб Ю.П. Национальная специфика и универсальные свойства фразеологии как объект лингвистических исследований // Филологические науки. №6. - М., 1990
114. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. – Самара, 1994

115. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М.: Наука, 1985. – С. 89.
116. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка, семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М., 1995. – С. 78.
117. Стернин И.А. Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 97-112.
118. Стернин И.А. Коммуникативное сознание как предмет изучения // Язык и национальное сознание: Вопросы теории и методологии. – Воронеж, 2002. – 314 с.
119. Стернин И.А., Быкова Г.В. Концепты и лакуны // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 1998. – С. 82-87
120. Стернин И.А. Коммуникативная концепция семантики слова // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. – Екатеринбург, 1997. – С. 82-87.
121. Стефанскиц Е.Е. Концептуализация негативных эмоций в мифологическом и языковом сознании (на материале русского, польского и чешского языков): автореф. дис. ....д-ра филол. наук. – Волгоград, 2009. – С.34.
122. Стеценко А.П. О специфике психологического и лингвистического подходов к проблеме языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993. – С. 22-34.
123. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М., 1986. – С. 129 – 154.
124. Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 24-33.
125. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение - новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 7-22.
126. Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследований // Языковое сознание: содержание и функционирование // XIII

- Международный симпозиум по психолингвистике и межкультурной Коммуникации. – М., 2000. – С. 3-5.
127. Тарасов Е.Ф., Тарасова М.Е. Исследование ассоциативных полей представителей разных культур // Ментальность Россиян / под ред. И.О. Дубова. – М., 1997. – С.78.
128. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1999. – С. 89 -90.
129. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных Единиц // Психолингвистические исследования слова и текста. Тверь, 1997. – С.34.
130. Телия В.Н. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М., 2010. – С. 78.
131. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. – М.: КомКнига, 2001. – 352 с.
132. Уорф Б. Отношение норм мышления к языку // Зарубежная лингвистика. Вып. 1. – М., 1999. – С. 67.
133. Уорф Б. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып.1. – М., 1960. – С.34.
134. Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М.: Наука, 1996. – С. 139-162.
135. Уфимцева Н.В. Человек и его сознание: проблема формирования // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993. – С. 59-75.
136. Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образа славян // Языковое сознание и образ мира. – М., 2000. – С. 207-220.
137. Ушакова Т.Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты / сб. под ред. Н.В. Уфимцевой. – М.: Барнаул, 2004. – С. 6-17.

138. Фелицына В.П. Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. – М.: Русский язык, 1988. – 272 с.
139. Фесенко Т.А. Концептуальное моделирование как метод изучения ментальной реальности человека // Язык. Сознание. Коммуникация / сб. статей. Выпуск 12. – М., 2000. – С.45.
140. Фесенко Т.А. Этноментальный мир человека: опыт концептуального моделирования. – автореф. дисс. д-ра фил. наук., М., 1999. – С.12.
141. Филлмор Ч.Дж. Об организации семантической информации в словаре // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 14. – М., 1993 - С. 74-123.
142. Филлмор Ч.Дж. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. – М., 1993. – С. 74-123.
143. Фрумкина Р.М. Концепт, категория прототип // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. – М., 1992. – С. 28-43.
144. Хинтикк Я. Логика в философии - философия логики. – М., 1980. – С.67.
145. Честертон Е.К. По обе стороны зеркала // Предисловие к книге Л. Кэрролла «Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. – М.: Правда, 1982. – С. 3-8.
146. Чейф У. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. – М., 1983. – С. 35-73.
147. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 409 с.
148. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. Едиториал УРСС. – 260 с.
149. Эмотивный код языка и его реализация. – Волгоград, 2003. – 170с.
150. Языковая номинация: Тезисы докладов Международной научной конференции. – Минск, 1996. – С. 45.
151. Яковлева Е.Б. Просодия атрибутивной синтагматики в современном английском языке. – М.: Наука, 1994. – С. 45.

152. Якобсон Р.О. Язык и бессознательное: Работы разных лет. – М., 1996. – С. 89.
153. Battig W., Montague W. Category norms for verbal items in 56 Categories // Journal of Experimental Psychology. Monograph. V.80 N 3, Part 2, 1969. – P. 89.
154. Berlin B., Key P. Basic colour terms: their universality and evolution. Berkley: University of California Press, 1969. – P.45.
155. Noth W. Symmetries and Asymmetries between Positive and Negative Emotion Words // Proceedings. – Tubungen: Niemeier, 1992. – P. 45.
156. Ipsen G. Der neue Sprachbegriff // Zeitschrift für Deutschkunde. – 1932. – P. 110–120.
157. Van Overshelde, K. Rawson, J. Dunlosky Category norms: An updated and expanded version of the Battig and Montague (1969) norms // Journal of Memory and Language. V. 50, n № 3, 2004.
158. Jackendorf R. Semantic and Cognition.-Cambridge (Mass.), 1983. – P. 90.
159. Malt B., Smith E., Gennari S. Universality and language specificity in object naming // Journal of Memory and Language. V 49. N 1, 2003, P. – 20-42.
160. Malyuga E., Tomalin B. (2014). English Professional Jargon in Economic Discourse. In Journal of Language and Literature, Vol. 5 (4). – P. 172-180.
161. Paivio A. Mental representations: a dual coding approach. NY, 1986. – 322p.
162. Ponomarenko E.V., Malyuga E. (2012) Business English and functional linguistics: teaching practical English in perfect harmony with theory. ICERI 2012: 5th International Conference of Education, Research and Innovation. Conference Proceedings. Madrid: IATED. – P. 524-529.
163. Rosh E. Cognitive representation of semantic categories // Journal of Experimental Psychology. General. V. 104, N 3, 1975. – P. 192-233.

164. Rosh E. On the internal structure of perceptual and semantic categories // Cognitive development and the acquisition of language. Edited by T. Moore, 1973. – P.1 11-144.
165. Taylor R. V. Human territorial functioning. – Cambridge, 1988. – P. 102-104
166. Trier J. Deutsche Bedeutungsforschung // Germanische Philologie, Ergebnisse und Methoden. – Behaghel – Heidelberg, 1934. – P. 173–200.
167. Айни С. Дархусусизабони адаби тоҷик // Роҳбаридониш. – 1929. – № 4. – С. 23–25.
168. Айни С. Куллиёт // Айни С. Луғатинимтафсилии тоҷикӣ барои забони адаби тоҷик / С. Айни. – Душанбе, 1976. – Ҷ. 12. – С. 13–558.
169. Айни С. Мактуби кушода ба Рафиқ Толис // Шарқисурх. – 1948. – № 11. – С. 16–18.
170. Гаффаров Р. Забон ва услуби Раҳим Ҷалил. – Душанбе: Дониш, 1966. – 116 с.
171. Гаффаров Р. Шеъраи ҷанубии забони тоҷикӣ. – Душанбе: Дониш, 1979. – 271 с.
172. Гиёс-ул-луғот [Текст]. – Душанбе: Адиб, 1987. – Ҷ. 1–2. – 416 с.
173. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1977. – 372 с.
174. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. – Душанбе: Дониш, 1986. – Ҷ. 2: Ибора ва синтаксиси ҷумлаҳои сода. – 372 с.
175. Зеҳни Т. Санъати суҳан. – Душанбе: Ирфон, 1979. – 396 с.
176. Камолиддинов Б. Забон ва услуби Х. Карим. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 321 с.

177. Камолиддинов *Б.Хусни баён*. – Душанбе: Маориф, 1989. – 291 с.
178. Капранов В.А. Луғати мухтасари синонимияи Русӣ – тоҷикӣ. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 319 с.
179. Луғати мухтасари тоҷикӣ-русӣ [Текст]. – Душанбе: Ирфон, 1988. – 250 с.
180. Мачидов Х. Осори воқеияти қадимаи эронӣ дар фразеологияи муосири тоҷик // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2002. – № 4. – С. 63–77.
181. Маъсумӣ Н. Забони адабии тоҷикӣ дар ибтидои қарни XX // Номаи Пажӯҳишгоҳ. – 2004. – № 2. – С. 25–42.
182. Маъсумӣ Н. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик. – Сталинабад: Нашр. дав. тоҷ., 1959. – 294 с.
183. Муҳаммадиев М. Луғати синонимҳои забони тоҷикӣ. – Душанбе: Маориф, 1993. – 233 с.
184. *Ниёзӣ Ш.* Исм ва сифат дар забони тоҷикӣ. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 186 с.
185. Нуров А. Фарҳанги осори Ҷомӣ. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 233 с.
186. Рустамов Ш.Ш. Забон ва замон. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 231 с.
187. Саймиддинов Д. Вожашиносии забони форси миёна. – Душанбе: Пайванд, 2001. – 310 с.
188. Фарҳанги забони тоҷикӣ: в 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 1898 с.
189. Фарҳанги мухтасари «Шоҳнома». – Душанбе: Адиб, 1988. – 211 с.
190. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ (зери таҳрири С.Д. Холматова, С. Солеҳов, С. Каримов). – Душанбе: Дониш, 2004. – 814 с.

191. Халимов С.С. Айнӣ ва баъзе масъалаҳои инкишофи забони адабии тоҷик. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 231 с.
192. Шоҳаҳмад А. Фарҳанги ашъори Камоли Хуҷандӣ. – Душанбе: Маориф, 1996. – 368 с.
193. Шукуров М. Ҳар суҳан ҷоеву ҳар нуқта мақоме дорад. – Душанбе: Ирфон, 1985. – 187 с.

Список использованных словарей

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 12-е изд. – М., 1987.
2. ФЭС – Философский энциклопедический словарь. – М.,1983.
3. Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М., 1994-1998. – кн. 1-6.
4. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. / гл. ред. В.Н. Ярцева.-2изд. – М.,2000.-668 с.
5. Биологический энциклопедический словарь./ гл. ред. М.С. Гиляров. – 2-изд., испр. – М.: Советская энциклопедия., 1989.-863 с.
6. Словарь методических терминов (теория и практика обучения). – М.: Из-во: ИКАР, 2009. – 448 с.
7. Словарь современного русского литературного языка в 17-ти тт. – М.-Л., 1956.
8. Американа: Англо-русский лингвострановедческий словарь./ под ред. и общим руководством Г.В, Чернова.- Смоленск: Полиграфия, 1996.- 1185 с.
9. Американские идиомы: англо-русский лексико-фразеологический словарь: 4500 ед. / сост. Г.К. Уитторрд, Р. Дж. Диксон.-М.:ЗЭСТ, 1994-190с.
10. Longman Dictionary of Contemporary English / 3rd ed. – London: Longman, 1995.
11. Longman Dictionary of English Language and Culture. – London: Longman, 1992.
12. Webster’s New World Dictionary of the American Language / 2nd ed. – NY: Prentice Hall Press, 1986.

13. Webster's Third New International Dictionary of the English Language / Unabridged. – Germany: Konemann, 1993.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Айнӣ, С. Чаллодони Бухоро. Марги судхур. Ятим [Текст] / С. Айнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 556 с.

Айнӣ, С. Фуломон [Текст] / С. Айнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1970. – 432 с.

Айнӣ, С. Мактаби куҳна [Текст] / С. Айнӣ. – Душанбе: Адиб, 2004. – 59 с.

Айнӣ, С. Еддоштҳо. Т. 1–2 [Текст] / С. Айнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1987. – 1329 с.

Айнӣ, С. Дохунда [Текст] / С. Айнӣ. – Душанбе: Ирфон, 1986. – 404 с.

Аҳмадзода, Ю. Ишқи духтари кулаҳпӯш [Текст] / Ю. Аҳмадзода. – Душанбе: Адиб, 2010. – 255 с.

Ганҷавӣ, Н. Лайло ва Мачнун [Текст] / Н. Ганҷавӣ. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 324 с.

Ганҷавӣ, Н. Хусрав ва Ширин [Текст] / Н. Ганҷавӣ. – Душанбе: Адиб, 1984. – 332 с.

Ганҷавӣ, Н. Маҳзан-ул-асрор [Текст] / Н. Ганҷавӣ. – Душанбе: Адиб, 1984. – 356 с.

Деҳлавӣ, Х. Куллиет [Текст] / Х. Деҳлавӣ. – Душанбе: Ирфон, 1984. – 521 с.

Қутби, К. Ғазал [Текст] / К. Қутби. – Душанбе: Ирфон, 1981. – 360 с.

Лоиқ Ш. Резаборон [Текст] / Ш. Лоиқ. – Душанбе: Ирфон, 1986. – 312 с.

Мӯсо, Ш. Қиссаи баҳорӣ [Текст] / Ш. Мӯсо. – Душанбе: Маориф ва фарҳанг, 2011. – 190 с.

Раҳимзода, Б. Ҳадяҳои Терек [Текст] / Б. Раҳимзода. – Душанбе: Ирфон, 1986. – 412 с.

- Румӣ, Ҷ.* Маснавии Маънавӣ [Текст] / Ҷ. Румӣ. – Душанбе: Ирфон, 2007. – 240 с.
- Румӣ Ҷ.* Ғазалиёт [Текст] / Дж. Румӣ. – Душанбе: Ирфон, 1986. – 311 с.
- Самадов, А.* Паррончакҳо [Текст] / А. Самадов. – Душанбе: Адиб, 1982. – 332 с.
- Самадов, А.* Сипоҳ [Текст] / А. Самадов. – Душанбе: Адиб, 1982. – 367 с.
- Сорбон, А.* Ҷўғӣ. [Текст] / А. Сорбон. – Душанбе: Ирфон, 1986. – С. 34.
- Табрезӣ.* Меҳр ва муштарӣ [Текст] / Табрезӣ. – Душанбе: Адиб, 1974. – 401 с.
- Турсун, С.* Қиссаи марди гахворасоз [Текст] / С. Турсун. – Душанбе: Маориф, 1982. – 443 с.
- Фирдавсӣ, А.* Шохнома. Ҷ. 1–9. – Душанбе: Адиб, 2007. – 1416 с.
- Ҳиротӣ.* Осори Мунтахаб [Текст] / Ҳиротӣ. – Душанбе: Адиб, 1996. – 420 с.
- Ҷомӣ, А.* Силсилат-уз-заҳаб [Текст] / А. Ҷомӣ. – Душанбе: Адиб, 1974. – 521 с.
- Ҷомӣ, А.* Хирадномаи Искандарӣ. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 342 с.
- Ҷомӣ, А.* Осори мунтахаб. Ҷ. 3. Саломон ва Абсол. Сабҳат-ул-Аброр (Аз «Ҳафт Авранг»). – Душанбе: Ирфон, 1987. – 456 с.
- Шерозӣ, С.* Гулистон [Текст] / С. Шерозӣ – Душанбе: Афсона, 2007. – 137 с.
- Шерозӣ, С.* Бӯстон [Текст] / С. Шерозӣ. – Душанбе: Адиб, 1984. – 338 с.
- Austen, J.* Sense and Sensibility [Текст] / J. Austen. – NY: Dover Publication, 1996. – 261 p.
- Bradbury, R.* Fahrenheit 451 [Текст] / R. Bradbury. – London: Harper Collins Publishers, 1996. – 184 p.

Dickens, Ch. Great Expectations [Текст] / Ch. Dickens. – London: Penguin Books, 1996. – 442 p.

Galsworthy, J. The Forsyte Saga [Текст] / J. Galsworthy. – М.: Литература на иностранных языках. – 317с.

Macdonald, R. The Drowning Pool [Текст] / R. Macdonald. – London: Harper Collins Publishers, 1996. – 216 p.

Vonnegut, K. Breakfast of Champions [Текст] / K. Vonnegut. – NY: Galapagos. – 297 p.

Shakespeare, W. Sonnets [Текст] / W. Shakespeare. – London: Virago Press, 1999.